

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Шереметьев А. Г.** Религиозный фактор во внешней политике Золотой Орды при хане Берке 3
- Спикина Е. Э.** Философская концепция и гражданская позиция А. С. Кайсарова по крестьянскому вопросу (по материалам диссертации «Об освобождении крепостных в России») 9
- Колесникова С. Ю.** Популяризация образа Петра Великого в контексте русско-немецкого диалога (1870-е гг.) 14
- Кочукова О. В.** «Россия под пером замечательного человека»: письма В. П. Мещерского великому князю Александру Александровичу из служебных командировок по России 20
- Лёвин С. В.** Обзоры материалов земской статистики на страницах журналов «Вестник Европы» и «Русское богатство» 28
- Макарова Д. Ю.** Атеистическая пропаганда в СССР в 1954–1964 годах (на материалах Курской области) 33

Всеобщая история и международные отношения

- Мосолкина Т. В.** Отношение к католикам в Англии в период Реставрации 40
- Галямичев А. Н.** Средневековая история славян в научно-педагогической деятельности Т. Н. Грановского 43
- Белевцева С. Н.** Реализация американской стратегии «распространения демократии» посредством урегулирования региональных конфликтов в период второго президентского срока Р. Рейгана 49
- Петрыкина Д. В.** США и Колумбия на современном этапе сотрудничества 57
- Маврина Ю. В.** Европейский вектор турецкой внешней политики 61
- Шенин С. Ю.** «Большая игра» на Каспии: ход Кремля (2004 г.) 67
- Баранов А. В.** «Исламское пробуждение» и «арабская весна»: внешнеполитическая доктрина исламской Республики Иран 71

Региональная история и краеведение

- Тотфалушин В. П.** Юбилейные торжества 1912 года в Саратовской губернии 78
- Васильченко М. А.** Чехословацкий корпус в Поволжье в 1918 году 83
- Помоголова О. И.** Медицинская помощь иностранных благотворительных организаций в период голода в Поволжье в 1921–1922 годах (на примере Саратовской губернии и Области немцев Поволжья) 87
- Гуменюк А. А.** Социальные преобразования в России в 1921–1928 годах 91
- Чолахян В. А.** Подготовка рабочих кадров в промышленности Нижнего Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) 100
- Акопян В. З.** «Великий перелом» в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе 106

Критика и библиография

Представляем книгу

- Вовси Э. М.** Герои и недруги: Саратовский край в годы войн России с Наполеоном, 1805–1815 годы 112

Приложение

Хроника

- Чолахян В. А.** Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: Всероссийская научная конференция 115

Сведения об авторах 118

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич

Аксеновская Людмила Николаевна

Аникин Валерий Михайлович

Балаш Ольга Сергеевна

Бучко Ирина Юрьевна

Вениг Сергей Борисович

Волкова Елена Николаевна

Голуб Юрий Григорьевич

Захаров Андрей Михайлович

Ивченков Сергей Григорьевич

Комкова Галина Николаевна

Лебедева Ирина Владимировна

Левин Юрий Иванович

Макаров Владимир Зиновьевич

Монахов Сергей Юрьевич

Орлов Михаил Олегович

Прозоров Валерий Владимирович

Федотова Ольга Васильевна

Федорова Антонина Гавриловна

Черевичко Татьяна Викторовна

Шатилова Алла Валерьевна

Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна

Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич

Голуб Юрий Григорьевич

Креленко Наталия Станиславовна

Мезин Сергей Алексеевич

Монахов Сергей Юрьевич

Черевичко Татьяна Викторовна

Чолахян Вацаган Альбертович

Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской

Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств

массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 28.08.13.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ 40.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Sheremetyev A. G.** Religious Aspects in Foreign Policy of the Golden Horde During Berke's Khan Reign 3
Spikina E. E. Philosophical Concept and Civil Position of a. S. Kaisarov on the Peasant Question (Based on Dissertation «Serfs Exemption in Russia») 9
Kolesnikova S. Yu. Popularization the Image of Peter the Great in the Context of the Russian-german Dialogue (1870s) 14
Kochukova O. V. «Russia from the Pen of a Remarkable Man»: V. P. Meshchersky's Letters to the Grand Prince Alexander Alexandrovich from the Business Trips in Russia 20
Lyovin S. V. Reviess of the Materials of Zemstvo Statistics on the Pages of the Magazines «Vestnik Yevropy» and «Russkoye Bogatstvo» 28
Makarova D. Y. Atheistic Propaganda in the USSR in 1954–1964 (on the Materials of the Kursk Region) 33

World History and International Relations

- Mosolkina T. V.** The Relation to Catholics in England in Restoration 40
Galyamichev A. N. Medieval History of Slaves in Scientific-pedagogical Activity T. N. Granovsky 43
Belevtseva S. N. Realization of the American Strategy of «Distribution of Democracy» by Means of Settlement of Regional Conflicts During the R. Reagan's Second Presidential Term 49
Petrykina D. V. Modern Stage of Cooperation Between the USA and Colombia 57
Mavrina Yu. V. European Vector of Turkish Foreign Policy 61
Shenin S. Yu. The «Great Game» in the Caspian Region: the Kremlin's Move (2004) 67
Baranov A. V. The «Islamic Awakening» and the «Arab Spring»: Iran's Foreign Policy Doctrine 71

Regional History and Local Studies

- Totfalushin V. P.** Anniversary celebrations of 1912 in the Saratov Region 78
Vasilchenko M. A. Czechoslovak Corps in the Volga Region in 1918 83
Pomogalova O. I. Medical Care Provided by International Charity Organizations during the Period of Famine in the Volga Region 1921–1922 (Based on the Example of Saratov Province and the Region of Volga Germans) 87
Gumenyuk A. A. Social Reforms in Russia in 1921–1928 Yrs 91
Cholakhyan V. A. Training of Workers in Industry of the Lower Volga Region During Second Five-year Plan (1933–1937) 100
Akopyan V. Z. «Great Turning Point» in Nation-building in the North Caucasus 106

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Vovsi E. M.** Heroes and Foes: Saratov's Region during the Napoleonic Wars, 1805–1815 112

Appendices

Chronicle

- Cholakhyan V. A.** Current Problems of Russian Civilization and Methods of Teaching History: Russian Nation-wide Scientific Conference 115

Information about the Authors

118

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).031

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПРИ ХАНЕ БЕРКЕ

А. Г. Шереметьев

Саратовский государственный университет
E-mail: alexandrsheremetev@yandex.ru

В центре внимания автора находятся известия арабских средневековых историков, согласно которым ислам, принятый золотоордынским правителем Берке, стал основой его внешнеполитической деятельности. Анализируя эти данные, А. Г. Шереметьев предлагает разграничить понятия «религиозный фактор» и «религиозный ресурс» и приходит к выводу, что ислам в политической жизни Улуса Джучи при Берке играл роль не движущей силы, определяющей вектор политической деятельности, а инструмента, позволявшего добиться конкретных целей.

Ключевые слова: Золотая Орда, ислам, тенгризм, религиозный фактор.

Religious Aspects in Foreign Policy of the Golden Horde During Berke's Khan Reign

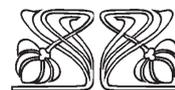
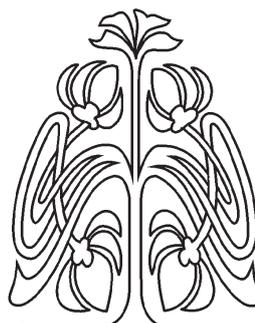
A. G. Sheremetyev

The article «Religious aspects in foreign policy of the Golden Horde during Berke's khan reign» written by Alexander Sheremetyev is devoted to works analysis of medieval Arabic historians concerning Berke's khan Muslim devotion. According to the authors Berke's personal commitment to Islam was the decisive factor in his foreign policy activities. The struggle between the Golden Horde and Mongolian Iran was defined as «Religious War». A. Sheremetyev came to a conclusion that medieval authors exaggerated Berke's personal commitment to Islam. Islam was one of the methods in political activity realized in scope of Mongolian official and religious ideology – Tengrism.

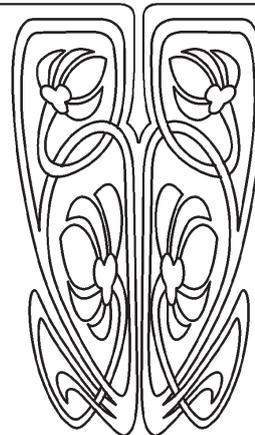
Key words: Golden Horde, Islam, Tengrism, religious factor.

В Средние века религиозный фактор имел едва ли не решающее значение в жизни общества. Политическая жизнь государства была тесно связана с религией, точнее с религиозной идеологией, которая обеспечивала сохранение государственного строя. Одной из важнейшей функций религии следует признать формирование и развитие массового сознания. Для средневековья характерна ситуация, когда «религиозные организации и духовные наставники все делали для того, чтобы представить существующий строй общественной жизни как единственно возможный, не подлежащий изменению»¹. Как правило, господствующее положение в этих государствах занимала одна религия. Однако в Монгольской империи, в частности в Золотой Орде, сложилась ситуация, не свойственная большинству государств эпохи Средневековья. Речь идет о знаменитой монгольской веротерпимости, в рамках которой на территории империи уживались представители многих вероисповеданий.

Взгляды исследователей на причины этого явления тем не менее разнятся. «Россия во всех сферах жизни многое позаимствовала у Золотой Орды. И одним из самых важных опытов было уважительное отношение ко всем религиям. По закону монголо-татар полагалось бояться и уважать всех богов, чьи бы они ни были. Этот принцип веротерпимости соблюдался и в рамках ислама, который приняла Золотая Орда»², – пишет В. Ф. Артюшкин. Подобный взгляд на отношение монголов к чужим религиям сложился в отечественной историографии еще на первых этапах изучения Улуса Джучи. Так, Н. И. Веселовский писал: «Освобождение русского духовенства, как и всякого другого, от

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

подачей и повинностей исходило у монгольских ханов из страха перед колдовством, которым обладали, по мнению монголов, все церковнослужители, почему и надо было их задобрить»³. Однако мы склонны придерживаться позиции, озвученной А. Г. Юрченко: «Почему хан, окружая себя представителями чуждых монголам религий, не рисковал утратить статус законного правителя в глазах кочевой аристократии? Потому что истинной «религией» монголов, уповавших на волю Неба, было стремление к могуществу. Создание империи предполагало стягивание в одну точку сакральных потенциалов от всех подвластных монголам земель и церквей»⁴. Другими словами, монголы в своих действиях руководствовались в первую очередь положениями уже имевшейся у них идеологии. Все остальные учения привлекались по мере необходимости, для решения задач, обеспечивавших существование империи.

Прежде чем говорить о влиянии религиозного фактора на политическую жизнь Золотой Орды, необходимо наполнить конкретным содержанием и очертить концептуальными рамками саму, довольно часто используемую исследователями, формулировку «религиозный фактор». Понятие «религия» по своей природе весьма неоднородно. Среди составляющих религии, как правило, выделяются: 1) наличие разработанной системы догматов, мировоззрение; 2) наличие слаженной системы институтов, органов управления; 3) набор ритуалов, культ; 4) порой, отдельно выделяется личный опыт переживания сверхъестественного.

Принимать участие в политической жизни государства и оказывать реальное влияние на те, или иные события религия может через такие свои составляющие, как мировоззрение и система институтов. Здесь следует оговориться, что не совсем корректно относить к религиозному фактору деятельность религиозных организаций (институтов), ибо здесь идет речь не о влиянии религии как системы мировоззрения, культа или личного опыта, но о влиянии организаций. В связи с этим, например, предлагается «католический фактор» (т. е. религиозный фактор) отделять от «фактора католической церкви» (т. е. конфессиональный фактор)⁵. Таким образом, под религиозным фактором мы склонны понимать в первую очередь фактор мировоззренческий, идеологический.

Говоря об участии религии в политической жизни, следует разграничивать такие понятия, как «фактор» и «ресурс». Монголы имели свою политико-религиозную идеологию (по Ш. Бира «Тенгеризм»⁶), которая, на наш взгляд, играла роль *фактора*, т. е. движущей силы. Все остальные религии, попавшие в сферу влияния монголов, выполняли в большинстве случаев функцию вспомогательных *ресурсов*, например для легитимации власти монгольских ханов в глазах подчиненного населения.

Рассмотрим вопрос о влиянии исламского фактора на внешнюю политику Золотой Орды в

годы правления Берке (1257–1266 гг.). Известно, что золотоордынский правитель Берке первым среди чингизидов принял ислам, в чем не последнюю роль сыграл бухарский шейх ал-Бахарзи⁷. Арабские источники, а вслед за ними и некоторые исследователи, рисуют картину, где мусульманское благочестие Берке стало основным фактором его политической деятельности. Для начала выясним, как выглядела ситуация в передаче мусульманских средневековых авторов. Так, ан-Нувейри (1279–1333 гг.), арабский ученый-энциклопедист, пишет: «Этот Берке сделался мусульманином и ислам его был прекрасный. Он воздвиг маяк веры и установил обряды мусульманские, оказывал почет правоведам, приблизил их к себе, держал их вблизи от себя, сдружился с ними и построил в пределах своего государства мечети и школы. Он первый из потомков Чингизхана принял религию ислама»⁸. Другой арабский ученый, Ибн Халдун (ум. 1406 г.), дополняет рассказ о принятии ислама Берке подробностями агиографического характера: «Эльбахерзи жил в Бухаре и послал к Берке предложение принять ислам. Он [Берке] сделался мусульманином и отправил к нему грамоту с представлением ему полной свободы делать в прочих его владениях все, что пожелает. Но он [Эльбахерзи] отказался от этого. Берке отправился в путь для свидания с ним, но он [Эльбахерзи] не позволил ему войти к нему до тех пор, пока его не попросили об этом приближенные. Они выхлопотали Берке позволение [войти]; он вошел, снова повторил обет ислама, и шейх обязал его открыто проповедовать его [ислам]»⁹.

Более того, Берке приписывается попытка остановить общеимперский монгольский поход на Ближний Восток. Такое поведение Берке объяснялось дружбой с халифом ал-Мустасимом: «Хулаку стал представлять в заманчивом виде брату своему Менгукану захват владений халифа и выступил с этой целью. Дошло это до Берке, сына Джучи, и не понравилось ему, потому что между ним и халифом утвердилась дружба. Он сказал брату своему Бату: мы возвели Менгукана и чем он воздает нам за это? Тем, что отплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры, презирает нашего клиента и домогается владений халифа, т. е. моего союзника, между которым и мною происходит переписка и существуют узы дружбы»¹⁰, – пишет ал-Омари (ум. 1348/9 г.).

Ибн абд-аз-Захыр (ум. 1293 г.), секретарь султана аз-Захир Рукн ад-дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277 гг.), сообщает сведения о дипломатической переписке Берке с египетским султаном. Письма, посылаемые из Золотой Орды, действительно рисуют Улус Джучи мусульманским государством, а Берке – борцом с неверными: «Содержали они оба (т. е. письма. – А. Ш.) привет и благодарение, требование помощи против Хулавуна, извещение о том, как он (Берке) действует против ясы Чингизхановой и закона народа своего,

о том, что все совершаемое им (Берке) душегубство вызвано только враждой к нему, что «Я и четыре брата моих принялись воевать против него (Хулагу) со всех сторон, чтобы восстановить опять маяк правоты, и возратить обителям правды (т. е. мусульманским странам) прежнее состояние, т. е. благополучие, прославление Аллаха, призыв к молитве, чтение Корана и молитву, и что бы отомстить за имамов и народ»¹¹.

Здесь уместно сделать, на наш взгляд, важное отступление. Богословие в исламе неоднородно. Это характерно и для эпохи монгольских завоеваний. Умы населения, в зависимости от социально-экономических и политических условий, в разное время подчиняли себе представители тех или иных богословских течений, которые действовали в интересах либо государства, либо отдельных социальных групп. Именно мусульманские богословы и правоведы («улама») формировали общественное мнение по религиозным вопросам¹². Например, в Мавераннахре в XI–XII вв. ключевые позиции в обсуждении общественно значимых проблем занимали деятели из области мусульманской юриспруденции (фикх). Шари'ат, разработанный ханафитскими факихами, с некоторыми оговорками, можно считать «идеологией горожан, моральной и организующей силой в их пассивной и активной борьбе в обществе. А идеалом, за который они боролись, была свобода торговли и ремесленной деятельности в рамках материальных и моральных обязательств, налагаемых шари'атом»¹³. Однако с приходом монголов общественно-политическая ситуация в Мавераннахре коренным образом изменилась. Снизилась роль городских центров и, следовательно, ханафитских факихов. Здесь – теперь уже в Чагатайском Улусе – росло значение кочевого населения и популярного в их среде «сельского духовенства». Началось теоретическое обоснование духовной практики харизматических шейхов («сельского духовенства»), основанной на наследии суфизма классического периода. Суфии стали лидерами социально-политических действий. «В разработанном ими комплексе суфийских учений важное место занимали положения жанра поучений правителей (насихат ал-мулук). Главный мотив этих поучений – духовное наставничество шейха над султаном в следовании последнего по пути Аллаха. Их вмешательства в дела государства в годы его слабости порой решало проблемы межгосударственных отношений, престолонаследия, налогообложения и т. д.»¹⁴. Видимо, подобные идеи нашли отражение в сочинениях мусульманских историков, приписывающих колоссальное духовное влияние бухарского шейха ал-Бахарзи на неопита Берке. Заметим, к слову, что сходная идея соотношения светского и духовного была разработана тибетскими буддистами еще в начале тибето-монгольских отношений. Влиятельными феодальными владетелями Тибета была разработана доктрина, на основании которой должны

были строиться отношения между тибетскими монахами и монгольскими правителями. Глава сузеренного государства, т. е. монгольский хан, принимался в ученики и милостынедатели теократического иерарха, чем подчеркивался примат духовного над светским. Эта доктрина нашла выражение в формуле «Cho – уоп» («чо – йон», т. е. «Священник – патрон» или «Духовный наставник – милостынедатель»)¹⁵.

Порой мы можем встретить в современных исследованиях буквальное прочтение средневековых текстов. «Мощное воздействие исламской культуры в раннем возрасте, – пишет А. Н. Иванов, – в период формирования основ личности, определило глубину усвоения Берке мировоззрения мусульманина. <...> Яркий пример тому – поведение Берке во время визита к ал-Бахарзи. Мы не знаем ничего подобного ни об одном из прочих чингизидов XIII в., отошедших от шаманизма. Совершенно невозможно представить, чтобы Сартак или Ахмед-Текудер смиренно ожидали от одного из представителей покоренного населения, пусть и обладавшего духовным авторитетом, разрешения войти. <...> Берке стал первым среди Чингизидов, кто общность религиозных убеждений поставил выше общности национальной»¹⁶.

Для выяснения той роли, которую сыграл исламский фактор в деятельности Берке, рассмотрим один из эпизодов внешней политики Золотой Орды того периода, а именно борьбу с монгольским Ираном. Общеперский ближневосточный поход монголов закончился уничтожением сорока крепостей исмаилитов с центром в Аламуте, взятием Багдада и казнью халифа ал-Мустасима в 1258 г. В состав нового монгольского государства, созданного Хулагу, вошли Армения, Грузия, Румский султанат, большая часть Малой Азии и Месопотамии и др. Дальнейшие взаимоотношения джучидов с хулагуидами неоднократно становились предметом исследования специалистов. Факторами, спровоцировавшими вражду между Ираном и Золотой Ордой, считаются претензии джучидов на Северный Иран и Азербайджан, где проходила одна из трасс Великого шелкового пути, а также находились богатые пастбища, убийство в Иране золотоордынских царевичей и религиозная война джучидов с хулагуидами.

Война с хулагуидами исследователями часто связывается с мусульманскими воззрениями Берке. По мнению Е. П. Мыськова, «варварское разорение Багдада и казнь халифа для Берке, как и для всех остальных правоверных мусульман, было настоящей трагедией»¹⁷. Более того, А. А. Порсин среди причин войны называет стремление Берке защитить мусульман, попавших под власть Хулагу¹⁸.

В этот же период оформились отношения между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом, выступавших на одной стороне в борьбе с ильханами. Мари Фаверо, рассуждая о причинах альянса Улуса Джучи и Египта, решающим признает

религиозный фактор: «В 1260-х годах Золотая Орда является единственным мусульманским чингизидским государством. Это раннее укоренение в Дар аль-ислам способствует, с одной стороны, созданию независимой уникальной администрации и канцелярии, а с другой – дипломатическому сближению с мамлюками», т. е. речь идет о принадлежности к умме элит обоих государств¹⁹. Схожей позиции придерживается И. Х. Камалов: «Берке-хан, ставший мусульманином еще в юности, сделал ислам основой политики на Ближнем Востоке»²⁰. И. П. Петрушевский, в свою очередь, отмечал, что египетские султаны для борьбы с ильханами старались привлечь на свою сторону джучидов, но только после принятия Берке ислама эти стремления получили религиозную форму «священной войны с неверными»²¹. Исследователь справедливо заметил, что сближение джучидов с мамлюками изначально происходило не на религиозной почве.

По мнению А. Г. Юрченко, джучиды никогда не вели религиозных войн, а сообщения арабских авторов не отражают реального положения вещей. «Сообщение ложной информации – один из приемов дипломатической войны»²².

Делая очередное отступление, отметим, что не только ислам был введен в геополитическую игру на Ближнем Востоке. Необходимость привлечения людских и материальных ресурсов в некоторой мере определили политику монгольских правителей в отношении христиан. Хулагуиды, имевшие преимущественно буддийское окружение, стремились найти поддержку среди верхушки покоренных христианских государств, «посредством покровительства, со временем перешедшего в прямое поощрение христианского духовенства»²³. Ильханы учитывали давние связи, существовавшие между Арменией и Грузией, с одной стороны, и Северным Кавказом, представлявшим собой очаг сопротивления чингизидам – с другой. Поощряя миссионерскую деятельность Грузии в северокавказских районах, хулагуиды стремились распространить там свое влияние и привлечь горцев к борьбе с джучидами. В свою очередь, джучиды в XIV в. стремятся распространить свое влияние в Северокавказском регионе за счет деятельности католического миссионерства. Однако их деятельность в этом направлении не привела к серьезным изменениям²⁴.

Католическая церковь, по мнению А. Б. Малышева, в Золотой Орде преследовала следующие цели: «1) проповедь католичества; 2) обслуживание общин католиков; 3) идеологическое и политическое влияние католиков и папства на элиту и общество в целом (обращенных или лояльных к католичеству); 4) дипломатические связи; 5) разведка и сбор полезной информации»²⁵. Исследователь, основываясь на сообщении анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде XIV в., отмечает работу двух т.н. Татарских Викарий – Северной,

действовавшей на территории Золотой Орды, и Восточной – на территории государства хулагуидов, в том числе Грузии и Армении²⁶. Возможно, этот факт является причиной неудач джучидов в попытках укрепить свое положение в Северокавказском регионе за счет католической миссионерской деятельности. Подобная пропаганда велась и на территории Ирана, в том числе в Армении и Грузии, известных своими давними связями с горным населением Кавказа.

Итак, вернемся к интересующим нас вопросам. Какую роль сыграл ислам в политической деятельности Берке? С утверждением, что Золотая Орда уже в XIII в. стала частью Дар ал-ислам, трудно согласиться. Ибо это предполагает коренные изменения в устройстве монгольского общества. Одной из характерных особенностей мусульманских монархий является регламентация религией всей государственной и общественной жизни – для ислама это сакральные сферы. «Ведь государство и общество созданы самим пророком под руководством Бога, и их законы даны самим Богом в священной книге откровения. Управление таким государством, его жизнь не чисто «светские» дела, как не чисто «светскими» делами являются и такие повседневные занятия верующих, как торговля, найм на работу, составление завещаний, ведение войн и т. д., то есть все то, относительно чего можно найти прямые или косвенные, выводимые логическим путем, указания в Коране и Сунне»²⁷. И более того, «в мусульманском мире любые социальные формы и любые изменения должны оцениваться с точки зрения одной вечной модели – модели мединского государства (или протогосударства) пророка, зафиксированной в шариате»²⁸. Напомним, однако, что это не жесткое требование, а скорее идеальная модель. Уже после смерти пророка круг его последователей разделился на хариджитов, суннитов и ши'итов, имевших разные представления о природе власти (хукм). А сами мусульманские государства, по причине историко-культурных, географических и др. особенностей, всегда имели различия в своем устройстве²⁹. Тем не менее, насколько Улус Джучи в 1260-х гг. соответствовал этой модели?

Египетский султан аз-Захир Рукн ад-дин Бейбарс I ал-Бундукдари отправил в конце 1262 г. первую дипломатическую миссию в Золотую Орду³⁰. Ибн абд-аз-Захир, секретарь султана, пишет о предписаниях, которым следовали послы в ставке Берке: «...входили с левой стороны, а по отобрании от них послания переходили на правую сторону и припадали на оба колена. Никто не входит к нему в шатер ни с мечом, ни с [другим] оружием, и не топчет ногами порога шатра его; никто не слагает оружия своего иначе, как по левую сторону, не оставляет ни лука в сайдаке, ни натянутым, ни вкладывает стрел в колчан, не ест снега и не моет одежды своей в орде»³¹.

Послам было запрещено касаться порога, есть снег и стирать одежду. Рашид ад-Дин, везир хулагуидов, дает объяснение одному из этих за-

претов, описывая случай, произошедший с неким Абд ар-Рахманом: «Обычай и порядок у монголов таковы, что весной и летом никто не сидит днем в воде, не моет рук, не черпает воду золотой и серебряной посудой и не расстилает в степи вымытой одежды, так как, по их мнению, именно это бывает причиной сильного грома и молнии, а они [этого] очень боятся и обращаются в бегство. Однажды каан шел вместе с Чагатаем с охоты. Они увидели какого-то мусульманина, который совершал омовение в воде. Чагатай, который в делах обычая придерживался даже мелочей, хотел убить этого мусульманина. Каан сказал: «[Сейчас] не время, и мы устали; пусть его содержат под стражей сегодняшнюю ночь, а завтра его допросят и казнят». Он поручил его Данишменд-хаджибу, приказал тайно бросить в воду в том месте, где он [мусульманин] совершал омовение, один серебряный балыш и сказать ему [мусульманину], чтобы во время суда он говорил [следующее]: «Я человек бедный, деньги, которые я имел, упали в воду, и я спустился, чтобы их достать». На другой день, во время расследования, он твердо держался этого объяснения. – Когда туда послали, то в воде нашли балыш. Каан сказал: «У кого может хватить на то смелости, чтобы преступить великую ясу? Этот несчастный ведь жертвовал собой ради такого пустяка из крайней нужды и бедности». Его простили»³².

Итак, перед нами запрет, зафиксированный в Ясе Чингисхана и распространяющийся на мытье, стирку и сушку одежды весной и летом³³. Нарушение запрета могло спровоцировать гнев Неба (гром и молния)³⁴. В свою очередь, известно, какую роль играло Небо в жизни средневековых монголов. Небо (Тенгри) – «безначальное, несотворенное, создатель всего сущего, владыка мира; оно определяет судьбы человека, санкционирует государственную власть»³⁵. Очевидно, запреты, существовавшие при дворе Берке, налагаются на действия, связанные с вредоносной магией, и имеют своей целью обезопасить социум от возможного гнева Тенгри.

Кроме того, послам было запрещено касаться порога. Запрет касания порога у монголов широко известен по ряду других источников. Перед аудиенций у Сартака Вильгельму Рубруку и его спутникам «очень усердно посоветовали <...>остеречься при входе и выходе, чтобы не коснуться порога дома»³⁶. Далее Рубрук пишет, что перед встречей с Бату «мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома»³⁷, а один из товарищей Рубрука, случайно споткнувшийся о порог, был схвачен и отведен к Булгаю, «старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть»³⁸. Он был помилован благодаря Рубруку, слухавшему, что их никто не информировал об этом запрете: «На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, внушал ли нам кто-нибудь остеречься от прикосновения к

порогу. Я ответил: «Господин, у нас не было с собой толмача, как могли бы мы понять?» Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана»³⁹. Лама Галсан Гомбоев, сопоставивший сведения Плано Карпини с современными ему традициями монголов, отметил, что почтительное отношение к порогу сохранилось вплоть до XIX в., о чем свидетельствуют поговорки: «Не садись на порог – грех! Не пинай порог – грех!»; «Перешагнуть золотой порог хана/князя», в значении удостоиться чести явиться перед какой-либо знатной персоной. В итоге Г. Гомбоев заключает, что «у монголов не осталось никакого предания для объяснения этого значения порога. Кажется, сначала получил значение только порог хана, и уже в последствии стали приписывать значение порогам вообще»⁴⁰.

Едва ли эти взгляды уходят корнями в мусульманскую традицию. Обычай, действовавший в ставке Берке, показывают, насколько преувеличены сообщения арабских авторов об искренней приверженности Берке исламу.

Сравнивая роль религиозного фактора в арабских и монгольских завоеваниях, А. М. Хазанов писал: «Не надо быть постмодернистом, чтобы знать, как трудно понять ум и душу даже современников, и тем более людей других времен и культур. Невозможно точно определить роль чисто религиозной мотивации в арабских завоеваниях»⁴¹. Сложно установить степень искренности мусульманских убеждений Берке, но мы склонны полагать, что ислам выступал для него скорее *ресурсом*, обеспечивающим достижение конкретных целей, нежели *фактором*, мотивирующим его действия. Буддист Хулагу, видимо, руководствовался теми же принципами, оказывая поддержку христианам Грузии и Армении. Стоит согласиться с мнением А. А. Арслановой о том, что в борьбе с монгольским Ираном ислам играл «роль определенного идеологического средства, которое Берке использовал для завоевания симпатий тех мусульман, которые находились на территории, подвластной ильханам, т. е. для привлечения внутренних и внешних врагов ильхана»⁴².

Примечания

- ¹ Нуруллаев А. А., Нуруллаев Ал. А. Религия и политика. М., 2006. С. 17–18.
- ² Артюшкин В. Ф. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике России // Обозреватель-Observer. 2011. № 2. С. 8.
- ³ Веселовский Н. И. О религии татар по русским летописям // Веселовский Н. И. Труды по истории Золотой Орды. Казань, 2010. С. 99.
- ⁴ Юрченко А. Г. Золотая Орда : между Ясой и Кораном (начало конфликта). СПб., 2012. С. 39.
- ⁵ См.: Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. С. 109.

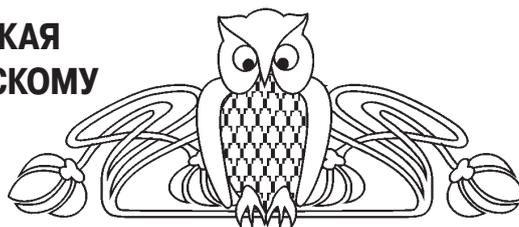

- 6 См.: *Бира Ш.* Тенгеризм // Век глобализации. 2009. № 1. С. 152–154.
- 7 См.: *Ваиари И.* «История и Легенда» в обращении в ислам хана Берке // Юрченко А. Г. Золотая Орда... С. 171–183.
- 8 Золотая Орда в источниках. Т. 1. М., 2003. С. 73.
- 9 Там же. С. 170.
- 10 Там же. С. 111–112.
- 11 Там же. С. 42.
- 12 См.: *Прозоров С.* К проблеме верховной власти в исламе // Ислам и светское государство. Ташкент, 2003. С. 32.
- 13 *Муминов А. К.* Светское и религиозное в интерпретации 'Улама' в средневековой Центральной Азии // Ислам и светское государство. С. 88.
- 14 Там же. С. 89.
- 15 См.: *Рерих Ю. Н.* Монголо-Тибетские отношения в XIII и XIV вв. // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия : статьи, лекции, переводы. Самара, 1999. С. 144 ; *Рерих Ю. Н.* Тибетский буддизм [вариант 4] // Рерих Ю. Н. Буддизм и культурное единство Азии. М., 2002. С. 38.
- 16 *Иванов А. Н.* К вопросу о причинах принятия ислама золотоордынским ханом Берке // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань, 2009. С. 106–107.
- 17 *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313). Волгоград, 2003. С. 87.
- 18 См.: *Порсин А. А.* Причины и ход войны между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном (1262–1266 гг.) // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009. С. 200–210.
- 19 *Фаверо М.* К вопросу об альянсе между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом по арабским источникам // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009. С. 46–47.
- 20 *Камалов И. Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань, 2007. С. 43.
- 21 *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 237.
- 22 *Юрченко А. Г.* Золотая Орда... С. 86.
- 23 *Нарожный Е. И.* О роли христианства в хулагуидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне // Северное Причерноморье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов н/Д, 1989. С. 110.
- 24 Там же. С. 113–114.
- 25 *Мальшев А. Б.* Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 183.
- 26 Там же. С. 183–184, 186.
- 27 *Фурман Д. Е.* Реформа ислама по Мохамеду Тахе и Ахмеду Ан-Наиму // Фурман Д. Е. Избранное. М., 2011. С. 209.
- 28 Там же. С. 213.
- 29 См.: *Прозоров С.* Указ. соч. С. 31.
- 30 См.: *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 45–49.
- 31 Золотая Орда в источниках. Т. 1. М., 2003. С. 45. Аналогичную информацию передают более поздние арабские авторы. Например, ал-Муфаддаль (Там же. С. 92–93) и ал-Макризи (*Брун Ф.* О дипломатических сношениях египетского султана Бибарса с золотоордынским ханом Берке // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 614–615).
- 32 *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1952. С. 49.
- 33 Иоанн де Плано Карпини дает более подробный перечень запретов, называемый им «грехами»: вонзать нож в огонь; касаться огня ножом; извлекать ножом мясо из котла; рубить топором возле огня; опираться на плетель, которой погоняют коня; касаться плетелью стрел; ловить или убивать молодых птиц; ударять лошадь уздой; ломать кость о другую кость; проливать на землю молоко или другой какой напиток или пищу; мочиться в ставке и далее. «Точно так же, если кому положат в рот кусочек, и он не может проглотить его и выбросит его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают; точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом» (*Плано Карпини Д. дель.* История Монгалов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 30). Бенедикт Поляк, переводчик францисканской миссии, передает аналогичные сведения (См.: История Тартар брата Ц. де Бридиа // Христианский мир и Великая Монгольская империя. СПб., 2002. §42). Смысл и происхождение большинства описываемых францисканцами запретов не совсем ясны, хоть те и имеют корни в традиционных верованиях монголов.
- 34 Об отношении монголов к грому и молнии см.: *Юрченко А. Г.* Империя и космос : Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. 301–327; *Юрченко А. Г.* Золотая Орда... С. 123–130.
- 35 *Неклюдов С. Ю.* Монгольских народов мифология // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 171.
- 36 *Рубрук де Г.* Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 112–113.
- 37 Там же. С. 119.
- 38 Там же. С. 149–150.
- 39 Там же. С. 151.
- 40 *Гомбоев Г.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // ТВОИРАО. Ч. 4. СПб., 1859. С. 237–238.
- 41 *Хазанов А. М.* Мухаммед и Чингис-хан в сравнении : роль религиозного фактора в создании мировых империй // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 398.
- 42 *Арсланова А. А.* Причины войн Улуса Джучи с Хулагуидским Ираном // Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран. Саратов, 2004. С. 43.

УДК 94(47).072+929 Кайсаров

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ А. С. КАЙСАРОВА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ (по материалам диссертации «Об освобождении крепостных в России»)

Е. Э. Спикина

Саратовский государственный университет
E-mail: smi@mse.istnet.ru

В статье рассматривается мировоззренческая позиция и научная концепция выдающегося представителя дворянской интеллигенции Александровской эпохи А. С. Кайсарова по крестьянскому вопросу в России. В основу исследования автор положил анализ взглядов и характеристику гуманистической позиции Кайсарова, основываясь на материалах его диссертации «Об освобождении крепостных в России».

Ключевые слова: А. С. Кайсаров, диссертация, крепостное право, освобождение крестьян, дворянская молодежь, эпоха Александра I.

Philosophical Concept and Civil Position of a. S. Kaisarov on the Peasant Question (Based on Dissertation «Serfs Exemption in Russia»)

Е. Э. Spikina

In the article the philosophical position of an outstanding representative of the scientific concept of aristocratic intellectuals Alexander era AS Kaisarov the peasant question in Russia. The research is based on an analysis of the views of the author, and description of the humanist position Kaisarov, based on the evidence of his thesis «On the emancipation of the serfs in Russia».

Keywords: A. Kaisarov, thesis, serfdom, liberation of the peasants, youth of the nobility, era of Alexander I.

Андрей Сергеевич Кайсаров – многогранная личность, оставившая яркий след в общественно-идейной жизни России начала XIX в. Он принадлежал к молодому поколению дворянской интеллигенции Александровской эпохи, представители которого связывали с новым императором надежды на улучшение общественно-политического и социально-экономического положения страны. Отражением волновавшего передовые общественные круги вопроса о реформах стало значительное количество изданных в то время литературно-публицистических и литературных произведений, в которых признавалась необходимость отмены крепостного права. Среди этих трудов достойное место занимает и научное сочинение А. С. Кайсарова – диссертация «Об освобождении крепостных в России» («Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis»), написанная им в 1805 – начале 1806 г. на латинском языке и защищённая на философском факультете Геттингенского университета.

Полное название этой работы в переводе А. Б. Светлова звучит так: «Философско-политическая инаугуральная диссертация об освобождении крепостных в России, которую с согласия всех членов славнейшего философского факультета на соискание высшего в философии звания, установленным порядком представил на рассмотрение ученых Андрей Кайсаров, из Москвы, член Геттингенского общества, мая 3 дня 1806 года»¹. Правда, С. Д. Полторацкий приводит несколько иное название: «Вступительная философско-политическая диссертация об освобождении крестьян в России, которую с согласия почётного факультета философов предложил на рассмотрение ученых для получения высшей степени в философии Андрей Кайсаров, москвич, член физического Геттингенского общества месяца мая, третьего дня 1806 г.»². Однако, думается, что перевод, данный Светловым, более аутентичен, т. е. более точно соответствует смыслу, заложенному автором в название своей работы.

Впервые к изучению диссертации А. С. Кайсарова обратился В. И. Семевский, который проанализировал его взгляды на крестьянский вопрос³. Антикрепостнические идеи Кайсарова, изложенные им в диссертации, рассматривал также и Ю. М. Лотман, который при этом отметил, что «ход рассуждений К.[айсарова] во многом совпадает с требованиями Пнина, Тургенева и др. противников крепостного права тех лет: он решительно осуждает крепостное право, доказывает его экономическую, юридическую и моральную несостоятельность, резко полемизирует с крепостниками»⁴. Лотман также подчеркивал, что силой, которая принесет освобождение народу, по мнению автора, является власть прогрессивного правительства⁵, опирающегося на передовую дворянскую молодежь. Таким «прогрессивным правительством», по мнению Кайсарова, являлось, очевидно, правительство Александра I. На это недвусмысленно указывает и то, что диссертация была посвящена молодому императору: «ближайшею к твоему сердцу заботою есть забота о возвращении стольким тысячам людей подчиненным твоей власти, – писал Кайсаров, – права их древней свободы, которых они по неизвестным обстоятельствам лишились за давностью времен»⁶. Особый характер научного сочинения подчеркивало и обозначение её как «инаугуральной»⁷ (инаугуральной) диссертации,

что свидетельствовало не только о торжественности и важности текста, но и о созвучности работы Кайсарова букве и духу эпохи реформ Александра I. Своё кредо автор формулирует во вступительной части диссертации: «Сие рассуждение, которое с благоволением и преданностью осмелился я посвятить Августейшему Твоему имени, написано главным образом с той целью, чтоб показать соотечественникам, что бы вышло, сколько бы выгоды получило государство, сколько бы плодов собрали бы помещики в своих деревнях, сколько бы оказалось пользы для крестьян, если бы они получили свободу, некогда несправедливо у них отнятую»⁸.

Свои доказательства незаконности и недопустимости крепостнических порядков автор обосновывает, прежде всего, «естественным правом», в силу которого все люди равны и свободны от природы. «Человек рождается свободным и никому не дано права быть господином над другим», – писал А. С. Кайсаров⁹. Здесь его взгляды перекликаются с воззрениями на «естественное право» А. Н. Радищева и И. П. Пнина. На эту сторону воззрений Кайсарова обращают внимание в своей статье С. В. Лёвин и В. П. Тотфалушин: «Его работа тесно связана с русской антикрепостнической традицией»¹⁰. Радищев, например, утверждал, что «что человек – существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому»¹¹. Подобные рассуждения мы встречаем и в работах Пнина. «Права человека, – отмечал он, – согласуются ли сколько-нибудь с правами гражданина и какие права может иметь естественный человек, который только умственно разумеем быть может»¹².

Общество, по мнению Кайсарова, образуется по добровольному соглашению между людьми, уступающими часть своей природной свободы некоей верховной власти и подчиняющимися ей. Автор, как видим, выступал сторонником теории «общественного договора», что вполне закономерно для него как мыслителя, воспитанного на идеалах просветительской философии XVIII в. В этих рассуждениях Кайсаров следовал Пнину, который в своем «Опыте о просвещении относительно к России» указывал, что никакая власть на земле не имеет права лишать человека свободы и собственности. Любопытно, что теорию «общественного договора» Кайсаров пытался использовать в целях осуждения помещиков-крепостников и вообще приверженцев крепостнической системы. Он писал, что самым несчастным должно почитать такое общество, «коего члены не желают поступить даже самой малой частью этого небесного дара (свободы) ради блага общественного и в любом случае свое право и свою волю изъявляют»¹³.

О непреложности установлений «общественного договора» Кайсаров писал: «Из известного и непреложного закона и требования, которые присущи природе и характеру всякого государства, следует положение, что частные интересы отдельных граждан должны уступать всенародным и общественным, поэтому надлежит тщательно остерегаться, дабы частные интересы владельцев поместий не наносили ущерба всенародным и общественным. Далее, надлежит как можно лучше наблюдать за тем, чтобы никакому сословию людей не дозволено было обогащаться ценой ущерба для другого».

Таковы два главнейших правила, которые должны соблюдаться во всяком благоустроенном государстве и, исходя из этого, нам предстоит доказать, как несправедлива и невыгодна вся крепостническая система и как «многие пользы произойдет государству от ее ограничения и полного уничтожения». А. С. Кайсаров также утверждал, что отказ помещиков-крепостников освободить своих крепостных является вопиющим нарушением «общественного договора». В восстановлении попорченного природного права он видел одну из первых почетных и ответственных задач государства, правительства, которое призвано, согласно «общественному договору», неустанно заботиться о благе народа, о его просвещении и процветании. «Уже давно признано, что благополучие граждан должно представлять первую и конечную цель государства, нетрудно видеть, что в одном этом названии вложен великий смысл. В самом деле, всякий понимает, что, кроме личной и имущественной безопасности, понятие о благополучии включает также духовную культуру и образование. А разве неясно каждому, кто хоть немного размыслит по поводу этого, какие обязанности проистекают и налагаются на государя или верховную власть в преследовании этой цели! Что же препятствует более всего достижению этой цели, нежели рабство?»¹⁴.

О задачах просвещения А. С. Кайсаров говорил и в главе XVI своей диссертации. Он доказывал, что крепостное право препятствует просвещению одаренного русского народа, что оно губит многие таланты, которые выдвигает народ. «Каково же должно быть благоприятное стечение обстоятельств, – писал он, – чтобы произошли Кулибины, Старовы и другие, им подобные! Как часто превосходнейший талант, подавленный состоянием крепостного, остается в неизвестности и не может выдвинуться! Правда, сто лет тому назад русский народ показал, что он отнюдь не лишен силы, ни остроты ума, если же он обретает свободу, то, разумеется, расходуется, затраченные на его образование, окупятся во сто крат в самое короткое время»¹⁵.

Кайсаров утверждал, что крепостное право – «это достойное проклятия зло» – было узаконено обманом и насилиями, ибо нет в истории случая, чтобы кто-либо добровольно согласился стать

рабом. Человек, попавший в рабство, несмотря на всю свою кажущуюся забитость и отупение, не оставляет мысли об освобождении и всегда ищет средств отомстить жестокому поработителю за свои муки. «... Угнетаемый и мучимый тиранией человек, – писал А. С. Кайсаров, – у которого вся надежда на избавление от тяготеющих над ним цепей окончательно потеряна, вначале оплакивает потаенными слезами свой жребий, затем через некоторое время постепенно слабеет духом, тупеет и теряет всякую чувствительность, ни о чем более не в состоянии помышлять, пока, наконец, так как [сносить] невольно становится все тяжелее, он, собравшись снова духом, от гнетущего его ига начинает изыскивать средства, которыми намеревается отомстить жестокому тирану за свои слезы и стенания»¹⁶. Следовательно, Кайсаров был убежден, что сохранение рабства чревато серьезными потрясениями для общества и что угнетенные и поработанные народные массы, в конце концов, попытаются силой добыть себе свободу.

Диссертация Кайсарова обнаруживает знакомство автора с книгой А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Его взгляды также непосредственно перекликаются с размышлениями И. П. Пнина в оценке бедственного положения крепостных крестьян. Кайсаров утверждал, что свобода народа является необходимой предпосылкой прочности и устойчивости государства. «Кто ж не поймет, – писал он, – что первое место в народе должно принадлежать крестьянину, который ни от кого не завися, всем доставляет пропитание! Ему самому всегда хватило бы на прожитие, если бы не ставилось никаких помех, а все что он производит прилежным своим трудом, относится к самым необходимым для остальных предметам, так что никоим образом не может потерять свою цену»¹⁷. Этот пассаж во многом совпадает с тем, что говорил в своем «Опыте о просвещении относительно к России» И. П. Пнин: «Как можно, чтобы участь толико полезнейшего сословия граждан, от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей, которые в них подобных себе человек, – человек, их питающих и даже прихотям их удовлетворяющих, – поступают с ними иногда хуже, нежели со скотом, им принадлежащим. Ужасная мысль! Как согласить тебя с целию гражданских обществ, как согласить тебя с правосудием, долженствующим служить оным основание?»¹⁸.

В своей работе Кайсаров дал беглый исторический обзор происхождения крепостничества в России. Он отверг догадки о происхождении крепостничества «по закону войны» и иронически заметил, что помещики-дворяне владеют крепостными «не столько по праву победителей, сколько в силу купчих крепостей»¹⁹. Он привел ряд доказательств того, что русские крестьяне ещё в XV в. не знали тягот крепостнического права.

В диссертации имеется пространная выдержка из «Судебника», составленного в царствование Ивана III в 1497 г., из которого видно, что крестьяне в то время не были прикреплены к земле, работали у помещика по найму и могли беспрепятственно переходить с места на место.

Доказывая необходимость уничтожения крепостничества, Кайсаров исходил из так называемых физиократических теорий, признававших земледелие основой человеческого общества. «Земледелием поддерживается существование всех прочих сограждан, – писал он. – Оно по своей природе дает всему жизненное начало и само ни от чего не зависит, напротив, от него все находится в зависимости. Однако же для его дальнейшего развития и совершенствования желательно и даже настоятельно требуется, чтоб никакие цепи законов, освященных давностью и обычаями, его не сковали, – чтобы те, кто возделывает землю пользовались и свободой и правом собственности»²⁰.

Нельзя не отдать должное аргументам, выдвинутым Кайсаровым против феодально-крепостнической системы. Они показывают, что Кайсаров отличался от современных ему дворянских идеологов, которые добивались частичных улучшений в положении крепостных крестьян и защищали самое существо крепостнической системы. Вместе с тем нельзя не отметить абстрактного, чисто теоретического подхода А. С. Кайсарова к вопросу о крепостном праве и положении крестьянства. Его построения приобретают вследствие этого характер аграрной утопии, базирующейся на априорном, рационалистическом применении принципов так называемого «естественного права». Например, важнейший вопрос о предоставлении крестьянам личной свободы и права собственности, несмотря на категоричность этого требования, А. С. Кайсаров облачает в весьма туманную форму. Неясно, о какой собственности идет речь в диссертации. Да и можно ли было решать вопрос об уничтожении крепостного права, не затрагивая таких явлений, как помещичье землевладение и крестьянская земельная собственность? Не коснулся автор диссертации и вопроса о земельной общине, хотя судя по всему он стоял за совершенную самостоятельность отдельного крестьянского хозяйства.

Конечно, надо иметь в виду, что даже в общей постановке требование об уничтожении крепостного права имело в те времена положительное значение. Кайсаров не жалел красок, чтобы показать пагубное влияние крепостного права на жизнь народа. В своей диссертации он нарисовал яркую картину труда двух крестьян: крепостного и свободного от кабалы. Первый из них постоянно проклинает землю, на которой он работает, и сама земля находится с ним как бы в заговоре, отказываясь приносить обильные урожаи из-за подневольного труда. Зато второй радостно трудится на своей ниве, и земля сторицей вознаграждает его за труд и заботу. В первом

случае государство терпит невозместимый ущерб, во втором – получает неисчерпаемые богатства.

Кайсаров отмечал, что заботы об упорядочении земледелия особенно важны для России с ее огромным крестьянским населением, пребывающим под игом крепостного права. «Пусть же Россия, – восклицает автор, – которую с полным правом можно назвать природной житницей всей Европы, никогда не забудет о том, что ее золото и серебро заключено не в сибирских рудниках, а в её полях»²¹. Крепостничество препятствует росту народонаселения, утверждал Кайсаров. Он подробно анализировал причины задержки роста народонаселения: произвол и разврат помещиков, ранние браки и главное – изнурительный труд крестьян на помещика, постоянная нужда в среде крестьянства, неуверенность в своей личной безопасности и неприкосновенности своего имущества. «Так как крестьяне составляют почти три четверти всего народонаселения на земле, то ясно как день, что численность жителей увеличивается главным образом благодаря им. Но для наибольшего приращения и умножения населения каждому государству надлежит прилагать особенное старание и заботиться об устранении всех к тому препятствий. А что же может служить наибольшим препятствием, нежели то, когда крестьяне, как это имеет место в России, лишены свободы и собственности»²². В качестве доказательств он ссылаясь как на свои личные наблюдения, так и на факты, описанные в русской сатирической публицистике XVIII в., – в журналах Н. И. Новикова, а также в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Кайсаров также осуждал, как он считал, «антинациональную» политику царского правительства, которое заселяло целые районы иноземными колонистами, предоставляя этим колонистам большие привилегии, в то время как русские крестьяне оставались в рабском, бесправном положении.

Освобождение от крепостной зависимости – указывал А. С. Кайсаров, – благоприятно скажется и на размещении народонаселения по территории страны: «Ведь если бы свои, местные жители, не будучи прикреплены к земле, образовали колонию, то как мало потребовалось бы им помощи от государства! Тогда если в одном месте государства количество жителей увеличилось до такой степени, что им не хватает земли для прокормления, они сами добровольно примут решение обосноваться в другом месте, где сосредоточено меньше народа и где по этой причине поля остаются невозделанными. Таким образом, не потребуются издавать указы, повелевающие жителям переселяться на новые места, ибо привлеченные личной выгодой, они сами будут усиленно стремиться на новые места, обещающие им большие прибыли»²³.

Кайсаров обстоятельно рассмотрел также в своей диссертации и связь между развитием промышленности и торговли и ликвидацией крепост-

ничества. Он отметил, что рост промышленности возможен только при наличии свободных рабочих рук и что единственным их поставщиком является деревня. «Разумеется, что для развития фабричной промышленности требуется много рабочих, – писал он. – Но откуда, же они возьмутся, если не из крестьянского сословия? Однако это может произойти не прежде, чем это сословие, получив свободу, настолько возрастет численно, что окажутся лишними многие, которые смогут оставить занятие земледелием. Эти крестьяне перейдут на фабрику»²⁴. Кайсаров указывал также, что искусственное насаждение промышленности и промышленных предприятий, на которых силой заставляют работать крепостных, так называемых приписных крестьян, успеха иметь не может, что труд крепостного на фабрике не может дать хороших результатов, ибо это труд подневольный, принудительный и вследствие этого малопродуктивный. Более того, деревни, при которых помещиками или правительством создаются фабрики, бедствуют еще больше, нежели обычные.

Для развития фабрик, по мнению Кайсарова, необходимо повысить жизненный уровень народных масс, обеспечить рост потребностей. Рост народного потребления, который возможен только при условии освобождения народа от крепостного гнёта, по мнению Кайсарова, окажет самое благоприятное влияние на развитие нашей внутренней и внешней торговли. Кайсаров был сторонником широкого применения системы протекционизма, поощрения отечественной промышленности и достижения активного торгового баланса. Он указывал, что этого нельзя добиться при вывозе одного только сырья. Уничтожение крепостного права позволит преобразовать наше сельское хозяйство и развить промышленность, – делал он вывод.

Отсутствие у крестьян свободы и права собственности, говорил Кайсаров, наносит экономической жизни страны громадный ущерб и в том отношении, что задерживает денежное обращение. Крепостной, боясь посягательств помещиков, как правило, прячет приобретенные им деньги.

Изъятие же денег из оборота создает своеобразный «денежный голод», при котором безнаказанно процветают хищнические ростовщические нравы, искусно снижается цена товаров, что ведёт, в свою очередь, к ухудшению качества этих товаров, так как производитель иначе не может окупить затраченный им труд. «Крепостное право препятствует также частному обращению денег и их переходу из рук в руки и тем самым, что очевидно для каждого, наносится ущерб государству, – писал А. С. Кайсаров, – в самом деле, все, что крепостной приобретает, трудясь в поте лица, он скрывает и прячет от очей своего господина. Иностранцы полагают, что это делается только в Сибири, но каждому русскому хорошо известно, что не найдется почти ни одной области в России, где бы крестьяне обходились

без сокрытия денег. Сколько же денег благодаря этому изъято из обращения!»²⁵.

Одновременно с освобождением от крепостного рабства надо улучшить и правовое положение народных масс, упорядочить судопроизводство и принять законы, ограждающие крестьян от произвола и насилий помещиков-дворян, – доказывал Кайсаров. «Если судебная власть, – писал он, – равно как и суд, относится к высочайшим узаконениям, то почему ж они подобно прочим не защищают крестьян от всякого насилия и беззакония и не гарантируют безопасности? Почему дозволяется помещикам, не ожидая судебного приговора, подвергать крепостных истязаниям и взысканиям? Если же помещики такого права не лишаются, то надобно ожидать, что и народ в один прекрасный день от уз такого закона освободится»²⁶.

Огромные преимущества, по мнению Кайсарова, предоставит уничтожение крепостнического рабства русской армии, которая, когда она будет состоять из свободных воинов, проникнется более нежели когда бы то ни было пламенной патриотической любовью к своему отечеству и ещё выше вознесет славу русского оружия. «Русский воин, о стойкости, храбрости и непобедимости которого, – писал он, – слава прошла по всей Европе и Азии, это, как известно, бывший крепостной, приобщившийся к свободе лишь после того, как взял в руки оружие»²⁷.

Следует отметить и такую черту диссертации Кайсарова, как довольно резко выраженная критика в адрес дворянства. Автор не скупится на саркастические слова для характеристики сословия, к которому и сам принадлежал. Он утверждал, что дворянство ведет паразитический образ жизни, что оно заносчиво и кичливо, и напрасно воображает себя «солью земли», силой и цветом нации, основой могущества государства: «Издавна также мнят о себе дворяне, что в них сосредоточена сила и цвет нации; однако последние двадцать лет дали множество доказательств тому, что силу и цвет нации составляет народ, а они (дворяне. – Е. С.) были признаны почти не имеющими значения и всецело зависящими от народа. В народе же гораздо более должно ценить того, кто приносит пользу обществу, нежели того, кто наподобие трутня занимается потреблением чужого труда»²⁸.

Последние три главы диссертации посвящены разбору возражений, выдвигаемых против отмены крепостного права. Здесь А. С. Кайсаров энергично опровергает доводы о происхождении крепостничества от взятия в плен противников, о неотъемлемом праве владения купленными рабами и пр. На тех, кто утверждал, будто бы крестьяне «сами не хотят быть свободными», Кайсаров обрушивается с гневными словами: «Подите вы прочь с этим мерзостным аргументом!». Свою диссертацию он закончил выражением надежды, что крепостническое право – «это ужасное чудо-

вище, из бездны ада вышедшее, добрым гением человечества совершенно истреблено будет»²⁹. В заключительных строках диссертации Кайсаров счел необходимым отметить заслуги Московского университета в деле распространения просвещения и идей гуманизма.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что Кайсаров был дворянским просветителем и добивался ликвидации крепостничества «сверху», «по манию царя». Освобождение крестьян он советовал произвести постепенно, но с большой осторожностью. Он указывал, что нет необходимости подробно исследовать и разбирать практические меры, каким должно осуществлять освобождение крестьян, так как эти меры и способы якобы уже найдены Александром I при проведении аграрной реформы в Прибалтике в 1804 г. Кайсаров не пожелал касаться вопроса о предоставлении политической (по его терминологии «гражданской») свободы освобожденному от рабства крестьянству. Такая уклончивость в отношении важнейших общественно-политических проблем, по мнению Л. Б. Светлова, «естественна для дворянского мыслителя, оторванного от народа и боявшегося народа»³⁰. В диссертации остались неразработанными и некоторые другие важные вопросы. Неясно, например, как мыслил Кайсаров освобождение крестьян – с землей или без земли, на каких условиях должны были в дальнейшем строиться взаимоотношения помещиков и крестьян и т. д. Об этом он говорит очень глухо и можно только догадываться, что настойчиво требуя обеспечить защиту личной неприкосновенности и собственности крестьян, он, вероятно, имел в виду и крестьянскую земельную собственность. Все это наглядно показывает противоречивость воззрений Кайсарова, их историческую ограниченность.

Но была в диссертации А. С. Кайсарова несомненно и сильная прогрессивная сторона, позволяющая видеть в нём одного из передовых мыслителей начала XIX в. Он, будучи непримиримым врагом крепостничества, исходил, прежде всего, из требования полного и безусловного уничтожения крепостного права. В отличие от многих других дворянских идеологов, Кайсаров утверждал, что освобождение крестьян должно предшествовать их просвещению и что просвещение народа станет возможным только тогда, когда с него будут сняты унижительные оковы. Вместе с тем нельзя недооценивать и выдвинутые Кайсаровым прогрессивные для своего времени требования об улучшении материального и правового положения народа, попытки научно доказать несостоятельность крепостнической системы хозяйства, критику мероприятий царского правительства по крестьянскому вопросу. Таким образом, философская концепция и гражданская позиция Кайсарова свидетельствовали о том, что некоторая часть представителей дворянской молодежи, воспитанных на традициях века Про-

свещения не могли стоять в стороне от злободневных проблем русской жизни, каковым являлось крепостное право.

Примечания

- ¹ Цит по: *Светлов А. Б.* А. С. Кайсаров и его просветительская деятельность // Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России / под общ. ред. И. Я. Шапова. М., 1957. С. 81.
- ² НИОР РГБ. Ф. 233 (С. Д. Полторацкого). Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 3.
- ³ См.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века // Русская старина. 1888. № 5.
- ⁴ Русские писатели. Библиографический словарь. М., 1971. С. 343.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. Л. 7–8.
- ⁷ От слова «инаугурация» (лат. Inauguratio – начало, посвящение) – торжественный акт введения в должность высокого должностного лица, торжественная процедура вступления в должность (нередко с инаугурационной речью). Первонач. в Древнем Риме.
- ⁸ НИОР РГБ. Ф. 233 (С. Д. Полторацкого). Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 9.
- ⁹ *Кайсаров А. С.* Об освобождении крепостных в России // Русские просветители (от Радищева до декабристов) : Собрание произведений : в 2 т. / под ред. И. Я. Щипанова. М., 1966. С. 360.

- ¹⁰ *Лёвин С. В., Тотфалушин В. П.* Жизнь и деятельность Кайсарова // Четыре века : сб. статей, посвящённый 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 190.
- ¹¹ *Радищев А. Н.* Беседа о том, что есть сын отечества // Избранные философские и общественно-политические произведения / под общ. ред. И. Я. Щипанова. М., 1952. С. 278.
- ¹² *Пнин И. П.* Опыт о просвещении относительно к России // Сочинения / под ред. Вл. Орлова. М., 1934. С. 125.
- ¹³ *Кайсаров А. С.* Об освобождении крепостных в России. С. 360.
- ¹⁴ Там же. С. 361.
- ¹⁵ Там же. С. 381.
- ¹⁶ Там же. С. 361–362.
- ¹⁷ Там же. С. 369.
- ¹⁸ *Пнин И. П.* Указ. соч. С. 132.
- ¹⁹ *Кайсаров А. С.* Об освобождении крепостных в России. С. 362–363.
- ²⁰ Там же. С. 366.
- ²¹ Там же. С. 368.
- ²² Там же. С. 370–371.
- ²³ Там же. С. 376.
- ²⁴ Там же. С. 377–378.
- ²⁵ Там же. С. 380.
- ²⁶ Там же. С. 381.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 369.
- ²⁹ Там же. С. 386.
- ³⁰ *Светлов Л. Б.* Указ. соч. С. 94.

УДК 303.446.4(47+430)+929 Петр I

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКО-НЕМЕЦКОГО ДИАЛОГА (1870-е гг.)

С. Ю. Колесникова

Саратовский государственный университет
E-mail: April.88@inbox.ru

Статья посвящена популяризации образа Петра Великого в среде читающей общественности и роли в этом процессе историков А. Г. Брикнера и К. фон Вебера.

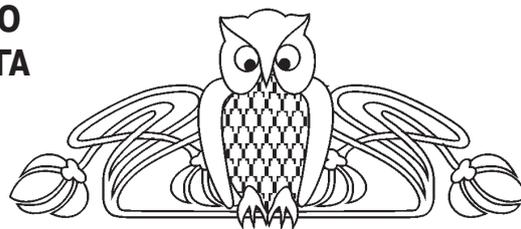
Ключевые слова: Петр Великий, популяризация истории, русско-немецкий диалог, А. Г. Брикнер, К. фон Вебер.

Popularization the Image of Peter the Great in the Context of the Russian-german Dialogue (1870s)

S. Yu. Kolesnikova

The article is dedicated to popularization the image of Peter the Great, among the reading public and the role in this process historians A. G. Brikner and K. von Weber.

Key words: Peter the Great, popularization of history, russian-german dialogue, A. G. Brikner, K. von Weber.

В череде событий 1872 г. одним из самых значимых было празднование 200-летия со дня рождения Петра Великого. Память об императоре увековечивали различными способами. Видные ученые и общественные деятели выступали с публичными лекциями: С. М. Соловьев, помимо выступления с «Публичными чтениями о Петре Великом», открывал торжества своей речью 30 мая в Московском университете в присутствии великого князя Константина Николаевича, а К. Н. Бестужев-Рюмин произнес речь 31 мая на торжественном собрании университета в Санкт-Петербурге¹. Лекции читались также и для детей, к примеру, в Мозырской гимназии (Минской губернии) в день праздника были отменены классные занятия, а затем ее директор

М. М. Изюмов обратился к воспитанникам с речью, отличавшейся «приспособленностью языка к пониманию учащихся детей и теплотою чувства»². Она начиналась с почитания памяти приснопамятного монарха и великого преобразователя Петра Великого, а заканчивалась обращением к «настоящему преобразователю» – Александру II – «Государю-освободителю двадцати миллионов»³. Слушая это во всех отношениях воодушевляющее выступление, дети представляли Петра I в образе исполина, полубога, могучего духом и крепкого телом, отцом отечества и первым императором, давшим «народу новую жизнь, славу и счастье»⁴.

На художественных выставках экспонировались приуроченные к юбилею картины, как, например, «Петр I, допрашивающий царевича Алексея» Н. Н. Ге и «Дедушка русского флота» Г. Г. Мясоедова. Торжества должны были сопровождаться и открытием памятников – 30-го мая под пушечный салют из 31 выстрела произошла закладка такового в Петрозаводске, но сам памятник открыли только спустя год, поскольку к юбилею он оказался не готов⁵. К открытию Политехнической выставки в Москве, также приуроченной к юбилею, П. И. Чайковским была написана кантата – «В память двухсотой годовщины рождения Петра Великого». Наконец, количество печатной литературы на юбилейную тему достигло своего апогея, что явилось причиной создания отдельного библиографического указателя⁶.

С одной стороны, празднование петровского юбилея, несомненно, сопровождалось всплеском интереса к фигуре первого императора и его реформаторской деятельности, но, с другой стороны, мы можем вслед за Е. Ф. Шмурло констатировать, что «юбилейная литература 1872 года не много подвинула нас вперед... Она отражала на себе современное ей состояние науки а следовательно, и ее незаконченность, ее пробелы в оценке реформы»⁷. Н. К. Михайловский, анализируя качество юбилейных изданий, писал о наличии в них в большом количестве общих мест и «расшаркиваний перед нынешним временем», но находил «очень мало такого, что было бы действительно достойно памяти гиганта русской истории»⁸. Авторы большинства работ, будь то газетчики или сочинители «довольно безграмотных брошюр» – Божерянов и Куприянов⁹ – все они, по мнению Михайловского, злоупотребляли приемом поиска «следов Петра»: «Что же такое следы Петра? Я не знаю, все ли авторы юбилейных брошюр, статей и речей задавали себе этот вопрос. Верно только то, что все они предлагают нам идти по следам Петра»¹⁰. Пересказывая в качестве примера содержание книги П. Н. Петрова «Петр Великий, последний царь московский и первый император всероссийский», в которой император представлен «безалаберно странствующим пиротехником», Михайловский, в свойственной ему саркастической манере, предлагал читателям журнала также пойти по следам Петра и «жечь

фейерверки, тем более что это весело и к нашему теперешнему настроению подходит»¹¹. Кроме того, он писал и о болезни современной литературы – мелкости интересов и идей, выразившихся во внимании издателей и авторов преимущественно к сырому историческому материалу, в невероятно больших количествах публикуемого на страницах журналов: «Не поучений, не указаний, не смысла ищем мы в нашем прошедшем, ибо мы только собираем материалы, не пытаюсь так или иначе их группировать и осветить. Издатели и собиратели движимы преимущественно трудолюбием, ну и барышами, конечно, а читатели – желанием читать анекдоты. Это доказывается ничтожностью, и в качественном и в количественном отношении, попыток обработать сырой материал, в сравнении с громадным количеством сырья»¹².

Конечно, у издателей была своя точка зрения на этот счет. Признавая наличие определенного количества «книженок спекулятивного свойства», изданных по поводу петровского юбилея, редакторы «Русской старины» приветствовали выход «Сборника выписок из архивных бумаг о Петре Великом» следующими словами: «С наибольшим сочувствием встречаем мы те, которые представляют сырой материал; как ни много писано о Петре, а все-таки сырого, подлинного, архивного материала о нем и его времени очень и очень еще мало напечатано»¹³. Разумеется, Михайловский был далек от мысли вовсе запретить к публикации архивные материалы и, думается, осознавал всю пользу этого трудоемкого и кропотливого труда. Он лишь хотел подтолкнуть пишущую и читающую общественность не просто «разрывать архивы» по пословице «вали валом, потом разберем»¹⁴, предлагать читателям сухие факты и примитивные описания поступков известных исторических деятелей, в частности – Петра Великого, но стремиться объяснять мотивы этих поступков и найти «общую формулу деятельности Петра ... чтобы она, объясняя его деятельность, давала указания и для нашей»¹⁵. В конце концов, историки не оправдали ожиданий Михайловского, который в канун петровского юбилея ожидал от них новой и яркой характеристики Петра и, ни больше ни меньше – уяснения общей формулы его общественной деятельности¹⁶, а в результате – его неутешительное резюме: «... большинство общества не знает Петра, как личности, как характера, очевидно выкроенного руками природы и русской истории из цельного куска и в то же самое время полного, по-видимому, противоречий»¹⁷.

В середине 1860-х гг., когда С. М. Соловьев один за другим публиковал шесть томов, посвященных петровскому времени, Александр Густавович Брикнер (1834–1896) только начинал свою научную карьеру. После своего возвращения из Германии в 1860 г., где он на протяжении нескольких лет слушал курсы по истории, языковедению, философии, антропологии Л. Гейссера, И. Г. Дройзена, Л. фон Ранке в университетах

Йены, Берлина и Гейдельберга, он получил место преподавателя в Училище правоведения. В 1864 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась защита его магистерской, а в 1867 г. в Дерпте – докторской диссертации по всеобщей истории. В ноябре 1871 г. он был избран профессором по кафедре русской истории Дерптского университета, где преподавал в течение последующих двадцати лет (вплоть до лета 1891 г.). Круг научных интересов Брикнера был широк – экономическая и военная история, историография и источниковедение, русско-европейские связи XVII–XVIII вв. Историк оставил после себя богатое научное наследие – общее количество его работ насчитывает до 350 наименований¹⁸.

Среди них важное место занимают труды, посвященные Петровской эпохе, начиная с серии статей начала 1870-х гг., открывающих дискуссию о значимости издания записок И. Фоккеродта и О. Плейера, и заканчивая последней прижизненной работой, вышедшей в Готе в 1896 г. на немецком языке с предисловием К. Лампрехта, последний параграф которой был также посвящен Петру I¹⁹. Если охватить взглядом все работы Брикнера по петровской теме, можно заметить, что мысль историка работала в двух направлениях: часть работ носила источниковедческий характер и была направлена на изучение биографий дипломатов и тщательный анализ их сочинений, а также принципы их издания – это статьи, посвященные деятельности И. Фоккеродта, О. Плейера, П. Гордона, Х. Вебера и др.²⁰ Другая часть работ – популярные очерки о главных лицах и событиях петровского царствования, например, очерки о князе В. В. Голицыне или русско-французских взаимоотношениях²¹. Эти два направления тесно связаны между собой – ярким примером могут послужить работы о Патрике Гордоне. Русское издание фактически делится на две части, в первой дается его биография, сведения о семье и служебной деятельности, во второй приведен подробный анализ его дневника. В немецком издании разбор дневника сокращен до минимума, таким образом, во многом источниковедческая работа превратилась в популярный очерк²².

Научная деятельность Брикнера всегда была теснейшим образом связана с его педагогической работой. В одной из статей он описывал занятия со студентами в первые четыре года своего пребывания в Дерпте. Они заключались не только в чтении лекций, но и проведении семинарских занятий, которые были не таким уж частым явлением в университетских программах начала 1870-х гг. На первых порах студенты под руководством профессора на заседаниях читали и обсуждали один источник, затем переходили к сравнению нескольких по одной теме, и в заключение самостоятельно исследовали вопрос целиком по всем имеющимся материалам. На последнем этапе большое влияние на ход исследований студентов оказывали работы самого преподавателя, поэтому

Брикнер считал своей обязанностью сообщать им о результатах своих занятий. К примеру, когда в центре научных интересов историка на какое-то время оказалась личность И. Фоккеродта, в связи с изданием в 1872 г. его записки о России при Петре Великом, еще не вышедшие в печать по этой теме статьи профессора обсуждались на семинарах, причем один из его учеников, А. Юргенсон, впоследствии успешно продолжал изыскания учителя по данной проблеме²³. Плодотворные занятия некоторых учеников Брикнера, таких как В. Штида, И. Галлер, А. Гассельблат, вылились в дальнейшем в кандидатские диссертации²⁴ по петровской тематике и были опубликованы²⁵. Поскольку он сам блестяще владел, помимо немецкого, еще четырьмя иностранными языками²⁶, для него не составляло труда объяснять ученикам и погрешности в переводах, как, например, при чтении различных изданий записок Д. Перри или Х. Манштейна²⁷.

Кроме того, на семинарских занятиях, посвященных анализу источников, Брикнер вместе со студентами разбирал преимущества и недостатки способа издания того или иного документа. С критикой существующих в то время принципов изданий источников он неоднократно выступал и в печати. Он обращал внимание читателей на содержание томов «Архива князя Воронцова»: во-первых, отсутствовал какой-либо план издания архива, так что нелегко было разобраться со всем громадным количеством сырья, а во-вторых, большинство опубликованных писем написаны на французском языке – рядовой читатель вряд ли был достаточно подготовлен к такому чтению, тем более, что перед ним вставал и другой вопрос – о мере владения иностранными языками. В связи с этим историк отмечал национальный характер исторической науки, в противовес космополитическому значению других наук: «круг читателей самых важных трудов замечательнейших историков ограничивается их соотечественниками... труды Костомарова, Погодина, Соловьева остаются почти неизвестными вне пределов России»²⁸. И хотя сочинение Карамзина было в свое время переведено на разные языки²⁹, попытка перевести на немецкий язык труд Костомарова «Русская история в жизнеописаниях» оказалась неудачной, а «об издании перевода “Истории России” Соловьева нельзя было и думать»³⁰.

Похожая ситуация с изданием источников складывалась и со «Сборником Императорского Русского исторического общества»: его тома «заключают в себе сырье, более или менее трудно доступное обыкновенным читателям»³¹. Брикнер отмечал, что «издатели сырого материала, как видно, рассчитывают на читателей неспециалистов, среди которых также распространено мнение, будто все это уже составляет цель науки. Едва ли такой способ популяризации истории окажется полезным в видах истинной исторической эрудиции. Дилетанты, занимаясь чтением сборников,

документов, писем, депеш не знакомятся с какими-либо результатами науки, забавляясь скорее совсем фрагментарным, бессвязным, историческим хламом»³². Такое положение дел создавало неудобства не только для дилетанта, но и для специалиста, который, занимаясь «изучением какого-либо частного вопроса... постоянно находится в опасности не обратить внимания на материал, напечатанный там, где вовсе нельзя было ожидать существования чего-либо, относящегося к данному предмету»³³.

В свою очередь, современники Брикнера в один голос говорили о его бережном обращении с опубликованными историческими источниками: «он сортировал, комбинировал, приводил их в движение... ставил их в связь с прежде изданными, облегчал работу над ними дальнейшим исследователям, делал их известными и доступными читающей публике»³⁴. Он принадлежал к числу тех авторов, которые более всего способствовали распространению сведений о русской истории, как в России, так и за границей³⁵. Своими историческими трудами, изданными не только на русском, но и на немецком языках, он, по словам Д. В. Цветаева, «сознательно и намеренно приучал немецкое общество к чтению серьезной литературы по русской истории и подробно знакомил его с прошлым России»³⁶. Среди его многочисленных статей, посвященных Петровской эпохе, есть одна, заслуживающая особенного внимания. Во-первых, это работа способствовала популяризации сведений о Петре Великом, а во-вторых, она являлась ярким примером русско-немецкого диалога. Статья посвящена заграничным путешествиям Петра и основана на архивных материалах, опубликованных немецким коллегой Брикнера – историком и директором Главного государственного Саксонского архива Карлом фон Вебером.

Карл фон Вебер (1806–1879) принадлежал к семье, члены которой в течение нескольких поколений занимали видное положение в администрации и юридической службе Саксонии, в частности, его отец имел чин тайного советника и был известен как один из самых выдающихся преподавателей церковного права своего времени³⁷. Мальчик был очень одарен от природы, свое первоначальное образование он получил благодаря домашним учителям, а в дальнейшем обучался в княжеской школе Св. Аферы в Мейсене³⁸. Большое влияние на него оказал И. Г. Крейсиг, специалист в области древнеримской истории и филологии, раскрывший ему всю важность исторических исследований. После сдачи выпускных экзаменов Вебер продолжил свое образование – изучал юридические науки в университетах Лейпцига и Геттингена, затем начал свою карьеру со скромной должности в судебном учреждении в Цвикау. Несомненно, его личные качества – ум, трудолюбие и чувство юмора, а, главное, «аристократическая сдержанность»³⁹ по отношению к

«большой политике» – сделали возможной столь успешную карьеру юриста, историка и архивиста. Его научные интересы были связаны в основном с историей Саксонского княжеского дома. Он был автором нескольких монографий: о Марии Антонии Вальпургис (1724–1780), курфюрстине Саксонской, которая была известна своими музыкальными сочинениями, о маршале Франции Морице Саксонском (1696–1750) и др.⁴⁰

Однако известность ему принесли не только его исторические труды, но и неутомимая деятельность на посту директора Главного государственного Саксонского архива (назначен на должность в марте 1849 г.). Благодаря своему несомненному организаторскому таланту он смог привести дела архива в порядок. При этом он никогда не ограничивался лишь отдачей приказов и исключительно руководящей работой, но и принимал самое деятельное участие в ежедневной рутинной работе учреждения. Известные историки, такие как И. Г. Дройзен и Э. Геррманн, с благодарностью признавали, что энергичная деятельность Вебера существенно облегчила им поиск источников в Саксонском архиве⁴¹. Бесспорно, Вебер был первым директором архива в Германии, который придерживался безоговорочного взгляда на то, что разъяснение истории с помощью архивных документов может быть только полезно интересам государства⁴². В одной из своих статей он указывал на то, что в современных условиях более нельзя допускать фальсификации науки и что освещение исторических событий в научном свете не только не содержит в себе ничего опасного, но с политической точки зрения это было бы и самым умным вариантом⁴³.

В 1863 г. он совместно с Э. Вахсмутом основал журнал «Архив Саксонской истории». Веберу удалось собрать вокруг издания лучших сотрудников, и объединенными усилиями журнал в скором времени стал одним из лучших периодических изданий по немецкой местной истории. В программе журнала, помещенной в первом номере, отмечалось, что большинство исследователей пишут «в стол», так как не имеют возможности опубликовать своих материалов, а зачастую просто не доверяют некоторым изданиям. Программа ставила задачей постепенно знакомить читающую публику с историей и укреплять патриотизм, основанный не на фразеологии, а на твердых убеждениях⁴⁴. От авторов требовалось основательное и беспристрастное изображение событий в последовательной связи части и целого. Содержание будущих выпусков должно было охватывать как историю страны в целом, так и ее отдельных частей – городов, монастырей, отдельных семей, историю монархов и народа, историю обычаев и культуры. Разработка каждого предмета в обязательном порядке должна была базироваться на исторической основе с предложением новых точек зрения по тем или иным вопросам⁴⁵. Вебер время от времени публиковал статьи в журнале, так, в

выпуске за 1873 г. вышла его статья, посвященная пребыванию Петра Великого в Дрездене⁴⁶.

В статье рассказывается о поездках Петра 1698, 1711 и 1712 гг. При каждом своем приезде царь постоянно напоминал о своем желании путешествовать инкогнито, не встречать его при въезде в город пушечной пальбой и неоднократно грозился уехать в случае неисполнения его требований. Останавливался он в разных местах, смотря по своему настроению: во время первой поездки он жил в хоромах умершей супруги курфюрста, Элеоноры, в 1711 г. – в гостинице, где его любимым местом стала комната дворника, а при последнем посещении царь неожиданно выразил желание поселиться у придворного бриллианщика Динглингера. За короткие сроки он обычно успевал посетить множество мест – стеклянный завод, оранжерею, пороховую мельницу и др., а в первое свое посещение 1698 г., которое продолжалось только три дня, он успел осмотреть цейггауз, литейный дом, крепость Кенигштейн и ее арсенал, а в кунсткамере побывал три раза, причем первый раз он изъявил желание направиться туда сразу по приезде, в первом часу ночи. Интересно, что именно эпизод с посещением кунсткамеры Дрездена выбрал П. Н. Милюков для подтверждения своих выводов об импульсивном характере царя: «...если Петра займет какая-нибудь мысль, она должна быть осуществлена немедленно. Он приезжает в Дрезден: он был целый день в дороге, люди измучены; уже вечер; время ужина. Ничего не значит: Петр хочет видеть кунсткамеру, – нужно отпереть ее, зажечь свечи и показывать ее Петру целую ночь»⁴⁷. К крепости Кенигштейн⁴⁸ Петр, естественно, проявлял большой интерес, тщательным образом рассматривал все укрепления и орудия и выражал настойчивое желание познакомиться с арестантами, содержащимися в крепости, что было ему разрешено после долгих уговоров. При всей своей занятости царь не пропускал обеды и ужины, развлекал себя и гостей исполнением соло на барабанах, танцевал до утра, смотрел представление в немецком театре, развлекался катанием на карусели и игрой в мяч. Отъезд Петра сопровождался письмами ответственных лиц королю Августу II, в частности, наместника Фюрстенберга, который хоть и благодарил Бога, что все прошло благополучно, но и не считал нужным скрывать радость по поводу того, что дорогой гость, наконец, уехал.

Брикнер поместил изложение статьи Вебера в журнале «Русская старина» в 1874 г.⁴⁹ Он значительно сократил статью, и для наглядности разделил ее на три части, соответствующие трем поездкам Петра. В начале каждой своей работы Брикнер старался помещать подробный историографический очерк, так и здесь историк, не изменяя своим принципам, указывал читателю, что данные о пребывании царя в Дрездене встречались в сочинении Устрялова, а точнее, в приложении к третьему тому⁵⁰. Брикнер ставил своей

целью представить сведения, заслуживающие внимания читающей публики и не встречающиеся ранее – этим объясняется пропуск некоторых несущественных деталей и скучных подробностей поездок царя, как например, даваемого Вебером списка лиц, сопровождавших Петра в 1698 г. (Лефорг, Возницын и др.)⁵¹. Предполагалось, что читатель уже имеет некоторое представление о самых известных событиях. К тому же, размер и характер статьи был обусловлен и форматом журнала. По справедливому замечанию Д. В. Цветаева, «принятие статей в более общественные и распространенные журналы, независимо характера, обуславливается непременно еще “читкостью”, возможно общедоступностью интереса и изложения и сокращением, а чаще полным уничтожением ученых ссылок, цитат и т. п.»⁵². Тем не менее, Брикнер был убежден в необходимости появления таких статей, пусть хоть и в кратком виде, но содержащих в себе не просто сырой материал, но последовательно изложенный анализ событий. Мнение историка о важности изучения поездок Петра базировалось на том простом и логичном заключении, что личное присутствие царя должно было оживлять работу, поддерживать стойкость его сотрудников и, по образному выражению историка, «водворять» в подданных неутомимость, которой отличался он сам⁵³.

Подведем итоги. За несколько лет до празднования петровского юбилея К. Д. Кавелин, давая общую оценку отношения общества к исторической науке того времени, писал: «Мы начинаем чувствовать, что происшествия, решавшие судьбы русского народа, что лица, игравшие большую роль в самые знаменательные эпохи нашей истории, подернуты каким-то туманом, не имеют ярко очерченного образа, и вот, все старания направлены к тому, чтобы разогнать этот туман, сорвать таинственный покров»⁵⁴. Петровский юбилей, призванный напомнить общественности о первом императоре, послужил поводом к появлению большого количества публикаций – сборников архивных материалов, представлявших интерес в основном лишь для узкого круга специалистов и огромной массы брошюр сомнительного содержания, предназначенных для рядовой публики. Тем не менее, работ, доступных широкому кругу образованных читателей, но в то же время опирающихся на научную разработку вопроса, было немного, а общий труд подобного характера и вовсе отсутствовал, поскольку, как известно, сочинение Устрялова осталось незаконченным. Естественно, историки из разных стран понимали важность популяризации истории в равной мере как среди ученых, так и среди неспециалистов, но только с тем условием, чтобы выразительность и простота изложения материала сочетались с обширной и достоверной научной базой. Брикнера и Вебера объединяла не только их учеба в лучших университетах Германии, но и пони-

мание всей важности работы с источниками в сочетании со стремлением просто и интересно преподнести материал. Вебер специально не занимался изучением Петровской эпохи, но найдя в архиве документы, заслуживающие внимания, постарался донести их содержание до читателя. Брикнер, в свою очередь, своими трудами на русском и немецком языках внес большой вклад в популяризацию в России и за границей достоверных научных сведений по русской истории. Статья, изложенная Брикнером по материалам Вебера, была посвящена жизни и деятельности Петра I за границей. Автор фокусировал внимание читателей исключительно на царе, осматривал ли он крепость или присутствовал на спектакле в театре, стрелял из пушки или танцевал до утра – везде мы видим Петра, энергичного и неутомимого. Искушенному читателю статья могла показаться простой и безыскусной, в отличие, к примеру, от публикаций М. И. Семевского 1860-х гг., написанных в беллетризованной форме, полных драматизма и разоблачений. Но именно эта простота делала ее убедительной и выгодно отличала от работ других авторов. Брикнер писал интересным, но в то же время понятным языком с опорой на достоверный материал, не пытался сгустить краски и не затушевывал личность царя шаблонными фразами и характеристиками, тем самым предоставляя читателям возможность самостоятельно оценить информацию, поразмышлять о прочитанном и сформировать свой собственный образ Петра. Именно такие статьи, основанные на достоверном материале и одновременно доступные для понимания, раз за разом публикуемые в печати, закрепляли в памяти читающей общественности правдивый образ деятельного и вездесущего царя-работника.

Примечания

- 1 См.: Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1872; Бестужев-Рюмин К. Н. Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1872. № 5. С. 149–156.
- 2 О праздновании в учебных заведениях Виленского учебного округа дня двухсотлетней годовщины рождения императора Петра Великого, 30 мая 1872-го года // ЖМНП. 1872. № 10. С. 197.
- 3 Там же. С. 202.
- 4 Там же. С. 198–201.
- 5 См.: Пашков А. М. Памятник Петру I в Петрозаводске. URL: <http://spp.lfond.spb.ru/russia/memorials/114> (дата обращения: 04.03.2013).
- 6 См.: Межов В. И. Юбилей Петра Великого. Библиографический указатель литературы Петровского юбилея 1872 г., с прибавлением книг и статей о Петре I вообще, явившихся в свет с 1865 по 1876 г. включ. СПб., 1881.
- 7 Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора) // ЖМНП. 1889. № 7. С. 118.
- 8 Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Июль 1872 // Отечественные записки. 1872. № 7. С. 138.
- 9 См.: Божерянов И. Н. Очерк истории развития искусств в царствование Петра Великого. СПб., 1872; Курьянов Н. Г. История медицины в России в царствование Петра Великого. СПб., 1872.
- 10 Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Июль 1872. С. 139.
- 11 Там же. С. 140.
- 12 Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Ноябрь 1872 г. // Отечественные записки. 1872. № 11. С. 155.
- 13 Библиографический листок новых русских книг // Русская старина. 1872. № 8. На обороте.
- 14 Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Ноябрь 1872. С. 155.
- 15 Он же. Литературные и журнальные заметки. Июль 1872. С. 144.
- 16 Там же. С. 144–145.
- 17 Там же. С. 144.
- 18 См.: Иконников В. С. Александр Густавович Брикнер. Киев, 1898. С. 7.
- 19 См.: Brückner A. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Bd. 1 : Überblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha, 1896. S. 611–638.
- 20 См., например: Брикнер А. Г. Хр. Фр. Вебер. (Материалы для источниковедения истории Петра Великого) // ЖМНП. 1881. № 1, 2. С. 45–78, 179–221 и др.
- 21 См.: Brückner A. Fürst W. W. Golizyn (1643–1714). Eine biographische Skizze // Russische Revue. 1878. Bd. 13. S. 193–223, 289–320 и др.
- 22 Различие в двух работах ясно видно уже по названиям. См.: Брикнер А. Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878; Brückner A. Patrick Gordon (1635–1699) // Brückner A. Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1887. S. 355–451.
- 23 См.: Брикнер А. Г. О практических упражнениях при преподавании новой русской истории в университетах // ЖМНП. 1876. № 6. С. 36–37.
- 24 Под кандидатскими диссертациями здесь имеются в виду выпускные сочинения студентов.
- 25 См., например: Hasselblatt A. Otto Anton Pleyer, der erste förmlich accreditirte österreichische Diplomat am russischen Hofe. 1692–1719 // Russische Revue. 1875. Bd. 7. S. 281–316, 415–435 и др.
- 26 Французским, английским, итальянским и шведским.
- 27 См.: Брикнер А. Г. О практических упражнениях при преподавании новой русской истории в университетах. С. 32.
- 28 Он же. Вопросы самообразования // Северный вестник. 1896. № 9. С. 156.
- 29 См., подробнее: Быкова Т. А. Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 324–342.
- 30 Брикнер А. Г. Вопросы самообразования. С. 157.

- ³¹ Брикнер А. Г. Вопросы самообразования. С. 160.
³² Там же. С. 161.
³³ Брикнер А. Г. Об учебных пособиях при изучении истории России // ЖМНП. 1876. № 7. С. 6.
³⁴ Цветаев Д. В. Александр Густавович Брикнер // Русское обозрение. 1896. № 12. С. 846.
³⁵ См.: Александр Густавович Брикнер // Вестник Европы. 1896. № 12. С. 901.
³⁶ Цветаев Д. В. Указ. соч. С. 849.
³⁷ См.: Dr. Karl von Weber. Von Geheimen Rath von Wibleben, Director der Königl. Sächs. Haupt-Staats-Archiv // Archiv für die Sächsische Geschichte. 1880. Bd. 6. S. 356.
³⁸ Старейшее учебное заведение города, основано в 1543 г.
³⁹ Hassel P. Weber, Karl von // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1896. Bd. 41. S. 346.
⁴⁰ См.: Weber K. von. Maria Antonia Walpurgis, Kurfürstin zu Sachsen. Dresden, 1857; Weber K. von. Moritz, Graf von Sachsen, Marschall von Frankreich. Dresden, 1863 и др.
⁴¹ Hassel P. Op. cit. S. 348.
⁴² Ibid. S. 347.
⁴³ См.: Weber K. von. Das Haupt-Staatsarchiv zu Dresden // Archiv für die Sächsische Geschichte. 1864. Bd. 2. S. 23.
⁴⁴ Vorwort // Ibid. 1863. Bd. 1. S. VIII.
⁴⁵ Ibid. S. X.
⁴⁶ См.: Weber K. von. Die Besuche Peters des Grossen in Dresden // Ibid. 1873. Bd. 11. S. 337–350.
⁴⁷ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Национализм и общественное мнение. Вып. 1. СПб., 1901. С. 155.
⁴⁸ Подробнее см.: Штейнфельдер К. Крепость Кенигштейн. URL: <http://spp.lfond.spb.ru/europe/memorials/159> (дата обращения: 04.03.2013).
⁴⁹ См.: Брикнер А. Г. Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг. // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 727–734.
⁵⁰ См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : в 6 т. СПб., 1858. Т. 3. С. 589–620.
⁵¹ См.: Weber K. von. Die Besuche Peters des Grossen in Dresden. S. 338.
⁵² Цветаев Д. В. Указ. соч. С. 853.
⁵³ См.: Брикнер А. Г. Путешествия Петра Великого за границу в 1711 до 1717 // Русский вестник. 1880. № 11. С. 12.
⁵⁴ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Собрание сочинений К. Д. Кавелина : в 4 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 586.

УДК 9(470)«18»+929 Мещерский

«РОССИЯ ПОД ПЕРОМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»: ПИСЬМА В. П. МЕЩЕРСКОГО ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ИЗ СЛУЖЕБНЫХ КОМАНДИРОВОК ПО РОССИИ

О. В. Кочукова

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

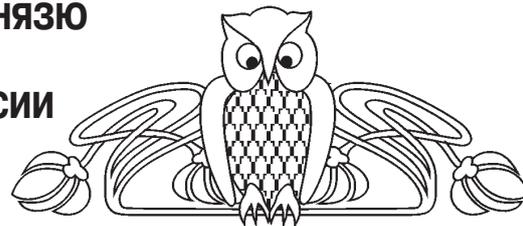
В статье анализируется описание служебных командировок по России В. П. Мещерского (1867–1868 гг.), которое содержится в его письмах к великому князю Александру Александровичу. Исследование выявляет возможности использования данного исторического источника для изучения общественно-политической роли российских травелогов, созданных идеологами русского консерватизма. Автор делает вывод о том, что травелог, адресованный наследнику престола, был использован В. П. Мещерским в качестве одного из средств формирования программы будущего царствования, призванного скорректировать недостатки либеральных преобразований 60-х гг. XIX в.

Ключевые слова: травелоги, консервативное движение в России, либеральные реформы 60-х гг. XIX в., публицистика, Российская империя, В. П. Мещерский, великий князь Александр Александрович.

**«Russia from the Pen of a Remarkable Man»:
V. P. Meshchersky's Letters to the Grand Prince Alexander Alexandrovich from the Business Trips in Russia**

О. V. Kochukova

The description of V. P. Meshchersky's business trips in Russia (1867–1868) contained in his letters to the Grand Prince Alexander

Alexandrovich is analyzed in the article. The research reveals the possibility of using this historical source on the study of the social and political role of the Russian travelogues created by the Russian conservatism ideologists. The author concludes that the travelogue, addressed to the heir to the throne, was used by V. P. Meshchersky as a means of the formation program of the future reign to correct the shortcomings of liberal reforms in 60s of the 19th century.

Key words: travelogues, conservative movement in Russia, liberal reforms in 60s of the 19th century, publicism, Russian Empire, V. P. Meshchersky, Grand Prince Alexander Alexandrovich.

В современной российской историографии не ослабевает интереса к личностям, взглядам и деятельности лидеров общественного движения в России XIX в. Частью этого процесса является публикация принадлежащих им сочинений, мемуаров и переписки. К числу имеющих важное историографическое значение публикаций такого рода с полным правом следует отнести недавно вышедшее в свет издание писем известного консервативного публициста и общественного деятеля В. П. Мещерского к великому князю Александру Александровичу, подготовленное к

печати Н. В. Черниковой¹. Письма охватывают хронологический период 1863–1868 гг. и содержат сведения о придворном окружении наследника престола (впоследствии императора Александра III), обстоятельствах общественно-политической жизни, о личностях автора писем и его адресата, но, пожалуй, самый значительный по объему и содержательный по представленной исторической информации «сюжет» переписки составляет российский травелог князя Мещерского – описание его поездок по России в 1867–1868 гг.

Молодой князь Мещерский с 1862 г. был чиновником особых поручений для командировок по России, служившим в министерстве внутренних дел под руководством П. А. Валуева. Начало служебных командировок по времени совпало со знакомством с великими князьями Николаем Александровичем и Александром Александровичем. Но наиболее дружеские отношения установились с Александром Александровичем, ставшим после смерти старшего брата в 1865 г. наследником престола. Мещерский в это же время сближается с преподавателями наследника престола К. П. Победоносцевым, И. К. Бабстом и С. М. Соловьевым и начинает пытаться оказывать на цесаревича «сознательное и постоянное влияние в двух сферах: формирование личности и политическое воспитание»². Одним из самых значимых инструментов «политического воспитания» наследников престола являлись их путешествия по России. Мещерскому не удалось попасть в состав свиты, сопровождавшей цесаревича, но он предпринял попытку донести до него ту информацию о России, которую, как ему представлялось, нельзя было раздобыть во время официальных и специально организованных путешествий высочайших особ. Личный опыт знакомства с жизнью российской провинции приобретал под пером Мещерского значение способа постижения современной внутренней политики и общественной жизни и именно потому предназначался для ознакомления будущему российскому императору.

Корреспонденции Мещерского «Из путешествий по России» печатались также в «Русском инвалиде», а несколько позже (в 1869–1870 гг.) вышли двумя отдельными книгами под названием «Очерки нынешней общественной жизни в России»³. Выбор литературной формы изложения в виде путевых заметок либо очерков, «писем из путешествий» был вполне традиционным для эпохи. Российский травелог князя Мещерского разделен хронологически и географически на две части. Первое путешествие состоялось в 1867 г., и его маршрут пролегал через Тверь, Владимир и Нижний Новгород. Второе путешествие 1868 г. имело целью изучение Курской, Полтавской и Харьковской губерний.

Описание путешествия В. П. Мещерского по России, несомненно, является интересным источником, достойным внимания исследователей. В

современной исторической науке изучение разнообразной литературы путешествий представляет собой достаточно перспективное направление. Существуют и обобщающие исследования, и работы методологического характера, а также публикации конкретных травелогов и опыты их научного анализа⁴. Преимущественно в центре внимания исследователей находятся путешествия русских за границу и иностранцев по России либо путешествия русских по окраинам империи. Сравнительно менее изученными остаются «внутренние» российские травелогисты, то есть путешествия русских общественных, культурных и государственных деятелей России по ее основной исторической территории.

Между тем именно этим внутренним российским травелогам принадлежит весьма значительная роль в формировании идейно-политических представлений современников, в процессе интеллектуального конструирования имперской и национальной идентичности и в осмыслении реформаторского процесса в России. По наблюдению И. П. Кулаковой, именно XIX в. стал веком путешествий россиян по России. Исследовательница отмечает, что в XVIII в. «поездки по стране были в основном связаны со служебными, хозяйственными и семейными надобностями», а в XIX в. практики путешествий россиян по России стали «способом постижения страны в пространстве и времени, или способом «конституирования национальной идентичности через образ Родины»⁵.

Российские травелогисты россиян в XIX в. создавались под влиянием идейно-политических ценностей современности и претерпели серьезную эволюцию. Культурная обособленность русского крестьянства (основного населения России) от европеизированных образованных представителей дворянства предопределила возникновение описаний собственного населения как образа «Другого». В связи с этим следует принять во внимание концепцию А. Эткинды о «российской программе внутренней колонизации». «Главные пути колонизации России были направлены не вовне, но вглубь метрополии, – пишет А. Эткинды, – Россия колонизировала саму себя, осваивала собственный народ... Миссионерство, этнография и экзотические путешествия – характерные феномены колониализма – в России были обращены внутрь собственного народа... огромная и неведомая реальность – народ был другим... Народ не мог писать по определению: тот, кто писал, переставал быть народом. Народ подлежал записи: все более точной и объемлющей регистрации своих необычных слов и дел»⁶.

Характер описаний путешествий россиян по России изменялся параллельно с преобразованием ее социального устройства в эпоху Великих реформ. Путешествия по России стали способом познания России изначально как страны, нуждающейся в реформах, а впоследствии «живающей»

ся» в них. После свершения основных либеральных реформ 1860-х гг. в сознании современников Россия из объекта применения реформаторских усилий превращалась в самостоятельный, самодостаточный и самоценный субъект исторического процесса, в связи с чем усиливалась познавательная деятельность образованного общества в отношении российской провинции. Один из самых видных идеологов реформаторского процесса К. Д. Кавелин в 1865 г. выразил это изменение в понимании его содержания в следующих словах: «Все, что до сих пор у нас делалось, было в руках правительства. Что теперь делается – этого никакого в мире правительства, будь у него семь пядей во лбу, сделать не может»⁷.

Все большее значение обретало знание страны за пределами официального Петербурга. Не случайно именно в период Великих реформ усиливается интерес к волжскому пространству Российской империи. Появляются травелоги, в которых «Волга предстает символическим воплощением России». Среди авторов волжских травелогов были В. Д. Скарятин, П. П. Нейгардт, В. И. Немирович-Данченко⁸. (Волжский травелог Скарятин явился предметом специального научного исследования, осуществленного историком общественного движения В. В. Ведерниковым⁹). Знакомство с Поволжьем стало частью «венчания с Россией» наследника престола и подробно освещалось в корреспонденциях о путешествии цесаревича Николая Александровича в 1863 г.¹⁰ Таким образом, первое путешествие Мещерского по «волжскому» маршруту также являлось весьма показательным.

Путешествия по России имели особый смысл для становления консервативной версии осмысления реформаторского процесса в России, так как они воспринимались как способ знакомства с непосредственной социальной действительностью, с самой «жизнью», противопоставленной «теории». Как известно, гносеологическая основа консервативного мировоззрения заключается в противопоставлении конкретики «живой жизни» рационализму абстрактного знания. Примером может служить следующее размышление К. П. Победоносцева: «Жизнь не наука и не философия; она живет сама по себе, живым организмом... В применении к жизни всякое положение науки и философии имеет значение вероятного предположения, гипотезы, которую необходимо всякий раз поверить здравым смыслом и искусным разумом по тем явлениям и фактам, к которым требуется приложить ее; иное применение общего начала было бы насильем и ложью в жизни»¹¹.

В связи с этим представляется важным тот факт, что российский травелог князя Мещерского моделируется, конструируется им «от противного», то есть является своего рода «обратным путешествием», направленным против некоего способа освоения пространства страны, который подразумевается в тексте и признается прин-

ципально неверным, испорченным вариантом восприятия реальности. Описание путешествия Мещерского, предстающее на страницах писем к наследнику престола, невозможно понять во всей полноте, если не принять во внимание содержание одного весьма любопытного его произведения. Это имеющий очень четкую идейно-публицистическую основу сатирический текст «Россия под пером замечательного человека», опубликованный в 1871 г. в журнале «Русский вестник»¹². Герой памфлета – собирательный персонаж, некий граф Прокопий Эссентукский, который «умел читать по-французски очень хорошо, по-немецки отлично, по-русски с грехом пополам, думать же умел только по-французски», тем не менее, «смутно подумывал о России и как будто представлял себя в довольно интимных с нею отношениях»¹³. Граф Прокопий как человек передовых взглядов откликается на все модные идеи, выставляет напоказ свою приверженность либеральным принципам, проявляет большой интерес к крестьянской и земской реформам, хотя изначально знает о деревне только то, что «живут там какие-то мужики, и мужики эти des крепостные и не совсем счастливы»¹⁴. Он совершает 17-дневное путешествие практически по маршруту А. Н. Радищева, из Петербурга в Москву, успевая бросить беглый взгляд на жизнь деревень и уездных городов. Его неприятно смущает «запах тулупа», который источает Россия, ибо «от него до Азии не далеко». В конечном счете, граф Эссентукский признает свое путешествие в сущности бесполезным: Россия ничему не научила его и научить не могла. Путешественник заявляет: «... я не испытал влияния среды, где находился. С гордостью могу сказать, что я изучал Россию, sans subir son influence. Более чем когда-либо я пришел к убеждению, что России в известном смысле нет: это ораторская фигура, к которой мы добровольно прибегаем в политике»¹⁵.

Можно предположить, что образ «графа Прокопия» имел вполне конкретные прототипы и к их числу с достаточной степенью вероятности можно отнести министра финансов М. Х. Рейтерна, который совершал поездку по России, от Одессы до Петербурга, точно в то же самое время, что и Мещерский. В письмах к великому князю Александру Александровичу Мещерский отзывался об этом официальном путешествии министра как о классической «чиновничьей экскурсии» «в обстановке обедов и спичей», резко заметив, что из всего тщательно спланированного и организованного мероприятия Рейтерн «мог усвоить только одно: еще большую веру в свою непогрешимость и презрение к этому стаду баранов, кланяющемуся ему в ноги»¹⁶. Здесь нужно вспомнить, что герой памфлета Мещерского «был в иных вопросах очень либерален и держался принципа *laissez-faire*»¹⁷, а в письмах к цесаревичу встречаются упоминания о многочисленных «фразах Рейтерна», которые являли собой «неисчерпаемый источник великих мыслей, целиком взятых из Стюарта Милля»¹⁸.

Словосочетание «замечательный человек» в контексте тревелогов Мещерского обретает два смысла. Первый – сатирический, иронический: «замечательный человек» считает себя таковым на основании полученного образования и социального статуса. Он отправляется в путешествие по России, не имея желания изучать, познавать ее внутренний быт и проблемы, не считая нужным подвергать сомнению отвлеченные экономические и политические теории на основании знакомства с социальной реальностью; взгляд на Россию сверху вниз и предпочтение, отдаваемое абстрактному знанию перед «живой жизнью» страны делает само путешествие поверхностным и бессмысленным. Для такого «замечательного человека» Россия остается объектом преобразований, но не может открыться как самодостаточная и самоценная реальность. Второй смысл выражения «замечательный человек» в логике Мещерского предполагает как бы снятие кавычек, то есть его собственный тревелог подчеркнуто противопоставлен «нежизнеспособному» туру по России: действительно «замечательный» человек отправляется в странствование по своей родной стране с целью изучать, понимать ее и учиться у нее. Поэтому чтобы стать «замечательным» путешественником, чиновник особых поручений В. П. Мещерский «инкогнито и неожиданно» посетил больницы, школы, мастерские, воспитательные дома, раскольничьи моленные избы¹⁹ и т. п., тщательно избегая «обстановки спичей и обедов». По крайней мере, именно таким образом он представлял собственный поиск источников информации о внутренней жизни России, обращаясь к великому князю Александру Александровичу («таскаясь по деревням, вываливался из саней благодаря ухабам не раз, ночевал в избах»²⁰).

В одном из писем к наследнику престола Мещерский развернуто сформулировал цель своей поездки: «Составить себе общее понятие о нынешнем политическом состоянии России, а с другой стороны, составить себе по возможности правильную программу для изучения разных сторон государственной жизни в России, и в-третьих, наконец, уяснить себе, насколько Бог дает разумения, различие во взглядах Петербурга на Россию и обратно России на Россию и на Петербург»²¹. Целью освоения пространства России является, в представлениях Мещерского, содействие преодолению главной, с его точки зрения, общественно-политической проблемы эпохи масштабного реформирования страны – «разлада жизни, который разделяет государственный мир Петербурга с государственным миром России»²². В другой формулировке эта проблема обозначена публицистом как «разлад управляющих с управляемыми». Ведущей политической задачей современности он считал «разлад этот уничтожить и постичь потребности России правдивые, а не мнимые»²³.

Таким образом, российский тревелог Мещерского начинает обретать свое политическое

значение. Он является способом проверки жизнеспособности реформаторских практик, методом поиска путей корректировки преобразований, основой для аргументированной критики издержек и системных недостатков Великих реформ. Следовательно, путевые заметки должны стать немаловажным источником для историков, изучающих становление и эволюцию политического консерватизма в пореформенной России. Весьма важно то, что взгляды «раннего» Мещерского как раз находились на той фазе, которую можно определить как стремление к пересмотру либеральных концепций. Вполне справедлив вывод Н. В. Черниковой о том, что в письмах Мещерского к цесаревичу отражены политические настроения 1860-х гг., которые «значительно отличаются от его позиции более позднего времени и ярко характеризуют ту эволюцию, которую проделало русское общественное сознание в пореформенной России»²⁴.

Много страниц описания путешествия Мещерского посвящено раскрытию различных бытовых подробностей российской повседневности, выдающих неукорененность реформ, непродуманность деталей преобразований и т. п. Мещерский акцентирует при этом несоответствие «столичного» уровня общего и в целом верного курса реформ и «провинциального» отсутствия элементарных достаточных условий для его действительной реализации: строятся железные дороги, но находятся в запустении шоссе, основываются университеты, а народ в деревнях «коснеет в невежестве», идут преобразования судебного устройства, а на местах мировым судьям негде посадить арестуемых под арест. Таким способом Мещерский подводил высокопоставленного читателя своих корреспонденций к выводу: «реформы и их благотворительные учреждения не обдумываются и не применяются в их разумной связи и последовательности; большое тело лечится снаружи, но не внутри»²⁵. Особой критике подвергались также форсированные, с точки зрения будущего видного консервативного публициста, темпы преобразований: поспешность разработки реформ исходила из предположения «будто Россия призвана умереть если не завтра, то послезавтра»²⁶.

Критика реформ со стороны Мещерского в конечном счете была обращена к неверному способу восприятия оснований реформ, идущих от абстрактных теорий в большей степени, нежели от понимания реальных потребностей страны. Так, описывая крестьянское самоуправление, он приводил конкретные примеры деятельности недобросовестных волостных старшин и делал обобщение: «составители крестьянских учреждений, созидая весь этот мир self-governments, имели, вероятно, перед глазами не грубые массы народа, требующие над собою опеки и строгого присмотра, но каких-то идиллических граждан-пастушков со всеми добродетелями жителей

Аркадии и со всеми совершенствами цивилизации гражданина Америки или Англии; в этом существенный недостаток их работ, в принципе весьма хороших»²⁷.

Вообще, тема проверки реформаторских идей на жизнеспособность путем их погружения в непосредственную действительность «мелочей» и деталей повседневности представляла постоянный интерес для Мещерского-путешественника. В связи с этим особенно любопытен факт особого внимания, проявленного им к жизни знаменитого имения великой княгини Елены Павловны в Карловке Полтавской губернии, в котором Н. А. Милютин и К. Д. Кавелин в 1856 г. осуществили эксперимент по освобождению крестьян, имевший большое значение в эпоху подготовки крестьянской реформы. Мещерский приводил факты, свидетельствующие об экономической несостоятельности имения в начале 1860-х гг., и подробно рассказывал о необыкновенных усилиях, которые пришлось предпринять Елене Павловне совместно с управляющим имения для того, чтобы вывести его из кризиса («она как женщина умная поняла, что было бы скандально ей, столько говорившей об эмансипации, первой провозгласить ее несостоятельность для помещиков продажей имения»²⁸). Причину же создавшейся ситуации Мещерский видел в том, что изначально были недостаточно проработаны практические вопросы об использовании наемного труда после реформы и нехватке рабочих рук.

Критика либеральных реформ, подкрепленная аргументами из действительности российской провинции, вплотную подводила к главной цели письменных обращений Мещерского к наследнику престола, будущему государю, каковой, конечно же, являлась попытка политического влияния или даже скорее, политического воспитания (28-летний Мещерский был на четыре года старше Александра Александровича и считал себя его старшим товарищем). Возникал вопрос о начале формирования программного курса будущего царствования, призванного скорректировать недостатки настоящего. Мещерский занимал характерную и весьма показательную для эпохи позицию общественного деятеля, претендующего на возможность организации «проповеди у трона». Обращаясь к цесаревичу, он заявлял: «Россия нуждается в гениальном царствовании, но вспомните и верьте: только она может дать все нужное для того, чтобы царствование было гениально!»²⁹

Исходя из этого российский тревелог Мещерского должен был представлять собой определенный корпус практической информации, содействующий узнаванию России и формированию содержательной программы будущего царствования, согласованной с потребностями страны. Но путешествие по России имело и вторую немаловажную цель. Новому царствованию нужна не только программа, но и новая политическая элита. Здесь следует подчеркнуть, что содержание писем

свидетельствует о том, что критика Мещерского была направлена не только против идеологов и практиков Великих реформ, но и против грубых попыток вмешательства в политику реакционных сил, и в частности, против П. П. Шувалова, «советующего царю казни и гонящегося за воздушными тенями оппозиции и революции»³⁰. Мещерскому представлялся важной государственной задачей поиск людей, которые могли бы стать опорой будущего царствования («Где те люди, на которых Вы перед лицом России можете указать как на будущую Вашу правдивую, твердую, честную опору, в устах которых, как в светлом зеркале будут отражаться нужды народа?»³¹). Поэтому путешествие по России было способом не только познания России, но и в каком-то смысле «собирания людей». В августе 1868 г., находясь в имении Н. М. Карамзина в Курской губернии, его внук В. П. Мещерский адресовал Александру Александровичу такие строки: «Теперь я здесь зачем?.. Затем, чтобы с людьми столкнуться; а столкнуться с ними надо, чтобы в добрый час с сознанием своего убеждения сказать Петербургу и его отродью: вы лжете, когда говорите, что людей нет, они есть, их много на широкой Руси, вот они; – не быть бессильну, не быть беспомощну царствованию моего будущего Государя»³². Этим объясняется то, что в письмах к наследнику престола Мещерский не раз обращался к характеристикам действительно «замечательных людей» – земских деятелей, учителей, священников, предводителей дворянства, купцов. Более или менее подробные рассказы о них составляют весомую долю информации корреспонденций из путешествия.

Значительное внимание Мещерский уделял фактору имперского разнообразия России. Он считал, что местные различия в традициях, географических, социально-экономических условиях, человеческий фактор (разные чиновники, состав общественных деятелей и т. п.) определяли то, что в разных губерниях осуществление реформ приобретало различные параметры. В этом смысле описание путешествия Мещерского также подчеркнуто противопоставлено воображаемому тревелогу «замечательного человека» из его сатиры. «Граф Прокопий» был уверен, что в России Тобольскую губернию можно перенести в Харьковскую, а Архангельскую в Бессарабию, и при этом никто из жителей этого даже не заметил бы³³. Напротив, корреспондент великого князя Александра Александровича постоянно подчеркивал различия губерний России, начиная с их внешне узнаваемых зрительных образов и заканчивая неравномерностью в темпах и характере преобразовательных процессов. Взгляд Мещерского-путешественника отмечает контрастные образы промышленно более развитых городов Владимирской губернии, напоминающих ему «русский Манчестер», и патриархально отсталого и нецивилизованного, с «восточными» чертами, быта Рыбинска («на улицах и площадях толпятся

массы народа, кабаки, тифозные горячки, сибирская язва и падеж скота»³⁴). Он не проходит мимо культурных и бытовых различий великорусса и малоросса, попутно примечая, что в малороссийских губерниях менее распространено пьянство среди народа и благосостояние крестьян выше при том, что там внешне не так заметно расслоение («в отличие от великорусского села, где богатый крестьянин строит широкую и роскошную избу, здесь всюду тот же тип хат, белых как снег, своей наружностью, в которых живет и бедняк, и владелец двадцати пар волов и ста десятин земель»³⁵).

Среди конкретных социальных тем и проблем, занимавших В. П. Мещерского во время его поездок по России, были, прежде всего, деятельность земств и характеристики хозяйственного, общественного и культурного быта сельского и городского населения. Фактор имперской неоднородности здесь также постоянно оказывался на поверхности.

Так, много и подробно рассказывая о деятельности и проблемах только что созданных земских учреждений, Мещерский не создает единой картинки, единой схемы. Особенно важным представляется ему различие в том, что можно назвать балансом интересов сословий в составе и деятельности земских собраний различных губерний. Это проявлялось, в частности, в проблеме распределения земских повинностей и земских расходов. В письмах из Твери Мещерский подчеркивал, что в местном уездном собрании дворян втрое больше, чем купцов и, как следствие, «тверское земство очень рельефно обрисовалось в своем желании как можно более ограничить тягость повинностей для землевладельцев и как можно более в то же время наложить эту тягость на города»³⁶. Тон писем из Твери часто становится ироничным: «отчизна тринадцати посредников, признавших Положения 19 февраля 1861 года слишком стеснительными для крестьян»³⁷, не в состоянии позаботиться об уравнительности денежных раскладок между всеми сословиями! Противоположную ситуацию он увидел в Смоленской губернии: «для местных общественных деятелей крестьянин это какое-то привилегированное существо, имеющее право на всякое изъятие из закона или беззаконие в его пользу, а бедный помещик – какое-то несчастное создание, обреченное быть жертвою великих идей крестьянского блага и крестьянской полноправности»³⁸. Такое положение дел Мещерский связывал с влиянием характера управления и идей В. А. Арцимовича в бытность его смоленским губернатором, которого он считал «багрово-красным» политиком, имевшим целью «разорение помещиков и исключительную пользу одних крестьян»³⁹. Разумеется, такое суждение об Арцимовиче – следствие явно предвзятых мнений.

Земством, в котором Мещерский разглядел наиболее оптимальный вариант взаимодействия интересов сословий, было Владимирское. Путешественник заметил, что во Владимирском

земстве участие крестьянства и купечества было достаточно значительным, а главные его заботы отличались разумной прагматичностью, направленностью на улучшение народного образования и санитарной части. В целом же деятельность земств Мещерский часто подвергал критике. Он приводил факты недобросовестности в расходовании земских средств, большой проблемой считал равнодушие знати к местным общественным делам. Общая же оценка земств сводилась к тому, что преимущественно оно было значимо как «способ, развязывающий руки» одному или двум честным и активным деятелям в разных уездах: «Пока земство в своих собраниях шумит и целые часы посвящает пустым прениям, в уездных управах, прикрытое уединением и скромною безызвестностью, одно лицо, дельное и добросовестное, работает практически и в пределах возможного трудится для благосостояния народного»⁴⁰.

Именно «народное благосостояние», как не раз подчеркивал Мещерский в письмах к наследнику престола, и следует считать самой главной и благородной целью реформ. Между тем именно непосредственная реальность, увиденная глазами чиновника, «кинкогнито и нежданно» навещающегося в различные уголки Российской империи, постоянно давала повод задуматься о причинах распространения «нищеты». «Вот эту-то великую тайну постичь, – писал он, – тайну, как узнавать, где народ бедствует и стонет, и как вовремя предупредить нищету, пытаюсь я с Божию помощью проникать, чтобы со временем плоды моего изучения принести Вам в дар»⁴¹. Среди причин, объясняющих, почему «целые деревни опустели и нищенствуют», Мещерский называл пьянство и сознательную финансовую политику «спаивания народа», участвовавшие после 1861 г. семейные разделы, недостаток образования и тяжесть платежей и податей. По данным Тверской губернии он произвел средний расчет доходов и расходов крестьянской семьи, который выглядел приблизительно следующим образом: при доходе около 50 рублей в год крестьянин платил до 14 рублей различных платежей и повинностей, но с учетом того, что ревизских душ было больше, чем наличных, сумма могла доходить до 20–25 рублей в год, и «пропивал умеренным пьянством» до 15 рублей в год⁴². Примечательно, что проблема крестьянской нищеты и «неплатежеспособности» попадала даже в поле зрения героя памфлета Мещерского, но «граф Эссентукский» полагал, что «дело не в том, как бы поменьше платить Карпу или Антону, а в том, как бы Карпа и Антона заставить непременно платить»⁴³. Если вспомнить предположение о скрытых намеках в сатире Мещерского на личность и взгляды М. Х. Рейтерна, то можно заключить, что в данном случае критике подвергалась позиция министерства финансов. (Нужно заметить, критике не вполне справедливой, так как Рейтерн в записках на имя Александра II поднимал вопрос о непосильности крестьянских

платежей⁴⁴) Мещерский считал необходимыми и безотлагательными две меры, направленные на решение проблемы: создание сельских крестьянских банков на особых финансовых условиях и повсеместное устройство школ.

Много внимания Мещерский уделял описанию жизни городов, и особенно деятельности купцов и владельцев фабрик. Он подробно рассказывал о выдающихся по уму, образованию, знанию своего дела, предприимчивости отдельных купцах и фабрикантах. Среди них, к примеру, купцы Владимирской губернии Василий Каретников, задумавшийся о социальных условиях рабочих на его предприятиях, организовавший строительство для них специальных жилых помещений, кухни, больницы, и Полушин, с энтузиазмом внедрявший технические изобретения и удивительно бескорыстно делившийся передовым опытом с другими фабрикантами⁴⁵. Но в целом они были, на взгляд Мещерского, исключением из правил, при том что купечество как таковое отличалось «грубостью первобытных нравов» и небрежением к общественной жизни. Так, описывая город Богородск, Мещерский, восхищенный «центром капиталов и фабрик», назвал его «русским Манчестером», но тут же задался вопросом: в чем «наш родной Манчестер отличается от заморского настоящего»? Ответ был на поверхности. Город расположен в 14 верстах от Москвы, а это расстояние представляет собой в плохую погоду непроходимые дороги. «Казалось бы, что стоило этим миллионерам-купцам провести 14 верст железной дороги?» – но «много пройдет времени, прежде чем общественные нужды... сольются под влиянием образования с их плотью и кровью»⁴⁶.

Нельзя не заметить парадоксальности того оптимизма в отношении общественной жизни и социального облика пореформенной России, который Мещерский желал бы не только сам испытывать, но и внушить великому князю Александру Александровичу. Он скорее относился к отдельным явлениям и личностям, нежели к системе и совокупности процессов социальной действительности или, можно сказать, к исключениям из правил. Впрочем, это не свойство мировоззрения Мещерского, а вполне естественный взгляд современника, наблюдавшего сложные процессы эпохи «вживания в реформу». Видимо, лично для Мещерского более острым был другой вопрос, о степени реального воздействия его путевых корреспонденций на наследника престола. Общий смысл российского травелога князя Мещерского был воспринят Александром Александровичем именно так, как того хотелось автору. В одном из ответных писем он признавался: «Ваше письмо последнее я читал с большим интересом, и то, что Вы говорите о наших министрах, совершенная правда. Это главный их недостаток, что они не знают нашей Матушки России. К сожалению, надо признаться, что я сам мало знаю Милую Родину, но по крайней мере стараюсь узнать и всегда счастлив, когда мне пишут или говорят о ней дельно»⁴⁷. Но

это было лишь общее суждение, которое не обязывало цесаревича к той степени ответной реакции на «проповедь у трона»⁴⁸, устроенную Мещерским, на которую тот рассчитывал. Как отмечают исследователи биографии Мещерского, к концу 1860-х гг. произошло ограничение его влияния на личность будущего императора, в чем во многом был виновен сам автор писем из служебных командировок по России. Они изобиловали излишне назойливыми нравоучениями, вызывавшими ответное раздражение. Пожалуй, самый показательный в этом отношении пассаж следующий: «Вы боитесь довериться кому бы то ни было, Вы слишком рассчитываете на собственные силы, Вы недостаточно измеряете все трудное Вашего положения и не вникаете в жизнь, окружающую Вас, которая с каждым днем становится тяжелее и сложнее по сцеплению всех событий, чрез которые проходит Россия и из которых выйти благополучно в то время, когда настанет День Вашего великого служения, Вы не будете в состоянии иначе, как опираясь на полное доверие к честным людям»⁴⁹. Впоследствии изменились и взгляды самого Мещерского, который более резко и однозначно стал оценивать либеральные реформы 1860-х гг., как и состояние общественной жизни России этого периода⁵⁰. В мемуарах, написанных на склоне жизни, о своей поездке по России в 1867–1868 гг. он упоминал вскользь, но, тем не менее, отмечал ее влияние на эволюцию своих политических убеждений («...вовсе не из предвзятых идей против либерализма, а именно вследствие моих поездок по разным уездам и губерниям России у меня восстановились первые, так сказать, зачатки недоверия к либерализму как убеждение. Оно бралось прямо из жизненных фактов»⁵¹).

Примечания

- ¹ Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- ² Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Мещерский В. П. Письма... С. 10. О биографии, взглядах и общественной деятельности В. П. Мещерского см.: *Леонов М. М.* В. П. Мещерский : русский консерватизм и правительственная политика в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000 ; *Черникова Н. В.* Князь Владимир Петрович Мещерский в общественной жизни России. Последняя треть XIX – начало XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001 ; *Карцов А. С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века (князь В. П. Мещерский). СПб., 2004.
- ³ См.: *Очерки нынешней общественной жизни в России.* Вып. 1. Письма из средних Велико-Российских губерний за 1867 год. СПб., 1868.
- ⁴ См., напр.: *Сорочан А.* Туда и обратно : новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое литературное обозре-

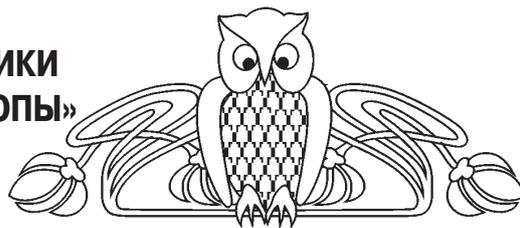

- ние. 2011. № 112; Тверь в записках путешественников XVI–XIX вв. / сост., вступит. ст., биограф. справки, подг. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь, 2012; *Лескинен М. В.* Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса // *Одиссей. Человек в истории. Путешествие как историко-культурный феномен.* 2009. М., 2010.
- 5 Выступление И. П. Кулаковой с докладом «XIX век: практики путешествий россиян по России как способ постижения страны в пространстве и во времени» состоялось на международной научной конференции, посвященной XIX в. как феномену культуры. Обзор конференции см.: *Файбышенко В.* Международная конференция «Наш XIX век. Феномен культуры и историческое понятие» // *Новое литературное обозрение.* 2011. № 112.
  - 6 *Эткинд А.* Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // *Мишель Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О. Хархордина.* СПб., 2001. С. 180.
  - 7 *Кавелин К. Д.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. СПб., 1898. С. 161.
  - 8 См.: *Нейгардт П. П.* Путешествие по Волге. СПб., 1862. Вып. 1–8; *Немирович-Данченко В. И.* По Волге. Очерки и впечатления летней поездки. СПб., 1877.
  - 9 См.: *Ведерников В. В.* В. Д. Скарятин: путешествие по Волге // *Из истории русской общественной мысли XVIII–XX веков: сб. науч. ст. К 70-летию проф. В. А. Китаева.* Н. Новгород, 2012.
  - 10 См.: *Победоносцев К. П., Бабст И. К.* Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864.
  - 11 *Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева.* 5-е изд., доп. М., 1901. С. 117.
  - 12 См.: *Мещерский В. П.* Россия под пером замечательного человека // *Русский вестник.* 1871. Т. 92. № 4.
  - 13 Там же. С. 551–552.
  - 14 Там же. С. 552.
  - 15 Там же. С. 606.
  - 16 *Мещерский В. П.* Письма... С. 563.
  - 17 *Мещерский В. П.* Россия под пером замечательного человека... С. 556.
  - 18 *Мещерский В. П.* Письма... С. 572.
  - 19 Там же. С. 223, 228, 247.
  - 20 Там же. С. 228.
  - 21 Там же. С. 354.
  - 22 Там же. С. 552.
  - 23 *Мещерский В. П.* Письма... С. 510.
  - 24 *Черникова Н. В.* Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие... С. 21–22.
  - 25 *Мещерский В. П.* Письма... С. 552.
  - 26 Там же. С. 561.
  - 27 Там же. С. 557.
  - 28 Там же. С. 574–575, 577.
  - 29 Там же. С. 600–601.
  - 30 Там же. С. 361.
  - 31 Там же. С. 212.
  - 32 Там же. С. 509.
  - 33 *Мещерский В. П.* Россия под пером замечательного человека... С. 608.
  - 34 *Мещерский В. П.* Письма... С. 325–326.
  - 35 Там же. С. 536–537.
  - 36 Там же. С. 239.
  - 37 Там же.
  - 38 Там же. С. 343.
  - 39 Там же.
  - 40 Там же. С. 376.
  - 41 Там же. С. 214.
  - 42 Там же. С. 225–226.
  - 43 *Мещерский В. П.* Россия под пером замечательного человека... С. 565.
  - 44 См., напр.: *Захарова Л. Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 673–674.
  - 45 См.: *Мещерский В. П.* Письма... С. 314–315.
  - 46 Там же. С. 281.
  - 47 *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу... Примечания. С. 671.
  - 48 Термин, употребляемый историком С. С. Секиринским. См.: *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX– начало XX века). М., 1995. С. 92; см. также: *Кочукова О. В.* «Проповедь у трона»: программа и практика диалога «просвещенного меньшинства» с властью в 50-е гг. XIX в. (на примере взглядов и деятельности К. Д. Кавелина) // *Освободительное движение.* Вып. 22. Саратов, 2007.
  - 49 *Мещерский В. П.* Письма... С. 218.
  - 50 Подробнее см.: *Кочукова О. В.* «Либеральные бюрократы» и дворянство в реформе 1861 года: взгляд современника // *Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения.* 2007. Т. 7, вып. 1. С. 24–27.
  - 51 См.: *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 260.

УДК 94 (47). 081/083

ОБЗОРЫ МАТЕРИАЛОВ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» И «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

С. В. Лёвин

Саратовский государственный университет
Балашовский институт
E-mail: Serg.Lewin@yandex.ru

С начала 1880-х гг. на страницах периодических изданий появляются аналитические обзоры материалов и результатов земских статистических работ. Их авторами были как сами земские статистики, так и экономисты, агрономы, публицисты. Большое количество обзоров и статей помещали на своих страницах «Вестник Европы» и «Русское богатство». В статье рассматриваются публикации, посвящённые вопросам земской статистики, которые печатались в этих журналах.

Ключевые слова: губерния, журнал, земские статистики, обзоры, статистические работы.

**Reviews of the Materials of Zemstvo Statistics
on the Pages of the Magazines «Vestnik Yevropy»
and «Russkoye Bogatstvo»**

S. V. Lyovin

Since the early 1880-s on the pages of periodical magazines there appeared analytical reviews of materials and results of zemstvo statistical work. Their authors were both zemstvo statisticians themselves and economists, agronomists, publicists. A great number of reviews and papers were published by «Vestnik Yevropy» and «Russkoye bogatstvo». The paper deals with publications dedicated to issues of zemstvo statistics which were published in those magazines.

Key words: gubernia, magazine, zemstvo statisticians, reviews, statistical work.

Первые результаты земских статистических работ, которые начали проводиться в земских губерниях в конце 1870-х – начале 1880-х гг., вызвали живой интерес в обществе. Аналитические обзоры земских статистических изданий, а также статьи самих земских статистиков, написанные на основе собранного и обработанного ими материала, появляются на страницах отечественных периодических изданий уже в начале 1880-х гг. Большое количество таких публикаций печаталось в общественно-политических журналах «Вестник Европы» и «Русское богатство». Начало им было положено обзорами земских статистических изданий, предпринятых одним из идеологов либерального народничества, экономистом и публицистом В. П. Воронцовым. В своих обзорах он охарактеризовал программы статистических исследований, методы и приёмы сбора первичных данных, их обработки и построения статистических таблиц.

В. П. Воронцов детально изучил две основных программы – московскую и черниговскую, по

которым в 1880-е гг. проводились статистические работы. Первая программа во главу угла ставила изучение социально-экономического положения крестьянских хозяйств, вторая приоритетным направлением статистических исследований считала определение доходности земель сельскохозяйственного назначения с целью их равномерного обложения земскими налогами. По образному выражению экономиста, профессора статистики Ю. Э. Янсона, «у черниговских статистиков главным предметом исследования явилась земля, у московских – люди, обрабатывающие землю»¹. В. П. Воронцов констатировал, что большинство земских статистиков работали по московской программе, хотя, по его мнению, для практических нужд земства больше подходила черниговская программа. В то же время автор отмечал широкие возможности для изменения, совершенствования, заложенные в московской программе. «Исследование крестьянского хозяйства по типу московского земского статистического бюро есть явление новое, постоянно развивающееся; поэтому программа и способ исследования, а также группировка и разработка собранного материала в различных земских комитетах не представляются совершенно однородными, о чём до известной степени можно судить, сравнивая экономические таблицы сборников статистических сведений по различным губерниям»². В конечном итоге он пришёл к выводу о целесообразности объединения обеих программ. «Очевидно, что рассматриваемые типы исследования, – писал В. П. Воронцов в одной из своих статей, опубликованной в журнале «Русская мысль», – представляют не два отдельных предмета, а две стороны одного; что идеальная система изучения даже хозяйственной деятельности населения, а тем более производства, купно с потреблением народа, должна пользоваться программами и черниговской, и московской статистики, должна слить приёмы исследования той и другой в одно гармоничное целое. Тогда будет достигнуто подробное и точное изучение настоящего экономического положения страны и выработаны правильные основания для обложения земли налогом»³.

В этом взгляды В. П. Воронцова совпадали с мнением ряда земских статистиков, также считавших необходимым объединение двух программ. Видный земский статистик А. Ф. Фортунатов утверждал, что «с научной точки зрения никакого различия между московской и черниговской ста-

тистикой не замечается»⁴. Уфимский статистик Н. О. Осипов полагал, что различие между двумя типами земско-статистических исследований состоит лишь в объёме работ, у московского земства он больше. Это, по его мнению, и составляло главную отличительную черту московской программы⁵.

Наряду с программами земских статистических исследований В. П. Воронцов рассмотрел в своих обзорах способы сбора данных на местах. В начале 1880-х гг. в земской статистике оформились следующие два способа получения первичной информации: анкетный и экспедиционный. Первый предполагал получение необходимых сведений путём рассылки в уездное и волостные правления так называемых «опросных листов», т. е. анкет, которые заполнялись волостными и уездными чиновниками и отправлялись в губернскую земскую управу. Достоверность и полнота полученных таким образом сведений оставляла желать лучшего. Поэтому большинство земских статистических отделов взяли на вооружение экспедиционный способ, при котором статистики сами выезжали на место и путём устного опроса крестьян на сельском сходе собирали требуемый материал. В. П. Воронцов выделил такие несомненные достоинства данного способа, как скорость сбора данных, их полноту и достоверность. Вместе с тем он обратил внимание и на его недостатки: большой объём работ и наличие незначительных сил для выполнения и значительные финансовые затраты. Но эти недостатки, по мнению В. П. Воронцова, не носили принципиального характера.

Много внимания уделил В. П. Воронцов предмету изучения земской статистики. Первоначально в большинстве губерний, особенно земледельческих, предметом исследования со стороны земских статистиков выступала крестьянская община, которая рассматривалась ими как исторически сложившаяся территориально-хозяйственная единица. «Имея дело с местностью Великороссии, исследователь тем самым получал и единицу, к которой удобно приурочить собираемый материал. Община – не искусственное целое, подобно деревне, а естественный союз по земле, т. е. по важнейшему хозяйственному фактору...», – так объяснял В. П. Воронцов выбор земскими статистиками в качестве предмета исследования крестьянской общины⁶.

Однако изучение социально-экономического положения целой общины не давало достоверных и полных данных об экономическом состоянии отдельного крестьянского двора, входившего в общину. В. П. Воронцов одним из первых отметил это: «Впрочем и великороссийские статистики скоро поняли необходимость разрабатывать данные о землевладении дворов, а не общин. Выводы, к каким приходили исследователи, оперируя над теми и другими цифрами, оказывались далеко не сходными, а иногда и прямо противоположными»⁷. Позже В. П. Воронцов обратил внимание и на неудобство систематиза-

ции статистических данных по общинам. «Группировка собранного материала по деревням или общинам, без дальнейшего расчленения его по дворам, – писал он, – имеет сравнительно мало не только научного, но и практического значения»⁸. Кроме того, В. П. Воронцов отметил социальную дифференциацию крестьянской общины, что, по его мнению, также представляет трудность при изучении её социально-экономического положения. «Важность оперирования над дворами, а не общинами, объясняется тем, что в пореформенное время община потеряла свой первоначальный характер однородности; она распалась на группы дворов, обладающих весьма различной степенью экономической состоятельности. И главный интерес явлений народной жизни заключается именно в истории и судьбе этого расчленения общины, о чём, однако, жизнь последней в её целом не даёт ясного понятия», – заключал В. П. Воронцов⁹. Его вывод о «имущественной неоднородности» общины позднее повторил В. И. Ленин. «Первоначально, – писал он, – земская статистика ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро, однако, заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли подворные переписи – это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономического положения крестьян»¹⁰.

Детальному анализу В. П. Воронцов в своих обзорах подверг критерии группировки цифрового материала и сведения его в таблицы. В земской статистике в 1880-е гг. сложились два приёма группировки статистических данных по крестьянским хозяйствам – комбинационный и групповой. При составлении комбинационных и групповых таблиц неизбежно возникал вопрос выбора признаков, по которым следовало группировать собранный материал. Среди земских статистиков данный вопрос вызывал оживлённые споры, но большинство считали, что в основе группировки крестьянских хозяйств должен лежать земельный надел. Такого же мнения придерживался и В. П. Воронцов. «Земля, – писал он, – составляет важнейший фактор экономической деятельности земледельческого населения, и потому естественно, если все комбинационные таблицы начинают сочетание именно с этого признака»¹¹. Вместе с тем В. П. Воронцов утверждал, что для разных в хозяйственном отношении губерний выделить общие основания группировки крестьянских хозяйств практически невозможно, поскольку для каждой губернии главным будет признак, наиболее полно отражающий профиль хозяйственной специализации региона.

В своих обзорах В. П. Воронцов высказал ряд ценных замечаний и предложений, которые учитывались земскими статистиками в их практической работе.

Несколько иной характер носит его обзор земских статистических работ, предпринятый в

1901 г.¹² Автор рассмотрел итоги земских статистических исследований крестьянских хозяйств, осуществлённых в 1880–1890-х гг., а также первые результаты оценочных работ, которые начали проводиться в земских губерниях согласно закону от 8 июня 1893 г., обязавшего земства провести оценку земель сельскохозяйственного назначения, лесных угодий, городской и сельской недвижимости. При этом В. П. Воронцов осветил вопросы, ранее не рассматривавшиеся в его обзорах: отношение к земской статистике правительства, губернских администраций, земских гласных. Он обратил внимание на конфликтные ситуации, сложившиеся в некоторых земствах вокруг статистики, и пришёл к выводу, что они были вызваны недоверием со стороны ряда земских гласных к данным статистики и неумением пользоваться ими.

Справедливости ради необходимо заметить, что первым эти вопросы на страницах «Вестника Европы» рассмотрел земский статистик и публицист Н. А. Благовещенский. Изучая социально-экономическое положение крестьянских хозяйств по данным земской статистики, он, в частности, затронул и проблему отрицательного отношения к земской статистике чиновников губернской администрации и ряда земских гласных. «Земская статистика, – писал он, – испытала на себе все превратности, с которыми вообще приходится иметь дело земским учреждениям. Её заподозривала и ограничивала администрация; против неё открывались походы в самих земских собраниях; статистические работы обрекались на сожжение, статистические бюро то закрывались, то открывались вновь; в земских статистиках одни видели пионеров нового метода, одинаково важного и в научном, и в практическом отношении, другие – опасных агитаторов, которых не следует допускать в деревню»¹³. Правда, сам автор не назвал причины негативного отношения к земской статистике со стороны губернской администрации и земских гласных.

Итак, одну группу публикаций в журнале составляли обзоры земских статистических исследований, в основном их методологии. Сюда же, с определённой долей условности, можно отнести и статью Н. А. Благовещенского. Другая группа публикаций, относящихся к земской статистике, представлена статьями как самих статистиков, так и экономистов, публицистов, написанных на основе материалов земских статистических исследований. Среди них своей основательностью и широкой источниковой базой выделяются работы земских статистиков И. В. Анисимова, Н. А. Благовещенского. Предметом их исследования стала крестьянская община.

Основываясь на материалах земской статистики, они изучили её экономическое состояние, отметив, что община разлагается под воздействием проникающих в неё капиталистических отношений. В то же время авторы констатировали «живучесть и эластичность» крестьянской общины. По глубоко-

му убеждению И. В. Анисимова, общинная форма землевладения в обозримом будущем останется преобладающей, поскольку полностью отвечает «принципам равенства и справедливости вообще и воззрениям его (крестьянства. – С. Л.) на землю в частности»¹⁴. В этом с ним соглашались многие его коллеги-статистики. Так, В. С. Пругавин, проводя экономико-статистические обследования крестьянских хозяйств Среднего и Нижнего Поволжья, пришёл к выводу, что в этом регионе община «отличается чрезвычайной живучестью; она поддерживается здесь всем хозяйственным складом крестьянской жизни и имеет вполне обеспеченное будущее»¹⁵. «Статистические исследования земств многих губерний общинной России, – писал саратовский статистик Л. С. Личков, – показали, что мужик только потому и держится именно общинной формы землевладения, что она для него – форма выгодная в материальном отношении, что она для него лучший оплот от быстрого обезземеления и обнищания»¹⁶. «Общинное владение землёй отвечает всем хозяйственным и бытовым условиям жизни у нас», – делал категоричный вывод московский статистик и экономист Н. А. Каблуков¹⁷. Напротив, Н. А. Благовещенский полагал, что крестьянская община не сможет в новых капиталистических условиях успешно функционировать как единый хозяйственный организм; она неизбежно разрушится¹⁸.

По мнению земских статистиков, социальное расслоение общины таило в себе серьёзную угрозу общественной безопасности. И. В. Анисимов полагал, что с увеличением численности наёмных работников, которыми становились продавшие свои земельные участки крестьяне-общинники, «растут и те беспокойные элементы, которые обыкновенно являются впоследствии предметом стольких забот и тревог для правительства и общества»¹⁹. «Правительство и общество, – вторил И. В. Анисимову статистик Л. С. Личков, – непременно должны заботиться о поддержании общины, так как община представляет одну из важнейших гарантий против “беспокойных” общественных элементов, препятствующих мирному развитию общества»²⁰.

Большую статью о достижениях земской статистики поместил в «Вестнике Европы» земский статистик Д. И. Рихтер. Он рассмотрел причины и суть конфликтов, происходивших между земскими статистиками и местными властями, а также между статистиками и земскими гласными. По мнению автора, губернские администрации чинили препятствия статистикам в их работе потому, что видели в них «опасных агитаторов», использовавших разъезды по деревням и сёлам не столько для исследования социально-экономического положения крестьянского хозяйства, сколько с целью ведения среди крестьян революционной пропаганды.

22 декабря 1886 г. всем губернаторам земских губерний за подписью министра внутренних дел

Д. Н. Толстого был разослан секретный циркуляр, в котором, в частности, говорилось: «Имея в виду, что соби́рание статистических сведений сопряжено с частыми разъездами по сёлам, заводам и фабрикам и ставит собирающих сведения в непосредственные, вне всякого контроля, сношения с сельским и фабричным населением, представляется существенно важным, чтобы лица политически неблагонадёжные не допускались к занятиям земскою статистикою, а находившиеся уже на службе были отстранены от этих занятий»²¹. Как справедливо заметил Б. Б. Веселовский, земский статистик являлся для правительства «синонимом неблагонадёжного лица»²².

Д. И. Рихтер, защищая своих коллег от необоснованных обвинений и нападок, писал: «Обвинения земских статистиков в том, что параллельно с исследованиями они ведут какую-то другую работу, не может иметь места при условиях, которыми обставлена сама работа. Земские статистики обыкновенно являются на исследования с определённой утверждённой программой, заполнить которую им необходимо, притом спешно, так как растягивать исследования не позволяют ни время, ни наши климатические и сельскохозяйственные условия. Да и самый опрос населения обыкновенно производится на сходе, где всякое слово становится достоянием всех присутствующих, а следовательно, и общеизвестным. Притом время дорого: во-первых, – требуется произвести исследование возможно одновременно по всей описываемой территории и, во-вторых, – его необходимо окончить в течение нашего короткого лета, которое притом раскалывается страдною порою на части, а во время страды всё сельское население настолько отвлечено спешными работами, что исследователю приходится приостановить своё дело в деревне. <...>. При такой лихорадочно-спешной работе, времени и настроения для какого-либо другого занятия быть не может»²³. «Чтобы земские исследователи где-либо занимались пропагандой антиправительственных идей, насколько известно, обнаружено не было: если же и бывали такие случаи, то как явление исключительное», – категорично заявлял Д. И. Рихтер²⁴.

На страницах журнала «Русское богатство» обзоры земских статистических работ и их результатов не печатались; помещались только статьи, посвящённые различным актуальным проблемам земской статистики. Наиболее значимыми представляются публикации Д. И. Рихтера и А. В. Пешехонова. Д. И. Рихтер высоко оценил деятельность подсекции статистики на состоявшемся в Москве в 1894 г. IX съезде русских естествоиспытателей и врачей, выразив при этом сожаление, что земские статистики не имеют возможности регулярно собираться для обсуждения своих насущных проблем. Он также дал краткий очерк истории земской статистики, акцентировав внимание на её достижения в деле изучения социально-экономического положения

крестьянских хозяйств. «Подобного детального, охватывающего такую громадную населённую территорию, обследования хозяйственной жизни народа, кроме русской земской статистики, не дало ни одно учреждение, ни одна страна. Россия поистине может гордиться этим трудом», – возторгался Д. И. Рихтер, анализируя результаты земских статистических исследований²⁵.

А. В. Пешехонов посвятил свою статью отношению к данным земской статистики и к самим земским статистикам со стороны правительственных чиновников, губернских администраций, земских гласных. По его мнению, к статистике отрицательно относились те земские гласные, которые не пользовались её данными и считали финансовые затраты на неё напрасными. Негативно к земской статистике относились и крупные землевладельцы, старавшиеся скрыть часть своих доходов от земского налогообложения. Правительство по-прежнему видело в земских статистиках «революционных агитаторов». А. В. Пешехонов объяснял это тем, что работы земских статистиков имели большое значение для определения экономического состояния крестьянских хозяйств, являвшихся основой производительных сил страны. Кроме того, земские статистики хотя и представляли собой численно небольшую группу земских служащих, оказывали, в силу специфики своей работы, определённое влияние на «общий ход земской жизни». «Земские статистики, – указывал А. В. Пешехонов, – представляют из себя одну из видных и типичных групп земской интеллигенции. Обвинения во влиянии на общий ход земского дела к ним предъявляются чаще, чем к какой-либо другой категории земских служащих. <...>. И надо признать, что роль их в земской жизни не исчерпывается выполнением специальных функций. Отчасти благодаря своему составу, обеспечивающему сознательное и отзывчивое отношение с их стороны к земскому делу, отчасти благодаря самой профессии, дающей им систематическое знание местных нужд и условий, земско-статистические бюро успели занять выдающееся положение среди других земских органов»²⁶.

Влияние земских статистиков на общественную жизнь губернии отмечали и представители губернских администраций. Так, симбирский предводитель дворянства В. А. Оболенский на открытии губернского земского собрания 1897 г. прямо заявил: «Самое большое наше зло – это статистика и статистики, с которыми мы не можем бороться»²⁷. Самарский губернатор В. Г. Кондоиди, открывая XXXV очередное губернское собрание 11 января 1900 г., назвав земских служащих «третьим элементом», в частности, сказал: «За последнее время всё более и более усматривается в местной жизни участие нового третьего элемента»²⁸.

Несомненным достоинством статьи А. В. Пешехонова является обстоятельная характеристика категорий служащих земских статистических от-

делов – регистраторов, счётчиков, заведующих. При этом автор подчёркивал, что основная нагрузка по сбору и обработке материала лежит именно на заведующих, которым, по словам руководителя черниговского земского статистического отдела А. А. Руссова, часто приходилось «и бланки формуляров самим составлять, и корректировать их в печати, и заполнять их, и первоначальные рабочие и сводные таблицы чертить и печатать, и критиковать материал, самими же ими собранный, и группировать его, и, наконец, делать выводы и писать пояснительный текст к полученным таблицам»²⁹.

Как видим, в своих обзорах Д. И. Рихтер и А. В. Пешехонов затрагивали актуальные вопросы не только земской статистики, но и «земской жизни» в целом.

Обзоры земских статистических исследований, анализ их результатов, публиковавшихся на страницах «Вестника Европы», и аналитические статьи, которые печатались в «Русском богатстве», знакомили широкую читающую аудиторию с земской статистикой и способствовали её популяризации. Они также представляют интерес и для современных исследователей русской экономической мысли и социально-экономической истории пореформенной России.

Примечания

- 1 Янсон Ю. Э. Теория статистики. СПб., 1887. С. 163.
- 2 В.В. [Воронцов В. П.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1885. Кн. 7. С. 357.
- 3 В.В. [Воронцов В. П.] Научный обзор : Земская статистика // Русская мысль. 1888. Кн. 6. С. 152.
- 4 Фортунатов А. Ф. Сельскохозяйственная статистика в России // Труды Вольного экономического общества. 1886. Т. 1. С. 325.
- 5 Осипов Н. О. Об организации земской статистики // Труды Вольного экономического общества. 1886. Т. 3. С. 301.
- 6 Русская мысль. 1888. Кн. 6. С. 154.
- 7 В. В. [Воронцов В. П.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. Кн. 8. С. 848.
- 8 Там же. С. 870.
- 9 Вестник Европы. 1885. Кн. 7. С. 377.
- 10 Ленин В. И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. С. 9.
- 11 Вестник Европы. 1886. Кн. 8. С. 869.
- 12 В. В. [Воронцов В. П.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1901. Кн. 8. С. 779–807.
- 13 [Благовещенский Н. А.] Из общественной хроники // Вестник Европы. 1898. Кн. 3. С. 439.
- 14 Анисимов И. В. Разложение нашей земельной общины // Вестник Европы. 1885. Кн. 1. С. 116.
- 15 Пругавин В. С. Сельская земельная община в Поволжском крае // Юридический вестник. 1885. Т. XIX, кн. 1. С. 91.
- 16 Личков Л. С. К вопросу о разложении поземельной общины // Юридический вестник. 1886. Т. XXI, кн. 4. С. 722.
- 17 Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России : Очерки по экономии землевладения и земледелия. М., 1907. С. 180.
- 18 Благовещенский Н. А. Внутреннее обозрение : Крестьянское население земской России // Вестник Европы. 1894. Кн. 8. С. 845–846.
- 19 Анисимов И. В. Указ. соч. С. 158.
- 20 Личков Л. С. Указ. соч. С. 725.
- 21 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 82. 1886 г. Д. 761. Л. 15.
- 22 Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. III. С. 471.
- 23 Рихтер Д. И. Земская статистика и её работы // Вестник Европы. 1904. Кн. 7. С. 331–332.
- 24 Там же. С. 332.
- 25 Рихтер Д. И. Земская статистика на празднике русской науки // Русское богатство. 1894. № 3. С. 38.
- 26 Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике // Русское богатство. 1901. № 12. С. 185.
- 27 Цит. по: Писаренко Э. Е. От земского статистика до председателя Совнаркома // Вестник статистики. 1970. № 12. С. 32.
- 28 Речь г. управляющего губернией // Самарская газета. 13.01.1900. № 9. С. 2.
- 29 Руссов А. А. О желательной организации земской статистики // Труды подсекции статистики IX съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве 3–11 января 1894 г. М., 1895. С. 118.

УДК 94/99

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В СССР В 1954–1964 ГОДАХ (на материалах Курской области)

Д. Ю. Макарова

Курский государственный университет
E-mail: veter-s-gor@yandex.ru

Статья ставит своей целью исследовать особенности антирелигиозной пропаганды в Курском крае при Н. С. Хрущеве. Использование разнообразного архивного материала позволяет раскрыть основные направления научно-атеистического воспитания населения области, рассмотреть отражение общесоюзных процессов на ситуации в данной сфере в Курской области, оценить результаты антицерковной деятельности властей.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Курско-Белгородская епархия, научно-атеистическая пропаганда, религиозная политика, гражданские обряды.

Atheistic Propaganda in the USSR in 1954–1964 (on the Materials of the Kursk Region)

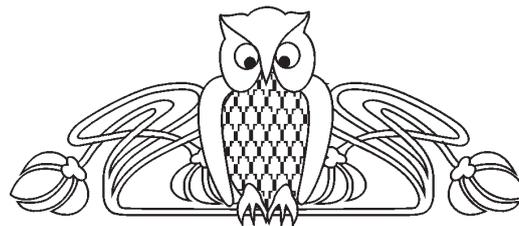
D. Y. Makarova

The article has the goal to investigate peculiarities of the anti-religious propaganda in the Kursk land during N. S. Khrushchev was the general secretary of the Soviet Union. The use of various archives' information allows discovering main directions of scientific-atheistic education of local population, considering reflection of the whole-union processes on the situation in the Kursk region, estimating results of anti-church soviet power's activity.

Key words: Russian Orthodox Church, Kursk-Belgorod Diocese, scientific-atheistic propaganda, religious policy, civil ceremonies.

Период «хрущевской оттепели» справедливо рассматривается историками как время, когда в Советском государстве была сделана последняя попытка в короткий срок и окончательно ликвидировать религию как социальное явление. Поскольку большинство верующих граждан страны были православными, наибольшим нападкам подверглась Русская православная церковь (РПЦ). Хрущевские гонения выразились в закрытии церквей и молитвенных домов, духовных учебных заведений, в ослаблении материально-финансовой базы церкви, активизации научно-атеистической пропаганды.

Прежде чем анализировать состояние антирелигиозной пропаганды в Курской области, необходимо рассмотреть положение Церкви, против которой большей частью и велась эта пропаганда. Отличительной особенностью Курско-Белгородской епархии являлось большое количество действующих храмов и молитвенных домов (их числилось 155 на конец 1954 г.). Данная ситуация была обусловлена оккупацией территории области немецко-фашистскими войсками с осени 1941 г.

по осень 1943 г. Как известно, гитлеровская политика на захваченных территориях включала в себя активную религиозную пропаганду, открытие церквей. Немецкое командование рассчитывало на поддержку РПЦ в борьбе против советской власти.

Кроме того, высокая религиозность в Курской области сохранялась благодаря ежегодно проводимому в девятую пятницу, после Пасхи, крестному ходу из Курска в Коренную Рождества Богородицы пустынь в Свободинском районе Курской области (ранее там действовал мужской монастырь, теперь же его территорию занимала школа механизации сельского хозяйства). 25 сентября верующие участвовали во втором, менее масштабном крестном ходе из пустыни в Курск. До революции шествие возглавляла икона Богородицы «Знамение» Курская Коренная, однако в 1920-х гг. она была вывезена за рубеж, и в конце Великой Отечественной войны паломничество возродилось уже без иконы. Подчиняясь советскому законодательству о религии, духовенство в ходах не участвовало, однако праздничные дни отмечались торжественными службами в храмах, а участников крестного хода встречали колокольным звоном.

Надо отметить, что летнее шествие было весьма многочисленным и наибольшего размаха достигло именно при Хрущеве. Так, в 1955 и 1956 гг. на общий молитвенный подвиг собиралось не менее 20 тысяч верующих¹. Возможно, такая религиозная активность, после смерти И. В. Сталина, отражала надежды людей на смягчение религиозной политики советского руководства.

В области сохранялся высокий процент церковной обрядности. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Курской области П. Л. Володин, характеризуя положение и деятельность Церкви, приводил следующие данные. В Курске в 1956 г. было окрещено 43% от числа зарегистрированных в органах ЗАГСа младенцев, обряд погребения совершен над 30% умерших. В Обояни эти показатели составили 111% и 175% соответственно, в Фатеже – 637% и 143%²! Конечно, последние цифры появились потому, что в районных центрах могли крестить и отпевать людей верующие со всего района и даже из соседних районов, лишенных храмов.

Можно отметить большую посещаемость церквей в праздники: на Пасху 1955 и 1956 гг. в девяти храмах Курска присутствовало на служ-

бах 20 и более тысяч человек, на Рождество – 8–8,5 тысяч³. Среди молящихся всегда была молодежь, дети школьного возраста, представители интеллигенции (хотя надо сказать, что основную массу прихожан составляли все же люди пожилые и малообразованные). Таким образом, высокий уровень религиозности жителей Курской области со временем не мог не привлечь внимания советских властей и создавал простор для атеистической работы.

Первый виток наступления на религию пришелся на 1954 г. По указанию Н. С. Хрущева М. А. Суслов, Д. Т. Шепилов и А. Н. Шелепин подготовили Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», которое было принято 7 июля 1954 г.⁴ Постановление повлекло за собой широкую антирелигиозную кампанию в центральной и региональной прессе. Так, в газете «Курская правда» за август 1954 г. появилось около десяти статей атеистической направленности, некоторые из них были посвящены научной проблематике, научному опровержению религиозного мировоззрения. Поднимались проблемы атеистического воспитания, религиозной активности населения. В частности, подверглось осуждению празднование престольных праздников, которое было широко распространено по области и сопровождалось массовым невыходом на сельскохозяйственные работы. Например, в понедельник 12 июля 1954 г., в день святых апостолов Петра и Павла, в колхозе им. Маленкова Медвенского района остановились работы на полях⁵. В праздник Успения Пресвятой Богородицы (28 августа) в одном из колхозов Ленинского района два дня стояли четыре трактора⁶. Подобные случаи, на которые еще недавно местные власти смотрели сквозь пальцы, теперь влекли за собой привлечение к ответственности руководителей коллективных хозяйств. Критика обрушилась и на крестный ход в Коренную пустынь. Еще до принятия постановления курские власти решил проявить бдительность и 2 июля провели совещание по вопросу усиления пропаганды естественно-научных знаний, на котором обсуждалось паломничество. Выступающие отмечали участие в ходе молодых людей, особенно девушек, слаженные действия организаторов шествия и монахов, готовность верующих жертвовать на ремонт храмов⁷. Паломничество все же просуществовало еще несколько лет вплоть до следующей хрущевской атаки на религию и Церковь и продолжало собирать тысячи людей.

В сентябре 1954 г. областное лекционное бюро управления культуры и областное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний «Знание» провели областной трехдневный семинар руководителей районных лекторских групп, сельских объединений лекторов, лекторов-общественников и лекторов-членов общества «Знание». Всего при-

существовало 215 человек. В числе докладчиков были преподаватели медицинских и педагогических институтов с лекциями о вреде «религиозных суеверий и предрассудков» и борьбе с ними⁸.

Позже на IV пленуме Курского областного комитета КПСС также обсуждалась проблема массово-политической работы и научно-атеистической пропаганды. Как выяснилось из доклада секретаря Курского обкома Т. И. Архиповой, «некоторые сельские клубы до сих пор не используются по назначению, засыпаются зерном»⁹. Нередки «такие позорные явления, когда отдельные коммунисты и представители интеллигенции соблюдают религиозные обряды и праздники, имеют в квартирах иконы и т. п.»¹⁰. Пленум принял решение более активно заняться распространением материалистических и научных знаний среди населения, улучшить культурно-просветительную работу для отвлечения внимания людей от церкви.

Однако атеистическое наступление вскоре было приостановлено на высшем уровне по ряду причин, в числе которых большую роль играло отношение западных государств к религиозной политике в СССР. Н. С. Хрущев был заинтересован в смягчении «холодной войны», поэтому он свернул антицерковную кампанию, и 10 ноября 1954 г. ЦК КПСС принял новое постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»¹¹. Ссылаясь на «грубые ошибки на местах», постановление в какой-то степени устраняло перекосы июльского, но это не означало полного прекращения антирелигиозной пропаганды. Хрущев искренне верил в необходимость и успешность насильственного внедрения атеизма в массовое сознание, в связи с чем весь период его пребывания у власти для Русской православной церкви оказался тяжелым испытанием.

Ноябрьское постановление активно обсуждалось на местах. 12 ноября в колхозах, МТС, учреждениях и предприятиях Курска и области было проведено 20 собраний рабочих и служащих. Докладчики одобрили принятие нового постановления, отметив слабость научно-атеистической пропаганды¹². Отклики граждан, среди которых присутствовали священнослужители Русской православной церкви, были опубликованы в газете «Курская правда». В частности, настоятель Михайловской церкви г. Курска и благочинный Курских церквей протоиерей Иванов говорил о нарастании в народе враждебности по отношению к духовенству и церкви после принятия июльского постановления и последовавшей за ним активизации агрессивной атеистической пропаганды: «...было очень неприятно читать, как поносят священников в газетах... по поводу чего и верующие тоже сокрушались. Нас огорчали и такие факты: до появления статей и фельетонов в газетах дети школьного возраста всегда при встрече с нами здоровались, а последнее время стали проявлять известную враждебность, не

здороваться, и однажды в меня мальчик даже бросил камнем»¹³. Таким образом, постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» должно было приостановить антирелигиозный натиск, так как, по словам секретаря епископа П. С. Ратушняка, оно «ориентирует на научную пропаганду»,¹⁴ а не на бестолковое и грубое высмеивание духовенства и православной церкви. Местные власти и уполномоченные Совета по делам РПЦ, корректируя взаимоотношения религиозных объединений и представителей светских организаций, часто ссылались именно на ноябрьское постановление. После его выхода областное лекционное бюро провело ряд мероприятий, направленных на разъяснение этого законодательного акта. В частности, для чтения лекций и оказания помощи в постановке научно-атеистической пропаганды в районы были направлены группы лекторов и инспекторов, лекторам были высланы материалы к докладам, диафильмы. Вследствие вышеприведенных мер за первое полугодие 1955 г. по области лекторами-общественниками было прочитано свыше 3,5 тыс. лекций на естественно-научные и атеистические темы¹⁵.

В антирелигиозной работе крайне важным считалась всегда пропаганда атеистического мировоззрения среди молодежи и детей, в том числе в школах. Постановления 1954 г. заставили курские власти обратить внимание на этот аспект пропагандистской деятельности. Сразу же были обнаружены недостатки: воспитательная работа велась недостаточно сильно, и часты были случаи пропуска детьми уроков из-за участия в праздничных службах или крестном ходе. В связи с этим в газете «Курская правда» отмечалось, что «долг родителей помогать школе в проведении воспитания детей в семье, в соответствии с нашими целями воспитания, в частности, в отношении привития детям непримиримого отношения к религии, к религиозным предрассудкам и суевериям»¹⁶.

После начавшейся было атаки на религию наступило временное замирение, и период с 1955 по 1957 г. считается достаточно благоприятным в жизни православной церкви. Хрущев был заинтересован в использовании международных связей Московской патриархии, к тому же внутри правящей партии на тот момент шло соперничество между сторонниками смягчения и ужесточения церковной политики. Последние взяли верх к 1958 г. В середине же 1950-х гг. государственно-церковные отношения стабилизировались, ускорился процесс освобождения духовенства из тюрем и лагерей, в 1956 г. после длительного перерыва была издана Библия (правда, тираж в 50 тыс. экземпляров не удовлетворял потребности верующего населения)¹⁷.

В докладной записке о результатах проверки состояния научно-атеистической и естественно-научной пропаганды в Курске говорилось о значительном ослаблении работы в этом на-

правлении за 1955 г. Посещаемость лекций была невысокой – всего 30–40 человек, хотя в воинских частях и лекториях перед показом кинокартины собиралось до 100–150 слушателей. Среди недостатков лекций отмечались их низкое качество, узкий круг рассматриваемых вопросов (всего 5–6 неизменных тем), плохой уровень подготовки лекторов¹⁸. В отчете за первое полугодие 1956 г. П. Л. Володин отметил: «Естественно-научная и антирелигиозная пропаганда ограничивается лекциями и носит случайный характер»¹⁹.

Ослабление антирелигиозной пропаганды стало одной из причин всплеска интереса к церкви среди населения СССР в середине 1950-х гг., что нашло свое отражение и в Курской области. По словам П. Л. Володина, его личные наблюдения, а также оценки некоторых благочинных и местных советских работников показали, что в указанный период возросло число посещающих церковные службы на Пасху и другие большие праздники, больше людей стали соблюдать Великий пост. Вследствие этого укрепилось финансовое положение Курско-Белгородской епархии. Хотя, как следует из данной справки, «рост церковных доходов как самим духовенством, так и местными райисполкомами объясняется в первую очередь и главным образом ростом материального благополучия населения»²⁰.

Одним из постоянных и необходимых аспектов научно-атеистической работы являлось изучение миссионерской деятельности церкви. Председатель Совета Г. Г. Карпов в докладной записке заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В. П. Московскому в ноябре 1957 г. отмечал значительную активизацию деятельности православного духовенства, которое усилило «проповедническую деятельность и индивидуальную работу среди верующих»²¹. Особое внимание священнослужители обратили на молодежь. По словам Карпова, «наибольшую активность проявляет молодое духовенство... Одной из особенностей в деятельности духовенства последних лет является приспособленчество к запросам верующих, угодничество перед ними, вежливость в обращении, терпеливое реагирование на замечания верующих и безотказное исполнение треб на дому...»²² Вместе с тем состояние проповеднической деятельности клириков Курско-Белгородской епархии оставляло желать лучшего. Поскольку большинство священнослужителей являлись сельскими жителями, т. е. имели невысокий уровень грамотности, проповеди они произносили редко, большинство не говорили их совсем, в лучшем случае ограничиваясь зачитыванием праздничных посланий патриарха и правящего архиерея на Рождество и Пасху. Благочинный 2-го Курского округа протоиерей Малыгин сетует на то, «что в данное время священники в силу своих условий жизни в деревне, связанной ежедневно с личными заботами о куске хлеба, забывают свои обязанности пастыря, т. е. воспитателя и превращаются

в простых требоисправителей»²³. Однако были и исключения. Например, настоятель храма в селе Поповы-Лежачи Глушковского района Баженов, занимавший эту должность с 1954 г., за 4 года привел в порядок церковь, при том что он не устанавливал фиксированной таксы за требы, а некоторым бедным прихожанам и вовсе исполнял их бесплатно²⁴. Деятельность этого священника привела к росту числа прихожан храма, постящихся и исповедующихся людей.

Несмотря на то что священнослужители, подобные Баженову, в епархии встречались редко, религиозность среди жителей области не падала, количество совершаемых обрядов держалось на высоком уровне и даже возрастало. Таким образом, лекторы-атеисты должны были работать в сложной обстановке, когда значительная часть населения так или иначе придерживалась религиозных воззрений. Дополнительную проблему создавала плохая подготовка кадров пропагандистов, на которую постоянно ссылались в отчетах и справках уполномоченный Совета по делам РПЦ по Курской области, заведующий отделом пропаганды и агитации обкома и другие ответственные работники. Круг лекторов практически не расширялся, систематическая методическая работа с ними не велась. Следствием являлось низкое качество докладов и лекций и слабая заинтересованность населения в подобной тематике.

Как было отмечено выше, к концу 1950-х гг. церковно-государственные отношения претерпели изменения, и началась новая антирелигиозная война. На этот раз кампания была намного шире и агрессивнее: закрывались один за другим храмы, верующих и духовенство стали притеснять местные власти. Резко активизировалась и атеистическая пропаганда, стимулом для чего послужило секретное постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”»²⁵. Правда, секретарь Курского обкома КПСС Л. Н. Ефремов обратил внимание на этот аспект борьбы с религией почти на год раньше: 17 декабря 1957 г. бюро обкома приняло постановление «О мерах по усилению научно-атеистической пропаганды среди населения области»²⁶. В документе отмечалось отсутствие единого центра антирелигиозной работы, в связи с чем немного позднее отдел пропаганды и агитации обкома внес предложение организовать в Курске Дом атеиста при областном отделении общества «Знание». Однако на этом дело и закончилось, открытие Дома атеиста встретило преграду в виде отсутствия помещения и средств. Для привлечения внимания общественности к этой проблеме в газете «Молодая гвардия» в конце 1963 г. выпустили статью, призывая «приступить к делу, а не жевать вопрос создания Дома атеиста во многочисленных инстанциях, усложняя его надуманными трудностями»²⁷.

28 ноября 1958 г. ЦК КПСС принял еще одно постановление – «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”»²⁸. Сразу же началась работа по ликвидации крестного хода в Курской области, земельный участок со святым источником был передан ремесленному училищу № 3 по механизации сельского хозяйства для работ по благоустройству и ограждению этой территории. 26 января 1959 г. исполком Свободинского райсовета депутатов трудящихся принял обязательное решение «О запрещении доступа населения к родникам в бывшей Коренной пустыни, на реке Тускарь близ местечка Свобода, Свободинского района, Курской области»²⁹. Несколько тысяч листовок с этим решением были разосланы в районы области. В 1959 г. в местных СМИ началась настоящая атака на крестный ход. Вышла и была распродана брошюра Г. К. Лунева и П. И. Просужих «Происхождение и вред крестного хода в Курске», где среди доводов против паломничества приводились такие, как срыв сельскохозяйственных работ и распространение инфекционных болезней³⁰. В газетах «Курская правда» и «Молодая гвардия» появились статьи, посвященные задаче содействия прекращению крестного хода. По радио регулярно передавались соответствующие передачи. Меры были усилены незадолго до паломничества, в том числе был закрыт доступ к роднику. Через несколько лет автор статьи в журнале «Наука и религия» К. Кобзева с радостью констатировала, что «в результате большой разъяснительной работы, проведенной среди населения, основная масса верующих уже не приняла участия в очередном крестном ходе»³¹. Вследствие осуществленных мероприятий люди не смогли организовать крестный ход, к Коренной пустыни шли лишь отдельные группы верующих. Паломничество возродилось только после развала СССР.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. советские власти стали использовать новый метод борьбы с РПЦ – отторжение от лона церкви священнослужителей. Вследствие таких мер, как подкуп и различные угрозы, в этот период около 200 клириков отреклись от сана. Курскую область также затронула эта тенденция. Священники В. Одайский (из Михайловской церкви г. Курска) и К. Пилипенко покинули православную церковь, о чем заявляли в печати: после ухода из церкви «я нашел, наконец, смысл жизни и призвание, и это мое большое счастье!»³². В 1960 г. была даже издана брошюра, составленная все тем же П. И. Просужих: «Почему мы порвали с религией». Однако из доклада П. Л. Володина о реакции верующих на отречение В. И. Одайского можно видеть, что подобные ухищрения атеистов не принесли ожидаемого результата. Настоятель Михайловской церкви А. В. Иванов утверждал, что прихожане храма отреагировали спокойно, так как Одайский им не нравился. Были разговоры о том, что своим отречением он осквернил церковь, что ему просто

хорошо заплатили. Только часть людей настроилась против религии: «...зря мы ходим в церковь, никакой там святости нет»³³. Впоследствии власти отказались от подобной практики.

Атеистическое наступление не могло не коснуться религиозных воззрений молодого поколения. В октябре 1958 г. на V пленуме Курского горкома КПСС «О состоянии и мерах улучшения воспитательной работы среди молодежи» было принято постановление, призывавшее горком и райкомы партии, первичные партийные организации, отделения общества «Знание» «покончить с запущенностью антирелигиозной пропаганды, более остро реагировать на факты, связанные с соблюдением религиозных обрядов, систематически вести наступательную антирелигиозную пропаганду, не допуская при этом грубого администрирования и оскорбления верующих»³⁴. Постановление обязывало Курский педагогический институт подготовить в помощь учителям методические разработки по организации атеистического воспитания учащихся, институт усовершенствования учителей – организовать занятия с преподавателями по вопросам антирелигиозного воспитания в школе³⁵.

Видимо, некоторые местные власти переусердствовали в своем рвении поскорее ликвидировать «религиозный дурман» в массовом сознании, поэтому 26 марта 1959 г. Совет по делам РПЦ разослал всем уполномоченным информационное письмо № 57, где отмечалась недопустимость грубого администрирования по отношению к верующим и духовенству и вмешательства во внутренние дела церкви³⁶. В целом же антицерковная война продолжала набирать обороты и в первой половине 1960-х гг. достигла своего апогея. В самом начале 1960 г. ЦК КПСС принял сразу два постановления: 9 января – «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», где осуждалась пассивная позиция некоторых местных властей к религиозной идеологии, и 13 января – «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культурах»³⁷. 16 марта 1961 г. вышло постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах». Все эти документы вели к ужесточению религиозной политики советского руководства. В Курской области они нашли свое отражение, в том числе в решении бюро обкома КПСС от 23 января 1962 г. «О мерах по дальнейшему усилению научно-атеистической пропаганды среди населения области»³⁸. В центральной и местной периодической печати в этот период постоянно появлялись статьи антирелигиозной и естественно-научной направленности, выходили соответствующие книги. Одним из таких изданий являлась книга члена общества «Знание» П. И. Просужих «Правда о престольных праздниках», где подробно описывалась новая традиция безрелигиозных торжеств и обрядов. Выше уже говорилось, что проблема церковных

праздников в области стояла достаточно остро из-за срыва сельскохозяйственных работ. Власти, понимая, что в данном случае простым запретом ограничиться невозможно, стремились заместить религиозные торжества гражданскими. Соответствующие решения на высшем уровне появляются несколько позже (ЦК КПСС 18 февраля 1964 г. утвердит постановление «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов», бюро ЦК КПСС по РСФСР примет подобный документ 25 августа 1962 г.³⁹), однако это начинание атеистов обнаружило себя уже в конце 1950-х гг. В октябре 1962 г. П. Л. Володин напомнил в письме исполкому Курского областного совета депутатов трудящихся о необходимости «активизировать деятельность по созданию условий для замены религиозных обрядов безрелигиозными обрядами и церемониями»⁴⁰. Предполагалось проводить регистрацию браков «в торжественной обстановке, в присутствии депутатов Советов, руководителей предприятий, колхозов, учреждений, представителей общественных организаций, которые бы выступали с поздравлениями... Желательно, чтобы в этих помещениях в дни регистрации браков имела музыка, фотограф, была организована продажа подарков, цветов»⁴¹. Уполномоченный предлагал ввести также традицию посадки деревьев в городских и сельских парках в честь новорожденных.

В Курской области всех опередили в деле борьбы с религией и организации безрелигиозных торжеств жители села Бобрышево Пристенского района, которых ставил в пример П. И. Просужих. На сходе населения всех сел и деревень Бобрышевского сельсовета прозвучал призыв «торжественно и интересно праздновать наши революционные праздники: 1 Мая, годовщину Октября, День Советской Армии, Международный женский день»⁴². Решено было озеленить все населенные пункты, навести в них чистоту, организовать людям интересный досуг: построить баню, оборудовать спортивные площадки, детские ясли и красные уголки, провести капитальный ремонт сельского Дома культуры. Среди гражданских обрядов предполагалось ввести проводы на учебу, вступление в брак, рождение первенца. По словам автора книги, «почин бобрышевцев подхватывается общественными организациями и жителями и других районов Курской области»⁴³. Но в реальности новые обряды и праздники приживались с трудом, зачастую превращаясь в скучные однообразные мероприятия. Уполномоченному П. Л. Володину в августе 1963 г. приходилось констатировать: «Совершенно недостаточно разворачивается в области работа по внедрению в быт новых гражданских обрядов... Регистрация браков в торжественной обстановке с привлечением представителей предприятий и общественных организаций организована только в г. Курске в специально отведенном помещении»⁴⁴.

Наконец, 1964 г. ознаменовался созданием двух значительных проектов – «Мероприятий по усилению атеистического воспитания населения» (приняты 2 января 1964 г.) и вышеуказанного постановления ЦК от 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Предполагалось в достаточно скором времени добиться окончательного исчезновения «религиозных предрассудков». Акцент в атеистическом воспитании ставился прежде всего на пропаганду среди молодежи и детей. В Курской области задача распространения среди жителей региона гражданских праздников и церемоний ставилась в решении исполкома Курского областного (промышленного) совета депутатов трудящихся от 11 декабря 1963 г. «О мерах по усилению научно-атеистической пропаганды и отвлечению населения от исполнения религиозных обрядов» и решении исполкома Курского областного (сельского) совета депутатов трудящихся от 20 апреля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Эти документы предписывали «усилить научно-атеистическую пропаганду в учреждениях культуры и кинофикации, систематически проводить в них вечера вопросов и ответов, конференции, диспуты, лекции, доклады»⁴⁵. Кроме того, предполагалось организовать периодические передачи по радио и телевидению торжественных регистраций браков и новорожденных, выпускать систематические передачи по научно-атеистическим вопросам. Особое внимание уделялось работе с детьми: для ограждения их от влияния церкви следовало проводить в школах массовые культурные мероприятия в воскресные дни и в дни религиозных праздников. Родильным домам предписывалось организовать «соответствующую работу с матерями по предотвращению крещения детей»⁴⁶. Наконец, проблема новых зданий для культурных и спортивных учреждений должна была решаться за счет использования закрытых церквей, тем самым лишая верующих в дальнейшем возможности ходатайствовать об их открытии.

Внедрение в быт курян гражданских обрядов и праздников стало набирать обороты. Дмитровский, Курский, Суджанский и Щигровский райкомы организовали проведение торжественной регистрации браков с участием депутатов местных советов, представителей общественности, товарищей по работе. Зима 1963–1964 гг. в Курской области была отмечена проведением массовых праздников «Русской зимы» и большими театрализованными представлениями⁴⁷.

Свой вклад в распространение атеистических взглядов среди населения Курского края внес и областной отдел здравоохранения. При лечебно-профилактических учреждениях были созданы постоянно действующие курсы по подготовке медицинских работников к антирелигиозной пропаганде. В медицинском институте появились постоянные курсы для врачей по атеизму. В

кинопрокате были одобрены кинофильмы на атеистические темы и рекомендованы медицинским учреждениям⁴⁸.

После ухода Н. С. Хрущева с поста генерального секретаря ЦК КПСС широкое антирелигиозное наступление постепенно изменилось в сторону аккуратного, но настойчивого притеснения Русской православной церкви. Продолжалась и пропаганда материалистического мировоззрения, в Курской области ежегодно незадолго до предполагаемого крестного хода проводилась соответствующая работа по его предотвращению. В целом можно сказать, что научно-атеистическая пропаганда, хотя и достигла некоторых результатов, искоренить доверие и любовь людей к церкви не смогла, о чем можно судить по сильному всплеску интереса к религии в конце 1980-х гг.

Примечания

- 1 Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5027. Оп. 3. Д. 11. Л. 13.
- 2 Там же. Д. 15. Л. 40.
- 3 Там же. Оп. 5. Д. 13. Л. 77.
- 4 См.: Русская православная церковь в Центральной России в 1943–2000 годах : сб. документов / сост. А. А. Федотов. М. ; Архангельск : Ин-т управления, 2008. С. 7.
- 5 См.: Шире размах научно-атеистической пропаганды // Курская правда. 1954. 6 авг. С. 1.
- 6 См.: IV пленум Курского областного комитета КПСС. О состоянии массово-политической работы и задачах областной партийной организации // Курская правда. 1954. 2 нояб. С. 2.
- 7 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1141. Л. 103–104.
- 8 См.: *Соболева Е.* Областной семинар лекторов // Курская правда. 1954. 24 сент. С. 4.
- 9 См.: IV пленум Курского областного комитета КПСС. О состоянии массово-политической работы и задачах областной партийной организации. С. 2.
- 10 Там же.
- 11 См.: Русская православная церковь в Центральной России в 1943–2000 годах. С. 7–8.
- 12 Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИ КО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2357. Л. 55.
- 13 ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 2. Д. 21. Л. 84.
- 14 Там же. Л. 83.
- 15 ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2518. Л. 239–240.
- 16 Там же. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 375. Л. 20–21.
- 17 См.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. С. 354–356.
- 18 ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2704. Л. 59–65.
- 19 ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 3. Д. 4. Л. 25.
- 20 Там же. Оп. 5. Д. 13. Л. 155.
- 21 Российский государственный архив социально-поли-

- тической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 15. Д. 25. Л. 47.
- ²² Там же. Л. 49.
- ²³ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 3. Д. 15. Л. 32.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1669. Л. 14.
- ²⁵ См.: *Алексеев В. А.* «Штурм небес» отменяется? (Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР). М.: Россия молодая, 1992. С. 222.
- ²⁶ ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2883. Л. 27.
- ²⁷ См.: *Солнышко Ю.* Курску нужен Дом атеиста // Молодая гвардия. 1963. 24 дек. С. 3.
- ²⁸ См.: *Мругова К.* Русская Православная Церковь в 1954–1964 годы // Вестн. студ. науч. об-ва ОГПУ : сб. науч. статей / Мин. образ. и науки РФ ; Оренбург. гос. пед. ун-т. Вып. 3 : Исторические науки. Филологические науки. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. С. 61.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2 Д. 229. Л. 40.
- ³⁰ См.: *Лунев Г. К., Просужих П. И.* Происхождение и вред крестного хода в Курске. Курск : Курск. кн. изд-во, 1959. С. 46–47.
- ³¹ См.: *Кобзева К.* Нет больше пустыни... // Наука и религия. 1963. № 10. С. 70.
- ³² См.: *Пилипенко К.* Порвав с религией, я обрел счастье и радость жизни // Почему мы порвали с религией / сост. П. И. Просужих. Курск : Курск. кн. изд-во, 1960. С. 21.
- ³³ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 22. Л. 126.
- ³⁴ См.: Из истории Курской областной комсомольской организации (1918–1970 гг.) / гл. ред. В. Е. Шаров. Курск : Курская правда, 1972. С. 329.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 57. Л. 34.
- ³⁷ См.: *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. От «перемирия» к новой войне. СПб. : ДЕАН+АДЕА-М, 1995. С. 78.
- ³⁸ ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3916. Л. 89.
- ³⁹ См.: *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 384.
- ⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 37. Л. 76.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² См.: *Просужих П. И.* Правда о престольных праздниках. Курск : Курск. кн. изд-во, 1960. С. 52.
- ⁴³ Там же. С. 55.
- ⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 47. Л. 95.
- ⁴⁵ Там же. Д. 45. Л. 29.
- ⁴⁶ Там же. Л. 35.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 56. Л. 4.
- ⁴⁸ ГАОПИ КО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 242. Л. 19–20.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 9(4/9)(082)

ОТНОШЕНИЕ К КАТОЛИКАМ В АНГЛИИ В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ

Т. В. Мосолкина

Саратовский государственный университет
E-mail: tmosolkina@mail.ru

В статье рассматривается положение католиков в Англии в период поздних Стюартов. Основными источниками являются дневники современников С. Пипса и Дж. Эвелина. Автор статьи пытается выяснить, улучшилась ли ситуация для католиков с возвращением на престол сыновей казненного Карла I, которые сами склонялись к католицизму.

Ключевые слова: Католическая церковь, английские католики, Акты веротерпимости, отношение к католикам в Англии.

The Relation to Catholics in England in Restoration

T. V. Mosolkina

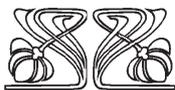
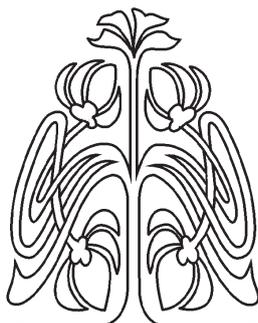
In article position of Catholics in England in late Stewarts is considered. The basic sources are diaries of contemporaries of S. Pipsa and J. Эвелина. The author of article tries to find out, whether the situation for Catholics with returning to a throne of sons of the executed Charles I has improved, which tended to Catholicism.

Key words: Catholic church, English catholics, toleration Certificates, relation to Catholics in England.

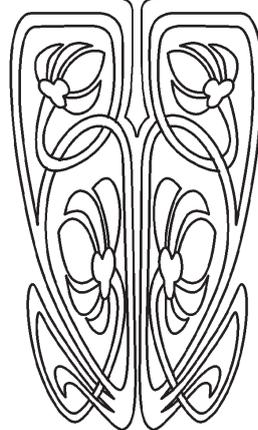
В Англии в отличие от континентальной Европы процесс размежевания между католиками и протестантами проходил намного медленнее. Несмотря на законодательные постановления в отношении церкви, принятые в первой половине XVI в., англиканская церковь окончательно сложилась лишь во второй половине XVI в., да и после этого долгое время она представляла собой объединение различных течений от крайне радикальных протестантских до очень близких католицизму. Лишь гражданская война середины XVII в. стала временем окончательного размежевания в лагере английских протестантов.

В этих условиях религиозного брожения судьба английских католиков, которые стали религиозным меньшинством, значительно отличалась от судеб их собратьев на континенте.

В плане изучения постреформационного католицизма в Англии вплоть до середины XX в. история католиков связывалась с политической историей. Более того, для историков-протестантов история английских католиков не представляла интереса. И если к этой истории обращались, то только с политических позиций. Ситуация начала меняться лишь со второй половины XX в., когда в английской историографии проявился интерес к новой социальной истории, что привело к появлению ряда работ по истории локальных групп и сообществ. Правда, большая часть этих работ посвящена XVI в. или первым десятилетиям XVII в.¹ В конце XX – начале XXI в. больше внимания стало уделяться проблемам взаимоотношений между католиками, протестантами и правительством, а также формированию образа католиков в английском обществе². Нельзя сказать, что положение католиков во второй половине XVII в. не рассматривалось зарубежными исследователями, но специальных работ все же не слишком много, можно

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

указать лишь монографии Д. Миллера и Д. Босса и статью К. Хейли³.

В отечественной историографии внимание к изучению положения католиков в Англии XVII в. стало уделяться только в конце XX в. Примером могут служить работы А. Ю. Сергиной. Но они посвящены концу XVI – первой половине XVII в.⁴ Можно отметить статью Т. Л. Лабутиной, касающейся рассматриваемого периода⁵. Учитывая это, достаточно сложно анализировать положение католиков и отношение к ним в рассматриваемый в статье период. Хотя вторая половина XVII в. в истории английского католицизма необычайно интересна – никогда после Реформации, за исключением времени правления Марии Тюдор, для католиков не складывалось более благоприятной обстановки, чем в период правления поздних Стюартов.

В течение долгого времени в историографии вопрос о католиках в ранней новой Англии сводился к спорам о том, были ли они традиционными католиками в старом стиле или результатом деятельности постригентских миссионеров. Основная тенденция состояла в том, чтобы показать, как английские протестанты и католики после Реформации создавали свои собственные формы личной веры. Этот процесс был общим для всех англичан. Английские католики видели себя наследниками и защитниками истинной веры, возводя ее к ранней церкви. Но и английские протестанты настаивали на том, что они восстанавливают первоначальную церковь. Причем английские католики уже давно значительно отличались от континентальных единоверцев. Они искали свой путь выражения духовности и поклонения независимо от присутствия назначенного из Рима духовенства или официальных мест отправления обрядов.

У английских католиков было много проблем – как поклоняться Господу без священника, если нельзя совершить причащение? Как проводить богослужение и обряды вне священных мест? Как отдельному человеку поддерживать духовную жизнь в «сообществе святых», когда нет никакого видимого сообщества? Можно ли оставаться верным подданным английского монарха, или нужно во всем быть послушным папе римскому? Отказ римских пап понять специфические проблемы английских католиков вынудили английского верующего дистанцироваться от Рима, полагаясь на свое понимание того, что значит быть преданным католиком.

В своей статье мы рассмотрим только один вопрос – послужило ли возвращение на престол Англии Стюартов, Карла II и Якова II, склонявшихся к католицизму (Яков II даже открыто принял католичество), во благо английским «папистам» или во вред? При рассмотрении указанного вопроса мы опирались на дневники двух англичан, принадлежавших к англиканскому вероисповеданию Сэмюэля Пипса и Джона Эвелина⁶.

Возвращение Стюартов к власти в 1660 г. пробудило у английских католиков надежды на улучшение их положения. За свою поддержку Карла I, защиту от смерти его детей, и учитывая склонность матери будущих Карла II и Якова II к католицизму, они надеялись получить материальное возмещение и свободу совести.

Возвращение Карла II в Англию было встречено с радостью. С. Пипс 11 февраля 1660 г. записал: «Когда мы шли домой, на улицах жгли праздничные костры, слышен был звон колоколов церкви Сент Мэри-ле-Боу, да и других церквей тоже. Весь город, несмотря на поздний час – было без малого десять – ликовал. Только между церковью святого Дунстана и Темпл-баром насчитал я четырнадцать костров. А на Стрэнд-бридж – еще тридцать один!»⁷ 5 марта Пипс пишет: «Мы все возлагаем большие надежды на скорое возвращение государя»⁸. Как чиновник Морского ведомства Пипс, находясь на борту корабля, поинтересовался, «что думают по этому поводу моряки, и все они в один голос закричали “Да хранит Бог короля Карла!” с величайшим воодушевлением»⁹. Дж. Эвелин 29 мая 1660 г. наблюдал за въездом Карла II в Лондон: «В этот день его величество Карл II прибыл в Лондон после печального и долгого изгнания и бедственного страдания и короля, и церкви, продолжавшихся 17 лет. Это был также день его рождения. И его сопровождали с триумфом 20 тысяч конницы и пехоты, размахивающие своими саблями и кричащими с невыразимой радостью. Путь был усыпан цветами, звонили колокола, улицы увешаны гобеленами, с фонтаны изливали вино. Мэр, олдермены и все компании в своих ливреях, золотых цепях и с флагами; члены палаты лордов и пэры, одетые в одежды с серебром, золотом и бархат; окна и балконы основательно заполнены дамами; трубы, музыка и бесчисленные толпы людей, даже пришедшие настолько издалека, как из Рочестера, так что они проходили по городу 7 часов – с 2 часов пополудни до 9 часов вечера»¹⁰. В день коронации 23 апреля 1661 г. Пипс отметил: «Теперь, после всего, что было, могу засвидетельствовать: если повидать то, что повидал в тот славный день я, можно смело закрыть глаза и не смотреть ни на что более, ибо в этом мире ничего столь же замечательного мне все равно не увидеть»¹¹.

В 1662 г. Карл издал Декларацию веротерпимости, но парламент отказался ее поддержать. Карл, хотя и симпатизировал католикам, не готов был рисковать тронem, настраивая против себя своих подданных-протестантов. Этот документ вызвал подозрение, что король и его брат Яков были если и не папистами, то симпатизирующими им. Тем более что в 1662 г. Карл II женился на португальской принцессе Екатерине, которая была католичкой. Хотя в начале правления Карла II отношение к католикам на бытовом уровне не было особо нетерпимым. Об этом свидетельствуют записи в дневнике С. Пипса.

Враждебное отношение к католикам было подогреито событиями сентября 1666 г., когда в течение 5 дней в Лондоне бушевал страшный пожар, подробно описанный в дневнике Дж. Эвелина. Без каких-либо доказательств причина пожара была приписана проискам папистов. Это нашло отражение в надписи на монументе, установленном в память о пожаре. Надпись сохранилась до 1830 г. Эти обвинения сопровождалось сожжением изображений папы и его кардиналов. Как это все отличалось от праздничных костров в честь реставрации Стюартов! Но нужно заметить, что отмеченные акты сожжения изображений папы и кардиналов вряд ли были непосредственным проявлением народных чувств. Поскольку организация подобных действий была довольно дорогостоящей, то оплачивалась она политическими деятелями. Еще раз политика и религия переплелись, нанеся серьезный вред английским католикам.

После смерти младшего брата Генриха от оспы единственным наследником Карла остался Яков, поскольку жена Карла не смогла родить ему наследника. Два брата были очень непохожи. Карл был веселым, ленивым, но умным человеком, а Яков добросовестным, но фанатично строгим и упрямым. Еще во время пребывания Якова в эмиграции во Франции он проявил склонность к учению и обрядам католической церкви. Яков принял причастие в римско-католической церкви в 1668 или 1669 гг., хотя его обращение и держалось в секрете, и он до 1676 г. продолжал посещать англиканские службы.

Рост влияния католиков в судебных инстанциях вынудил парламент в 1673 г. принять новый «Испытательный закон» (Testact), или как его иногда называют «Акт о присяге»¹². Согласно этому закону все гражданские и военные чиновники были обязаны давать клятву, в которой они не только должны были отрицать учение, но и осуждать обряды католической церкви как «суеверные и идолопоклоннические», и получать причастие по обрядам англиканской церкви. Яков отказался от всех этих действий, и таким образом его обращение в католицизм было обнародовано.

Карл II выступил против обращения Якова и приказал, чтобы его дочери от первого брака Мария и Анна были воспитаны в протестантской вере. Хотя он позволил Якову в 1673 г. жениться второй раз на католичке, пятнадцатилетней итальянской принцессе Марии Моденской. Многие из англичан очень неодобрительно отнеслись к этому браку наследника престола. Д. Эвелин 5 ноября 1673 г. записал в дневнике: «Этой ночью молодежь Сити сожгла портрет Папы, после чего организовала процессию с большим триумфом. Они были недовольны герцогом за перемену религии и женитьбу на итальянке»¹³. Англичане расценивали новую герцогиню Йоркскую как агента папы римского.

Недоброжелательность подданных Карла усилилась в связи со слухами о Заговоре папистов.

Некто Титус Оутс утверждал, что по согласию папы римского и иезуитов король должен был быть убит, а протестантская церковь уничтожена¹⁴. Его обвинения были настолько противоречивы и нелепы, что непредубежденные люди типа Дж. Эвелина считали их сомнительными. «Однако, – пишет Эвелин, – разные лорды-католики (Popish Peeres) были отправлены в Тауэр, обвиненные Оутсом, а все члены палаты лордов-католики были согласно новому акту навсегда исключены из парламента, что было сильным ударом»¹⁵. Но суды сделали все, чтобы убедить англичан в существовании «омерзительного и адского заговора». Для католиков по всей стране настало время террора. Опять запылали костры, но теперь протестанты не ограничивались сожжением изображением папы и кардиналов. Начались аресты и казни католиков. Точные цифры сложно получить, но между 1678 и 1681 гг. примерно 2 тыс. человек были заключены в тюрьму, 7 священников и 5 мирян были казнены как предатели. Казнены были лорд Стаффорд и архиепископ Армы в Ирландии Оливер Планкетт¹⁶. Вскоре преследования стали стихать. Причины были разные – в ходе расправ над католиками активизировались все разбойные элементы в обществе, что не могло не беспокоить местные власти. Кроме того, преследования католиков, среди которых были купцы и ремесленники, а не только представители дворянства, дезорганизовывали экономику.

Беспорядки в стране сыграли на руку Якову II, воцарение которого было встречено довольно спокойно. После своей коронации Яков II стал открыто посещать католические мессы и придерживаться католических обрядов. Д. Эвелин, убежденный роялист, 5 марта 1685 г. присутствовал на «папистской» службе и с грустью отмечал: «К моему огорчению, я видел новую кафедру, воздвигнутую в папистской часовне в Уайт-холле для проповеди в Великий пост. Месса была проведена открыто, и католики (Romanists) роились при дворе с такой великой самонадеянностью, что когда-либо можно было увидеть в Англии со времен Реформации, так что у каждого росла недоброжелательность к тем, кто к этому склонялся»¹⁷.

Заговор папистов был последним организованным преследованием англичан по религиозным причинам. В апреле 1687 г. была издана «Декларация о веротерпимости», которая предоставляла свободу вероисповедания всем инакомыслящим, в том числе и католикам¹⁸. Назначение нескольких лордов-католиков на высшие должности в государстве, теплый прием, оказанный папскому посланнику и некоторые другие действия короля усилили чувство неудовлетворенности¹⁹. Пока у Якова II не было наследника мужского пола, многие протестанты вели себя спокойно, поскольку были уверены, что наследницами станут его дочери-протестантки. Но после того как королева родила сына, были начаты переговоры с Вильгельмом Оранским, мужем Марии. Яков

слишком поздно понял серьезность ситуации, когда от него отвернулись некоторые из родственников, в том числе собственная дочь, он решил в декабре 1688 г. бежать из Англии.

Вильгельм III лично не был настроен проводить жесткую политику религиозных преследований. Но антикатолические настроения были настолько сильны, что в 1689 г. католики были исключены из Декларации о веротерпимости. В Билле о правах 1689 г. было оговорено условие, что никто из правящей семьи будучи католиком или заключивший брак с католиком не мог претендовать на трон. Католикам запрещалось проживать в пределах 10 миль от Лондона, держать в доме оружие, боеприпасы или лошадей стоимостью больше 10 фунтов. Они не могли быть адвокатами или поверенными, голосовать на парламентских выборах, посылать детей для образования за границу и пр.

Таким образом, правление в Англии королей, доброжелательно настроенных к католикам и даже принявших католицизм, не принесло пользы приверженцам католической церкви. Наоборот, действия Карла II и Якова II, направленные на облегчение их участи, только настроили против католиков протестантское большинство.

Примечания

- 1 См.: *Clancy T. H. Papist Pamphleteers: the Allen-Persons Party and the Political Thought of the Counter-Reformation in England, 1572–1615.* Chicago, 1964; *Holmes P. Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics.* Cambridge, 1982; *Pritchard A. Catholic Loyalty in Elizabethan England.* Chapel Hill, North Carolina, 1979.
- 2 См.: *Hopfl H. Jesuit Political Thought: the Society of Jesus and the State, c. 1540–1630.* Cambridge, 2004; *Lake P. The King (the Queen) and the Jesuit: James and I's 'Trew Law of Free Monarchies' in Context's // Transactions of the Royal Historical Society. 6th series. 2004. Iss. 14 ; *Sommerville J. P. Papalist Political Thought and the**

Controversy over the Oath of Allegiance // Catholics and the 'Protestant Nation' / ed. by E. Shagan. Manchester, 2005.

- 3 *Bossy J. The English Catholic Community, 1570–1850.* L., 1975; *Miller J. Popery and politics in England. 1660–1688.* L., 1973; *Haley K. No Popery in the reign of Charles II // Britain and the Netherlands. The Hague, 1975. Vol. 5. P. 102–119.*
- 4 *Серегина А. Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв.* СПб., 2006; *Серегина А. Ю. Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI – начала XVII века в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 34. М., 2011.*
- 5 *Лабутина Т. Л. Антикатолицизм в Англии в правление последних Стюартов. 1660–1714 // Религиозная политика в Европе в XVI–XX вв. Смоленск, 1998.*
- 6 *Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F. R. S. From 1641 to 1705-6. With Memoir.* L., 1890; *Pepys S. The Diary of Samuel Pepys / A new and complete transcription ed. by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I–III.*
- 7 *Pepys S. Op. cit. Vol. I. P. 52.*
- 8 *Ibid. P. 77.*
- 9 *Ibid. P. 124.*
- 10 *Evelyn J. Op. cit. P. 264–265.*
- 11 *Ibid. Vol. II. P. 87.*
- 12 *An Act for preventing Dangers which may happen from Popish Recusants // Statutes of the Realm. 1628–1680. L., 1819. V. 5. P. 782–785.*
- 13 *Evelyn J. Op. cit. P. 377.*
- 14 *Lane J. Titus Oates. L., 1949.*
- 15 *Evelyn J. Op. cit. P. 406.*
- 16 *Leys M. D. R. Catholics in England 1559–1829. A Social History. L., 1961. P. 101.*
- 17 *Evelyn J. Op. cit. P. 469.*
- 18 *Declaration of Indulgence of King James II, April 4, 1687 // English Historical Documents, 1660–1714 / ed. by A. Browning. L., 1953. P. 399–400.*
- 19 *Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarch, 1685–1720. Allen Lane, 2006. P. 211.*

УДК 303.446.4(470) [18] + 929 Грановский

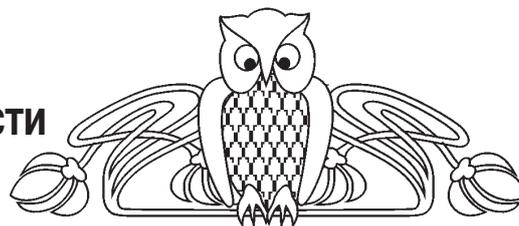
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galymichev57@mail.ru

В статье рассматривается отношение видного русского историка середины XIX в. Т. Н. Грановского к исторической роли славянских народов и его вклад в изучение средневекового прошлого западных славян.

Ключевые слова: историография, история западных славян, Т. Н. Грановский.

Medieval History of Slaves in Scientific-pedagogical Activity T. N. Granovsky

A. N. Galyamichev

The author of this article examine the evaluation of famous Russian historian T. N. Granovsky (1813 – 1855) of historical role Slavic peoples and define his contribution in study of history of Western Slaves in the Middle Ages.

Key words: history of historical writing, history of Western Slaves, T. N. Granovsky

Одной из знаменательных дат наступившего года является 200-летний юбилей со дня рождения Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855).

Жизнь Грановского оставила глубокий след в истории России. Каждый из нас впервые познакомился с его именем ещё на школьных уроках истории. Уникальность личности и жизненного пути Грановского определяется тем, что по роду своей деятельности он, казалось бы, бесконечно далёк от жизненно важных проблем развития российского общества своего времени: Грановский был историком-медиевистом, преподавателем и исследователем истории европейского средневековья. Тем не менее его личность стала своего рода символом 30–40-х гг., названных А. И. Герценом «временем наружного рабства и внутреннего освобождения», а по определению А. А. Левандовского, «временем Грановского»¹.

Научная и общественная деятельность Грановского изучены достаточно хорошо, однако есть, на наш взгляд, и такие вопросы, которые не привлекали к себе специального внимания исследователей. К числу такого рода вопросов относится, в частности, рассмотрение вклада Грановского в дело изучения средневековой истории зарубежных славянских народов.

Специальной постановке этого вопроса препятствовало, по крайней мере, два обстоятельства, ставивших под сомнение саму её правомерность. Во-первых, история славян не являлась областью научной специализации Грановского. От исторической славистики его отделял своего рода «межведомственный барьер»: Грановский являлся профессором кафедры всеобщей истории Московского университета, в структуре которого согласно университетскому уставу 1835 г. одновременно была образована и работала кафедра истории и литературы славянских наречий, работники которой внесли большой вклад в становление основ научного славяноведения в нашей стране.

В знаменитом курсе лекций по истории средних веков, который Грановский читал в Московском университете, заметное освещение нашла лишь одна из важных проблем средневековой истории зарубежных славян – проблема осмысления сущности и исторического значения гуситского движения в Чехии.

В своих лекциях Грановский подчёркивал национально-освободительный характер гуситского движения, но вместе с тем и его неразрывную связь с религиозными и социальными движениями в странах Западной Европы, а также его исключительно важную роль в подготовке европейской Реформации XVI в.²

Вторая, ещё более значимая причина недостаточного внимания к месту историко-славистических сюжетов в научном наследии Грановского – принадлежность историка к тому направлению

русской общественной мысли середины XIX в., которое принято называть западничеством. Западничество, отстаивая мысль об органическом единстве всемирно-исторического процесса, складывалось и оформлялось в борьбе со славянофильством, представители которого, будучи страстными поклонниками русской и славянской старины, сделали очень много для научного изучения истории славян.

Внимательное рассмотрение творческой биографии Грановского позволяет – вопреки указанным стереотипам её восприятия – сделать вывод о том, что славянская тематика играла одну из первостепенно важных ролей в начальный период его научной деятельности, до середины 1840-х гг.

Находясь в Берлине, куда он был направлен «для усовершенствования в науках» и подготовки к профессорскому званию в мае 1836 г., Грановский, определяя проблематику своей магистерской диссертации, долгое время склонялся к изучению истории зарубежных славянских народов.

Важно при этом отметить, что такой выбор был связан с тем огромным интересом к славянству, который вырос в первые десятилетия XIX в. в русском обществе. Грановский, подобно многим русским современникам, придавал славянскому вопросу очень большое значение, видя великое будущее славянского мира и связывая путь к этому будущему с особой ролью России. Для того чтобы составить представление об этой стороне взглядов Грановского, будет, на наш взгляд, уместно вспомнить один из эпизодов его жизни в Берлине, рассказ о котором дошёл до нас благодаря мемуаристу и другу Грановского Я. М. Неверову.

Однажды (в 1837 г.) в одном из берлинских ресторанов друзьям довелось встретиться с компанией молодых поляков. «С заметным намерением сделать нам неприятность, один из них, – вспоминает мемуарист, – вынул какой-то французский памфлетик, наполненный ругательствами против России, и начал громко читать вслух. Чтение кончилось возмутительным тостом для русских»³.

Достигшее высшей точки напряжение («Помню, что из нашего общества – первый вскипел Иван Сергеевич Тургенев»⁴), по свидетельству мемуариста, было снято ответным тостом Грановского: «Грановский тотчас остановил его (И. С. Тургенева. – А. Г.), прося предоставить ему уладить это дело, и приказал дать шампанское». Подняв бокал, Грановский произнёс тост, смысл которого, по воспоминаниям Я. М. Неверова, состоял в следующем: «Друзья! Наши братья по происхождению и истории поносят нас и низвергают проклятия на Россию, приписывая ей свои несчастья. Пожалеет о них и, вместо слова ненависти, обратим к ним слово любви. В великом вопросе: кому из двух главных племён славянских стоять во главе исторического развития, – судьба решила в пользу России. Если им извинительно сожалеть о том, что Провидение предпочло им нас, то непростительно было бы нам гордиться

этим предпочтением, потому что мы здесь только орудие той воли, которая дала нам силу для высших целей, и наша слава должна заключаться не в том – кому из народов славянских вести славянскую семью по пути развития их исторического, но в том, чтобы исполнив волю Провидения и поставить славян во главе исторического развития. Пока отложим нашей стороны раннюю гордость, а с их – несправедливую и бесцельную злобу и братски соединимся в стремлении к высокой цели – соделать племя славян первенствующим на историческом поприще. Сыны Польши должны сожалеть об исторических ошибках своих отцов, а не упрекать в них Россию; они должны действовать с нею, а не против неё, чтобы стоять в истории не под именем немцев или французов, но под именем славян, равно близким и дорогим их и нашему сердцу. И так, да погибнет ненависть славянская, и да соединятся все славяне любовью в стремлении к высокой, указанной им Провидением цели, смиренно покоряясь ему в том, что оно предоставило вести их к ней России, никогда не искавшей этого высокого, но тяжёлого избрания!»⁵ Речь Грановского произвела сильное впечатление на всех присутствующих. «Поляки и русские, – вспоминал Неверов, – дружески обнимались, и с тех пор между нами не было столкновений»⁶.

Намерения Грановского посвятить своё первое диссертационное исследование одному из вопросов истории славян были настолько серьёзными, что ещё летом 1836 г. он «располагался ехать в Саксонию и Прагу для изучения быта славян» и изучать чешский язык⁷. Зимой 1838 г. начинающий исследователь писал своему другу Н. В. Станкевичу: «Летом стану учиться по-богемски и по-сербски»⁸, а весной того же года он, наконец, сумел побывать в Праге, по праву считавшейся столицей Славянского Возрождения в землях Австрийской империи. Прибыв в Прагу 26 апреля, Грановский провёл в древней столице Чехии около трёх недель, погружившись в атмосферу её неповторимой природной и культурно-исторической среды. «Прагу исходил вдоль и поперёк, – писал он московским друзьям, – Чудный город. Почти с каждым домом соединено историческое воспоминание. Окрестности очаровательны... Сделал огромное путешествие по окрестностям Праги, между прочим, на Жижкову гору. Вид чудесный! Чехи часто ходят сюда, потому что с этой горы гуссит Жижка (которого вы, не знающие по-чешски, называете Зискою; жалкие люди!) вогнал в реку 17 000 немцев и потопил их до одного. Я, гуляя, узнал историю Праги, которую один мой здешний знакомый называет *historia aedificata*»⁹¹⁰.

В Праге Грановский познакомился с виднейшими деятелями Чешского Национального Возрождения (П. Й. Шафариком, Ф. Палацким, Й. Юнгманном, Ф. Л. Челяковским), общение с которыми произвело на него глубокое впечат-

ление. В письме к Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову он упрекает первого в том, что будучи в Праге, тот «смотрел духовными очами (буде у него таковые есть) совсем не туда, куда надобно»¹¹, не воздав должного чешским «будителям». «Без шуток, – продолжает Грановский, обращаясь непосредственно к Н. В. Станкевичу, – душа, моя, ты очень абстрактно посмотрел на этих людей и не отдал им справедливости. Можно не соглашаться с ними, находить их идеи неисполнимыми и преувеличенными, и в этом я с тобою согласен. Но вменять им убеждения в недостаток, в односторонность – несправедливо»¹².

Особым уважением Грановский проникся к П. Й. Шафариком¹³, в разговорах с которым много внимания было уделено вопросу об исторической роли славян. В письме к В. Григорьеву он отмечал: «Из учёных Чехов я познакомился с Шафариком и Челяковским. У первого провёл вчера целый вечер. Чудесный человек! Велик и учёностью, и характером... при всём моём уважении к его огромным сведениям, я не могу согласиться, что славяне не менее немцев участвовали во всемирной истории. Мне кажется, что нам принадлежит будущее, а от прошедшего мы должны отказаться в пользу других. Мы не в убытке при этом разделе»¹⁴. Таким образом, в Праге впервые Грановский столкнулся с тем, что впоследствии стало предметом его споров с русскими славянофилами – с утратой чувства меры, принципа научной объективности при осмыслении исторической роли славянства, причём уже тогда проявилось свойственное ему на всём жизненном пути убеждение в том, что «идейные расхождения могут при известных условиях и не исключать личных симпатий и даже уважения»¹⁵. Вопрос же об исторической роли славян показался историку настолько важным, что, по свидетельству А. В. Станкевича, «в Грановском родилось желание написать статью о положении славянских племён, чтобы высказать всё виденное, слышанное и передуманное об этом предмете в Праге, но он сомневался в возможности напечатать такую статью в России»¹⁶.

Знакомству Грановского с виднейшими чешскими учёными и писателями содействовали молодые русские исследователи, направленные в Прагу с той же целью, что и Грановский в Берлин. Будущий профессор Московского университета О. М. Бодянский был при этом главным действующим лицом. Он и другой русский историк-славист, впоследствии профессор и ректор Киевского университета имени Св. Владимира Н. Д. Иванишев, познакомили Грановского с чешскими учёными библиотеками и архивами, делились результатами своей работы, что было для него особенно важно для определения темы магистерской диссертации. Особенно интересными показались Грановскому архивные разыскания Н. Д. Иванишева: «Больше всех сделал Иванишев, который нашёл много важных памятников славянского законодательства и

собирается издавать их. Он вовсе не энтузиаст и не славянофил, но уверял меня, что древнее славянское право несравненно выше современного ему немецкого по строгой системе и духу свободы, каким оно проникнуто. В самом деле, сколько я теперь знаю, чехи 13 и 14 века были гораздо образованнее и свободнее в конституционном смысле всех тогдашних немцев»¹⁷.

С огромным увлечением Грановский приступил к изучению чешского и других славянских языков. По прибытии в Прагу он писал В. Григорьеву: «Я хочу начать здесь учиться по-богемски, а в Вене займусь и сербским. По-польски выучусь уже в России»¹⁸. О своих лингвистических занятиях он сообщал в отправленном 20 мая из Вены письме к Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову: «Богемским языком занимаюсь усердно и довольно оригинально. Я начал с самого древнего памятника языка, с Краледворской рукописи¹⁹, прочту две-три хроники позднейшего времени, а кончу стихотворениями Коллара. Таким образом я познакомлюсь с историей языка: для руководства читаю Добровского грамматику и историю богемской литературы»²⁰. Но уже в этом письме впервые прозвучали и нотки разочарования: «Легко, но пользы будет менее, нежели я думал. Литература чехов очень бедна. Скоро стану учиться по-сербски. У этих по крайней мере богатое собрание исторических песен»²¹. Ещё большее разочарование звучит в письме Грановского к Я. М. Неверову из Вены, отправленном 12 июня 1838 г.: «Славянскими языками занимаюсь мало, во-первых, потому, что легко, а во-вторых, потому что жестоко надулся: они могут быть полезны для филологических исследований, следовательно, и для истории, но я совсем другого ишу в этой науке. Меня почти исключительно занимает развитие политической формы и учреждений. Это одностороннее направление, но я не могу из него вырваться. Литературы нет ни у чехов, ни у сербов, исторических источников также. Всё это истреблено, а новое только in Werden»^{22,23}.

Таким образом, планам Грановского написать диссертацию, посвящённую истории славян, не суждено было сбыться. Тем не менее его магистерская диссертация «Волин, Иомсбург и Винета», работу над которой он завершил уже в Москве осенью 1844 г., имела непосредственное отношение к славянской истории. Она была посвящена критическому анализу истории возникновения красивой легенды о «величественной Винете – северной Венеции, поглощённой морем за гордость, рождённую в ней безмерным богатством»²⁴, в которой, как показал в своей диссертации Грановский, соединились сообщения средневековых летописцев о построенной в славянском Поморье крепости скандинавских викингов Иомсбурге и древнем городе балтийских славян Волине.

Защита магистерской диссертации Т. Н. Грановского стала событием настолько большого общественно-политического значения, что оно

оттеснило на второй план её научное содержание. Диспут, состоявшийся 21 февраля 1845 г. в Московском университете, представлял собой не только научную дискуссию, но и столкновение двух мировоззрений, двух жизненных позиций.

С начала своей преподавательской деятельности в Московском университете Грановский стал приобретать огромный авторитет среди студентов, который после начала чтения им публичных лекций по истории средних веков стал перерастать рамки университета. Лекции Грановского, в которых органически сочетались изящество формы и глубина содержания, смелость обобщений, стали мощным фактором формирования общественного мнения. Сторонники обновления России находили в них ответы на многие волновавшие их вопросы, утверждались в своих убеждениях.

Стремительный рост популярности Грановского вызывал резкое недовольство части профессуры, вызванное, с одной стороны, их приверженностью к реакционно-охранительным взглядам, с другой – чувством ревности и зависти к успехам молодого историка. Главным противником Грановского был декан историко-филологического факультета И. И. Давыдов²⁵, чинивший, пользуясь своим административным положением, всяческие препятствия творческой работе молодого преподавателя²⁶.

Он сделал всё возможное, чтобы не допустить подготовленную Грановским диссертацию к защите. Её содержание представлялось как попытка ниспровержения одной из славянских святынь представителем «развратной западной науки»²⁷. В московском обществе его пытались представить «интриганом, тайным виновником всех оскорблений, которые наносятся славянству»²⁸. В письме к Н. Х. Кетчеру от 1 (или) 2 января 1845 г. Грановский писал: «Диссертацию я не защищаю до сих пор, потому что друзья мои Давыдов и Шевырёв при пособии Бодянского²⁹ хотели возвратить мне её с позором. Я просто не взял и потребовал от них письменного изложения причины. Разумеется, они уступили»³⁰.

О состоявшейся 21 февраля 1845 г. защите магистерской диссертации Грановского сохранилась яркая дневниковая запись А. И. Герцена: «Третьего дня Грановский защищал свою диссертацию о Иомсбурге и Винете. Это было публичным и торжественным поражением славянофилов и публичной овацией Грановского. Нападки были деланы с невероятной дерзостью, с цинизмом, грубым до отвратительности³¹; Грановский отвечал тихо, спокойно, кротко, вежливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены им. Но толстая шкура их не поняла бы этого. Другой голос посильнее осудил их. Грановский был встречен громом рукоплесканий, каждое слово Бодянского награждалось всеобщим шиканьем. Изъявления эти были так сильны и энергически, что никто и не подумал останавливать их. Сверх дерзости в выражениях гнусные проделки Шевырёва, Бо-

данского и других были известны всей публике, на них смотрели с омерзением. Когда кончился диспут, и граф Строганов поздравил Грановского, раздалась «Vivat! Vivat!», продолжавшиеся с четверть часа. На лестнице потом увидели как-то опять Грановского – и новые рукоплескания; даже перед университетом собралась толпа студентов, ожидавшая его выхода, но её уговорили разойтись. Этот день торжества Грановского да вместе с тем торжества всего университета. Университет доказал, что он имеет и мнение и голос»³².

Опасаясь, что студенческая поддержка может вылиться в массовые демонстрации, университетское начальство попросило Грановского предупредить новые выражения симпатий его слушателей. Он выполнил это пожелание, обратившись на первой после защиты диссертации лекции к аудитории со словами, которые очень точно передают его жизненное и научное кредо: «Позвольте мне обратиться к вам с просьбой: я осмеливаюсь просить вас, милостивые государи, не изъяслять более наружным образом вашего сочувствия... Зачем наружные знаки, вы и я принадлежим к новому поколению, мы имеем общее прекрасное дело: посвятим занятия наши серьёзно изучению России, служению России – России, вышедшей из рук Петра I, равно удаляясь от пристрастных клевет иноземцев и от старческого желания восстановить древнюю Русь во всей её односторонности»³³.

Защита Т. Н. Грановским магистерской диссертации была, возможно, кульминационным пунктом всей его научно-педагогической деятельности³⁴, поскольку от исхода этого научного диспута зависела сама возможность продолжения его работы в Московском университете, и к этому событию в большой мере причастна средневековая история западных славян.

В дальнейшем ему не доводилось обращаться к вопросам славянской истории в своих лекционных курсах, создавать крупных исследований монографического характера по истории зарубежных славян, однако вопросы их истории не переставали его волновать, а некоторые высказанные им мысли и оценки сыграли роль плодотворных импульсов к дальнейшему осмыслению проблем истории славян в исследованиях русских историков второй половины XIX – начала XX в. В этой связи принято особенно выделять статью Грановского «О родовом быте древних германцев» (1855), которая, по оценке Е. В. Гутновой и С. А. Асиновской, данной в 1987 г., «вообще заслуживает особенного внимания как замечательный образец исследовательских возможностей историка и сохраняет по своим выводам значение до сих пор»³⁵. Статья открывала перспективы сравнительного изучения славянской и германской общины – проблемы, занявшей видное место в русской науке второй половины XIX в., в разработке которой она достигла огромных успехов.

Обращалось внимание и на опубликованную в 1850 г. рецензию Грановского на книгу П. Е. Медовикова «Латинские императоры в Константинополе», где он обращается к вопросу о роли славян в истории Византии и, по оценке М. А. Алпатова, по существу наметил «все основные положения, развитые впоследствии в работах Васильевского и Успенского»³⁶ – корифеев русского и мирового византиноведения, работы которых заставили пересмотреть устоявшиеся взгляды на историю Византии.

Однако вопрос о значении научного наследия Грановского до сих пор остаётся дискуссионным, и в 1956 г. советский академик Е. А. Косминский должен был специально отметить: «Здесь надо прежде всего возразить тем, кто отказывался видеть в Грановском настоящего учёного-исследователя, а усматривал в нём лишь талантливого, но поверхностного популяризатора западноевропейской науки. Такое мнение поддерживалось некоторыми современниками Грановского, высказывалось оно и позднейшими историками. Чем бы ни диктовалось подобное мнение – оно совершенно ложно. Грановский сравнительно мало писал, ещё меньше печатался... Но и того, что он написал, достаточно, чтобы не осталось никаких сомнений, что перед нами крупный учёный, стоявший на высоте современной ему науки, один из наиболее передовых учёных своего времени»³⁷.

Такая оценка научного значения наследия Грановского представляется мне наиболее близкой к истине, а одним из истоков споров по этому вопросу видится само понимание предназначения исторического исследования, вопроса о его адресате. В связи с этим представляется недооценённым научное значение магистерской диссертации Грановского. Написанная прекрасным литературным языком, тщательно выстроенная логически, она, с одной стороны, даёт ясный и убедительный ответ на тот вопрос, который ставил предмет её исследования, но вместе с тем открывает и новые перспективы. В частности, увлекательное повествование Грановского подводит к постановке вопроса об истории славянского Поморья в эпоху викингов (для чего современная наука располагает постоянно умножающимся археологическим материалом). Не менее интересным видится и сама история становления преданий о Винете. Как отмечал Грановский в заключительных строках своей работы, «у них есть свой смысл, своё независимое достоинство и значение»³⁸. Образ Винеты пустил глубокие корни в исторической памяти народов Прибалтики, стал органической частью их культурного наследия (достаточно вспомнить о том, что легендарному городу посвящена одноимённая новелла выдающейся шведской писательницы Сельмы Лагерлёф, а, кроме того, Винета стала одним из мест действия её всемирно известной сказочной повести «Чудесное путешествие Нильса с дикими

ми гусями»), и потому многовековая история его становления требует обстоятельного осмысления.

Те, кто склонен недооценивать научной составляющей наследия Грановского, даже неоспоримый художественно-литературный талант историка превращают едва ли не в недостаток. Особенно характерно в этой связи высказывание В. Григорьева, одного из основателей этой традиции, подводившего итоги жизненного пути своего университетского друга: «Я не нахожу в нём самостоятельности, тем менее оригинальности мысли. Он думал только о том, о чём случалось прежде думать другим, и думал о каждом предмете так, как думали те из его современников, которых он считал умнейшими. Не заходил он ни в какую неразработанную до него область истории, никакого загадочного явления её не облил светом своей мысли, не проложил никакой новой тропы, не открыл никакого нового приёма в облегчение последующим изыскателям. Во всём, им деланном, ему собственно принадлежала только артистическая отделка вычитанного, художественная передача чужого, ничего при этом ему не стоившая, потому что, по условиям его природы, всё, исходившее из его духа, не могло исходить иначе, как в прекрасных формах»³⁹.

Отвечая на подобного рода упрёки, сам Грановский писал о стиле исторических исследований грядущего, которые будут в состоянии выполнить ту высокую роль, которую призвана выполнять историческая наука. В этих неутраченных, на наш взгляд, своей актуальности и сегодня словах звучит вера «неисправимого западника» в будущее русской науки, в которой, по мысли Грановского, должны будут найти выражение коренные черты нашего национального характера: «Одно из главных препятствий, мешающих благотворному действию Истории на общественное мнение, заключается в пренебрежении, какое историки обыкновенно оказывают к большинству читателей. Они, по-видимому, пишут только для учёных, как будто История может допустить такое ограничение, как будто она по самому существу своему не есть самая популярная из всех наук, призывающая к себе всех и каждого. К счастью, узкие понятия о мнимом достоинстве науки, унижающей себя исканием изящной формы и общедоступного изложения, возникшие в удушливой атмосфере немецких учёных кабинетов, несвойственны русскому уму, любящему свет и простор. Цеховая, гордая своею исключительностью наука не в праве рассчитывать на его сочувствие»⁴⁰.

Примечания

- ¹ Именно так названа его научно-популярная работа. См.: *Левандовский А. А.* Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990.
- ² Об освещении истории гуситского движения в лекционном курсе Т. Н. Грановского см. подробнее: *Аси-*

новская С. А. Из истории передовых идей в русской медиэвистике (Т. Н. Грановский). М., 1955. С. 126–127.

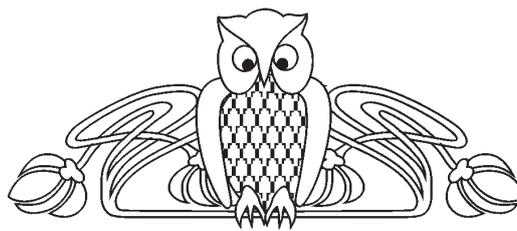
- ³ *Неверов Я. М.* Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета. Воспоминания. 1834–1856 гг. // *Русская старина*. 1880. Кн. 4. С. 749–750.
- ⁴ Там же. С. 750.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 745.
- ⁸ *Григорьев В.* Грановский до его профессорства в Москве // *Русская беседа*. 1856. Кн. 4. С. 36.
- ⁹ *Воздвигнутая история* (лат.).
- ¹⁰ *Грановский Т. Н.* Письмо Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову от 29 апреля 1838 г. // *Т. Н. Грановский и его переписка*: в 2 т. Т. 2: Переписка Т. Н. Грановского. 2-е изд. М., 1897. С. 338.
- ¹¹ Там же. С. 333.
- ¹² Там же. С. 333–334. См. также оценки и характеристики чешских «будителей» из письма Грановского Григорьеву, посланного из Праги: «Эти люди работают не для себя, и только Бог в том мире заплатит им... Во многом они, кажется, ошибаются. Но эти заблуждения так светлы, так извинительны... Шафарик, Палацкий, Юнгман, Челяковский – отличные люди, вблизи и вдаль» (*Григорьев В.* Указ. соч. С. 41–42).
- ¹³ См. строки из писем Грановского: «Я не знаю, чему удивиться более в Шафарике: его великой учёности или истинно великому характеру» (*Грановский Т. Н.* Письмо Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову от 27 апреля 1838 г. // *Т. Н. Грановский и его переписка*. Т. 2. С. 332); «У Шафарика я провёл целый вечер. Говорили о разных вещах... во всём он показал и знание дела и глубокое участие ко всему человеческому» (*Грановский Т. Н.* Письмо Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову от 29 апреля 1838 г. // Там же. С. 334).
- ¹⁴ *Григорьев В.* Указ. соч. С. 40–41.
- ¹⁵ *Каменский З. А.* Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988. С. 53.
- ¹⁶ *Станкевич А.* Биографический очерк // *Т. Н. Грановский и его переписка*. М., 1897. Т. 1. С. 78.
- ¹⁷ *Грановский Т. Н.* Письмо Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову от 29 апреля 1838 г. // *Т. Н. Грановский и его переписка*. Т. 2. С. 339.
- ¹⁸ *Григорьев В.* Указ. соч. С. 40.
- ¹⁹ В настоящее время большинство славистов полагает, что Краледворская рукопись представляет искусную подделку, которая была составлена чешским учёным и литератором В. Ганкой и его другом и поэтом Й. Линдой.
- ²⁰ Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. С. 343.
- ²¹ Там же.
- ²² В становлении (нем.).
- ²³ *Неверов Я. М.* Указ. соч. С. 761.
- ²⁴ *Грановский Т. Н.* Волин, Иомсбург и Винета. Историческое исследование // *Грановский Т. Н.* Сочинения: в 2 ч. 3-е изд. М., 1892. Ч. 1. С. 184.
- ²⁵ В воспоминаниях С. М. Соловьёва представлен образ этого человека, который, по словам великого русского

- историка, «для достижения почестей считал все средства позволительными. Нипочём было ему очернить человека, загораживающего ему дорогу, погубить его в общественном мнении, нипочём было унизиться до самой гнусной, невообразимой лести перед человеком и перед лакеем человека сильного» (*Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 256.*)
- ²⁶ См.: *Левандовский А. А. Время Грановского. С. 114–115.*
- ²⁷ См.: *Левандовский А. А. Т. Н. Грановский в русском освободительном движении. М., 1989. С. 84.*
- ²⁸ *Грановский Т. Н. Письмо Н. Х. Кетчеру // Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 464.*
- ²⁹ С. П. Шевырёв, О. М. Бодянский – профессора историко-филологического факультета Московского университета. Следует отметить, что противником Грановского выступил тот самый Бодянский, который знакомил его с деятелями Чешского Возрождения в Праге и о котором он отзывался в тогдашних письмах самым добрым образом: «Славный и дельный малый» (*Григорьев В. Указ. соч. С. 40*); «Из него будет отличный профессор славянских языков. Он говорит по чешски, как чех» (*Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 339.*)
- ³⁰ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 463.
- ³¹ Оппонентами на защите диссертации выступили С. П. Шевырёв, О. М. Бодянский и известный историк М. П. Погодин.
- ³² *Герцен А. И. Дневник. 1842–1845 // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 406.*
- ³³ Там же. С. 408. В биографическом очерке А. В. Станкевича заключительные слова обращения Т. Н. Грановского приводятся в другой редакции: «Мы, равно и вы и я, принадлежим к молодому поколению – тому поколению, в руках которого жизнь и будущность России, России, преобразованной Петром, России, идущей вперёд, и с равным презрением внимающей и клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, – и старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются пред кумиром, созданным их праздным воображением» (*Станкевич А. Указ. соч. С. 138.*)
- ³⁴ Во всяком случае, именно 1845 год стал «кульминационным в иконографии Грановского»: именно в этом году увидело свет наибольшее число дошедших до наших дней портретов учёного. См.: *Вейнберг А. Л. Иконография Тимофея Николаевича Грановского // Тимофей Николаевич Грановский. М., 1970. С. 67.*
- ³⁵ *Гутнова Е. В., Асиновская С. А. Грановский как историк // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 342.*
- ³⁶ *Аллатов М. А. Труды Т. Н. Грановского // Очерки истории исторической науки в СССР : в 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 443.*
- ³⁷ *Косминский Е. А. Жизнь и деятельность Т. Н. Грановского // Вестн. Моск. ун-та. 1956. № 4. С. 120–121.*
- ³⁸ *Грановский Т. Н. Волин, Йомсбург и Винета. Историческое исследование. С. 224.*
- ³⁹ *Григорьев В. Указ. соч. С. 57.* В. П. Бузескул, называя Т. Н. Грановского «гармонически художественной натурой, историком-художником», «Пушкиным историком», не считает возможным говорить о нём как о самостоятельном исследователе. См.: *Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 74–75.*
- ⁴⁰ *Грановский Т. Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории. Речь, произнесённая в торжественном собрании Императорского Московского Университета 1852 года, января 12 дня // Грановский Т. Н. Сочинения : в 2 ч. 3-е изд. М., 1892. Ч. I. С. 26–27.*

УДК 93/99 (4/9)

РЕАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ «РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ» ПОСРЕДСТВОМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПЕРИОД ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА Р. РЕЙГАНА

С. Н. Белевцева

Курский государственный университет
E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

В статье рассмотрено применение американской стратегии «распространения демократии» в качестве идеологического оформления действий США по урегулированию региональных конфликтов. Показано варьирование между военной и невоенной составляющими этой стратегии.

Ключевые слова: американская демократия, региональные конфликты, противостояние СССР и США.

Realization of the American Strategy of «Distribution of Democracy» by Means of Settlement of Regional Conflicts During the R. Reagan's Second Presidential Term

S. N. Belevtseva

In the article application of the American strategy of «distribution of democracy» as ideological registration of actions of the USA on settlement of regional conflicts is considered. The variation between military and not military components of this strategy is shown.

Key words: American democracy, regional conflicts, opposition of the USSR and the USA.

Внешнеполитическая стратегия США во второй половине XX столетия при всем разнообразии идеологического оформления, в сущности, сводилась к установлению глобального американского влияния в мире. На достижение указанной цели была направлена и стратегия «распространения демократии», которую американские политики успешно использовали при урегулировании региональных конфликтов. Реализация стратегии рассматривалась Вашингтоном как интеграция развивающихся стран в мировую западную систему хозяйства, что позволило бы США поддерживать своё преимущество в экономической области, использовать источники сырья и дешёвую рабочую силу, удерживать стратегически важные районы мира под своим влиянием в противовес СССР и в целом социалистической системе.

Разрабатывая внешнеполитическую стратегию в отношении того или иного регионального конфликта, администрация Р. Рейгана исходила из постулата о неизбежном противостоянии демократической западной и советской тоталитарной систем. По утверждению Р. Рейгана, «все региональные конфликты вызваны были местными спорами, но им присуща одна общая черта: они являлись последствием навязывания идеологии извне, что сеяло рознь между странами и создавало режимы, которые практически со дня своего прихода к власти вели войну против своих собственных народов»¹.

Таким образом, президент США признавал региональные конфликты специфическим проявлением блокового противостояния. В решении региональных конфликтов американская администрация, в соответствии с её заявлениями, стояла на позиции защиты прав человека, демократии и свободы. В сущности, стратегия «распространения демократии» была средством вытеснения коммунистической идеологии и утверждения американского влияния.

Военные и невоенные методы «распространения демократии»

Говоря о стратегии «распространения демократии» как идеологическом методе борьбы, администрация Р. Рейгана открыто заявляла о возможности использования силы в вопросе решения региональных конфликтов. В частности, в одном из публичных выступлений заместитель госсекретаря США по политическим вопросам М. Армакост подтвердил, что Соединенные Штаты всегда исходили из убежденности в наличии «существенной взаимосвязи между военной силой и эффективной дипломатией»².

Истоки данной политики восходят к первому президентскому сроку Р. Рейгана, когда «распространение демократии» силовыми методами

считалось нормой. 14 января 1983 г. было обнародовано президентское решение № 77, сущность которого состояла в постулате о «наращивании способности правительства США содействовать распространению демократии»³. 8 марта 1983 г. сенат США поддержал президента своей резолюцией № 15 «Мир посредством силы». 9 марта 1983 г. аналогичную резолюцию № 83 приняла палата представителей американского конгресса. В основу этих документов легла внешнеполитическая платформа «Национальная стратегия мира посредством силы»⁴, разработанная правоконсервативной частью американского истеблишмента.

Данная доктрина служила основой региональной политики администрации США не только в 1980-е гг., но и в последующие периоды. В частности, известные американские политологи, представляющие внешнеполитическую элиту Соединенных Штатов, Дж. Киркпатрик и А. Джерсон заявляли о законности военного вмешательства США в «третьем мире» в целях защиты интересов Соединенных Штатов и обеспечения прав человека⁵. На аналогичных позициях стояла группа авторов во главе с У. Ханом⁶ в отношении решения, в частности, центральноамериканской проблемы.

Американские внешнеполитические идеологи заявляли, что США должны оказывать военную помощь «антикоммунистическим движениям, где бы то ни было, включая борцов за свободу»⁷. «Соединенные Штаты и свободный мир должны иметь превосходство на море для защиты морских коммуникаций, помогать борцам за свободу в их усилиях по освобождению своих стран»⁸.

Пытаясь утвердить правомерность своего внешнеполитического курса, администрация Р. Рейгана постоянно оказывала давление на мировое сообщество. В частности, на юбилейной 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 октября 1985 г. Р. Рейган выступил со специальным докладом, где изложил свой «новый план урегулирования региональных конфликтов»⁹. Президент США заявил, что Америка будет приветствовать возвращение «любой страны в мировую экономику и, несмотря на прошлые разногласия с режимами этих государств, откликнется на их демократическое примирение с собственными народами, на уважение ими прав человека, на их возвращение в семью свободных народов»¹⁰.

Изменившаяся внешнеполитическая ситуация во второй половине 1980-х гг. укрепила позиции США и способствовала более успешной реализации стратегии «распространения демократии». Региональная политика Соединенных Штатов второй половины 1980-х гг. в форме «борьбы за свободу во всём мире» против «тоталитаризма» была изложена в послании Р. Рейгана конгрессу от 14 марта 1986 г.¹¹ и получила развитие в представленных конгрессу в январе 1987 и 1988 гг. докладах «Стратегия национальной безопасности США»¹².

Учитывая меняющуюся внешнеполитическую ситуацию, американская администрация

предусматривала возможность активно использовать для решения региональных конфликтов несиловые методы «распространения демократии» «с целью повернуть вспять продвижение коммунизма»¹³ и утвердить собственное влияние в том или ином регионе.

К несиловым методам распространения демократии и таким образом решения региональных конфликтов в интересах США американская внешнеполитическая элита относилась, прежде всего, пропаганду западных ценностей, демонстрацию преимуществ западной экономики и, соответственно, дискредитацию СССР. Решение данных задач предполагалось за счёт расширения радиопропаганды, дальнейшей активизации работы радиостанций «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа», спутникового телевидения. Вашингтоном предусматривалось, кроме того, использовать для распространения американских ценностей и образа жизни научные конференции, обмен студентами и преподавателями, в целом различного рода специалистами, выставки, сферу отдыха и развлечений, развивать сеть американских культурных центров, школ, библиотек.

Однако заявления Соединенных Штатов о защите свободы и демократии как высшей гуманитарной ценности, стоящей вне государственных интересов, являлись в действительности средством защиты именно национальных интересов в том или ином региональном конфликте. Говоря о борьбе за демократию, Вашингтон вступал в противоречия с собственными стратегическими установками, так как прямо заявлял о силовом давлении на те страны, которые отказывались урегулировать существовавшие региональные конфликты на американских условиях. В частности, Р. Рейган в ежегодном послании конгрессу «О положении страны» от 27 января 1987 г., заявляя о «руководящей роли» США, сказал: «Мы не будем бездействовать, если наши интересы окажутся под угрозой»¹⁴.

Таким образом, политика Р. Рейгана отличалась двойственностью. Если не удавалось «распространять демократию» невоенными средствами, президент США считал вполне допустимым использовать силу, указывая что «дипломатия, не поддерживаемая силой, это пустые разговоры»¹⁵. В соответствии с данным заявлением администрация Р. Рейгана для поддержки демократических сил, с одной стороны, осуществляла поставки оружия и оказывала финансовую поддержку афганским оппозиционным силам, никарагуанским «контрас», группировке УНИТА в Анголе, Сианука и Сон Санна в Камбодже, поддерживала на высоком уровне американское военное присутствие в Южной Корее, сосредоточила военно-морские силы США в Персидском заливе. С другой стороны, во второй половине 1980-х гг. в связи с новой международной обстановкой, прежде всего в силу изменения внутренней и внешней политики СССР, администрация Р. Рейгана сместила акценты в

своей внешней политике и стала использовать стратегию «распространения демократии» и как одно из главных невоенных средств достижения мирового лидерства.

На Генеральной Ассамблее ООН в 1985 г. Р. Рейган заявил: «Наша цель – достижение политических урегулирований, основанных на прекращении военных действий, быстром выводе иностранных вооруженных сил и обеспечении действительного национального примирения»¹⁶ [13], предполагающего компромисс, терпимость и развитие демократических традиций американского образца.

Усилия США по прекращению действий советского военного контингента в Афганистане

Одной из главных проблем для США была задача прекращения советского военного присутствия в Афганистане. «То, что происходит на этой далекой земле, – заявлял Р. Рейган, – жизненно важно для нашей страны. В самом деле, борьба в Афганистане имеет стратегическое значение»¹⁷.

Изначально превалировало стремление решить проблему Афганистана военным путём, однако в период своего второго президентства Р. Рейган говорил о «необходимости политического решения афганской проблемы, включающего быстрый вывод войск из Афганистана и самоопределение для афганского народа»¹⁸. Говоря о самоопределении, американский президент, несомненно, рассчитывал на приход к власти в Афганистане проамериканских сил. Призывая к содействию демократии, американская администрация считала вполне допустимым оказывать военную помощь афганским оппозиционным группировкам. На эти цели администрация Р. Рейгана израсходовала более «1 млрд долларов, что было самой крупной помощью любому оппозиционному движению в странах третьего мира»¹⁹.

В ноябре 1987 г. Р. Рейган заявил, что «целью США остаётся независимый Афганистан, чей народ выбирает форму правления по своему желанию», и подтвердил, что «пока силы сопротивления продолжают сражаться, поддержка Соединенных Штатов, которую они оказывают сопротивлению, будет усилена, а не прекращена»²⁰.

Под флагом демократизации США стремились утвердить свое влияние в Афганистане. При этом развитие демократии в виде принятия абстрактных гуманитарных ценностей не интересовало США. Так, Вашингтон отрицательно отреагировал на выдвинутую правительством Афганистана в январе 1987 г. инициативу общенационального примирения. Р. Рейган заявлял: «Национальное примирение при правительстве, где ведущие позиции занимают коммунисты, с его заранее предопределённым исходом – это фарс, на который силы сопротивления, беженцы и народ Афганистана никогда не пойдут»²¹.

Решение проблемы Афганистана демократическим путём, не гарантирующим утверждение демократии проамериканского образца, не соответствовало целям США. Данная позиция активно пропагандировалась в американской прессе. «Wall Street Journal» на своих страницах писала: «Наилучшее, что сейчас может сделать американская администрация, – это продолжать то, что она делала с самого начала: без лишнего шума наращивать военную поддержку моджахедам, заверяя мир в том, что США поддержат в Кабуле лишь правительство, избранное афганским народом»²².

Однако двойственная политика Белого дома вызывала часто негативную реакцию в американском обществе. Так, «The New York Times» отмечала: «Если Москва готова согласиться с вариантом урегулирования, предложенным ООН, то Вашингтону следует приветствовать это решение как избавление и пойти на прекращение помощи сопротивлению, как только начнется вывод»²³.

Следует отметить, что в 1985–1988 гг. позиция советского руководства в вопросе о региональных конфликтах сильно эволюционировала. Советским руководством был пройден путь от отказа принять в свой адрес какую-либо критику, до её признания и подтверждения готовности к совместным действиям с США в урегулировании региональных конфликтов.

К январю 1988 г. в результате работы в Женеве экспертов двух стран американской стороне стало ясно, что «М. Горбачев готов без всяких условий вывести войска из Афганистана»²⁴.

В результате изменившейся международной обстановки, смены внутри- и внешнеполитического курса СССР, 14 апреля 1988 г. были подписаны женевские соглашения о политическом урегулировании обстановки вокруг Афганистана. СССР и США стали гарантами этих договоренностей. Президент Р. Рейган заявил, что «эти соглашения отвечают интересам США»²⁵, прежде всего потому, что они позволили Соединенным Штатам «поддерживать силы афганской оппозиции»²⁶.

На московской встрече (май-июнь 1988 г.), где по инициативе Р. Рейгана региональным конфликтам было уделено значительное внимание, М. Горбачев заверил президента США о «готовности СССР к сотрудничеству с Соединенными Штатами и другими странами в урегулировании конфликтов в Центральной Америке, Персидском заливе и Анголе»²⁷.

Ирано-иракский конфликт и усиление позиций США в регионе

Стремление Соединенных Штатов к урегулированию региональных конфликтов путем «распространения демократии» американского образца практически всегда носило прагматический характер. Применительно к Афганистану Белый дом неоднократно заявлял о своих целях:

«У Соединенных Штатов есть жизненно важные интересы в Персидском заливе. Они включают поддержание безопасности дружественных умеренных государств, сдерживание радикальных сил, предотвращение советской экспансии, что, главное, должно гарантировать свободную перевозку нефти»²⁸.

Исходя из этих же позиций, США интересовал конфликт между Ираном и Ираком. Война в регионе ставила под угрозу функционирование важнейших морских коммуникаций, по которым Соединенные Штаты получали необходимую им нефть. США стремились установить контакты с умеренными иранскими деятелями, которые могли бы прийти к власти в Иране после Хомейни, рассчитывая, что с их помощью удастся восстановить собственные утраченные с падением шахского режима позиции и, соответственно, не допустить ирано-советского сближения.

Указанные задачи ставились администрацией Р. Рейгана, в частности, в рамках негласной «ирангейтской операции» в 1985–1986 гг. Поставки Соединенными Штатами вооружений Тегерану представлялись как «инициатива с целью возобновить отношения с народом Ирана, положить конец войне между Ираном и Ираком, снизить государственный терроризм, добиться возвращения всех заложников»²⁹. Вопрос защиты прав человека стал для США идеологическим оформлением внешней политики Вашингтона в рамках стратегии «распространения демократии».

Однако ставшие достоянием обществественности тайные поставки США оружия в Иран заставили администрацию Р. Рейгана внести коррективы в свой внешнеполитический курс.

США усилили военное и экономическое давление на Иран. Одновременно Соединенные Штаты, используя экономические и военные трудности, испытываемые Ираком в связи с войной, старались подтолкнуть Багдад к отказу от активной антиамериканской политики.

Признание Ираном 18 июля 1988 г. резолюции 598 СБ ООН, прекращение с 20 августа огня между Ираном и Ираком, начало прямых переговоров с 25 августа в Женеве между конфликтующими сторонами Вашингтон объявил результатом сочетания дипломатического давления США и военного присутствия западных стран в Персидском заливе. Официальную позицию Соединенных Штатов представил заместитель госсекретаря США Р. Уильямсон, заявив о крупном успехе американской политики: «Именно развертывание ВМС США в Персидском заливе, а также дипломатическая изоляция Ирана привели к признанию Ираном положений резолюции 598 и к его согласию на прекращение огня»³⁰.

Соединенные Штаты, таким образом, стремились на уровне мирового сообщества добиться легализации, признания своего единоличного права на военное и политическое давление на Иран и Ирак в целях изменения их внутренней и внешней

политики, чтобы создать благоприятные условия для американского присутствия и, соответственно, контроля в регионе.

Усилия по «распространению демократии» в Латинской Америке

Американских политиков беспокоило то, что вслед за Кубой, Гренадой и Никарагуа по «принципу домино» в ряде других центрально-американских стран к власти могли прийти прокоммунистические или антиамериканские силы, поддерживаемые СССР. Так, говоря о защите свободы и демократии, в июле 1987 г. Р. Рейган заявил: «Мы не собираемся стоять в стороне и смотреть, как наших соседей в Центральной Америке включают в список угнетенных народов»³¹. Стратегия «распространения демократии» имела вполне конкретное материальное воплощение. В целях поддержки и одновременного воздействия на проамериканские правительства региона США широко использовали программы экономической и военной помощи. В 1987-м финансовом году Соединенные Штаты предоставили странам Центральной Америки и Карибского бассейна в виде такой помощи 1,2 млрд долларов, в 1988-м финансовом году – 1,4 млрд долларов.

Данными методами «распространения демократии» американская администрация не ограничивалась. В странах Центральной Америки на постоянной основе дислоцировалось около 30 тыс. американских военнослужащих. В период с 1985 по 1988 г. США провели в районе Центральной Америки и Карибского бассейна около 30 военных маневров, активно использовали подрывные акции по линии спецслужб³².

Стратегия «распространения демократии» использовалась администрацией Р. Рейгана для решения конкретных прагматических задач. Президент США об этом говорил прямо: «Это вопрос национальной безопасности, первостепенной важности: будет ли позволено Советскому Союзу основать подрывную базу и военный плацдарм на материке Северной Америки? Никарагуанские военные базы могут быть использованы для ударов по нашим морским путям в Карибском море, путям, по которым проходит почти половина нашей внешней торговли и половина нашего импорта нефти; но гораздо больший риск возникает от угрозы, что коммунисты будут продолжать распространять собственную идеологию среди своих соседей»³³.

Основные действия США были направлены на поддержку оппозиционных сил в Никарагуа («контрас»). Методы борьбы были самые разные. Активно использовался бойкот, обучение, оснащение и засылка вооруженных формирований, которых насчитывалось в общей сложности в разное время до 15–20 тыс. человек. Администрация Р. Рейгана затратила около 310 млн долларов

на реорганизацию политической и военной структуры вооруженных формирований оппозиции («контрас»), подготовку их американскими военными специалистами в учебных центрах США, на территории Гондураса, Коста-Рики и Панамы, увеличение поставок вооружений и улучшение их материально-технического обеспечения³⁴.

США заявляли о поддержке гватемальских договоренностей³⁵, однако, фактически, действия администрации Р. Рейгана по защите демократии сводились к требованиям прекращения любых взаимоотношений Никарагуа с СССР и другими социалистическими странами. В частности, Р. Рейган заявлял: «Политика Соединенных Штатов в отношении Никарагуа будет основываться на готовности этого государства учесть наши требования по поводу тесных связей правительства Никарагуа с Кубой и СССР, наращивания вооруженных сил, поддержки подрывных действий и терроризма, репрессий внутри страны и отказа вести переговоры на основе доброй воли с его соседями и с собственным народом»³⁶.

Однако в результате мирных инициатив сандинистского правительства вторая администрация Р. Рейгана вынуждена была маневрировать и корректировать свою центральноамериканскую политику.

В марте 1988 г. между представителями сандинистского правительства и силами сопротивления было достигнуто соглашение о прекращении огня с 1 апреля 1988 г. сроком на 60 дней. Администрация Р. Рейгана была вынуждена «приветствовать прекращение огня в Никарагуа, однако отвергла предложение сандинистов о прямых переговорах между Никарагуа и США и заявила, что и впредь будет продолжать поддерживать никарагуанские демократические силы сопротивления»³⁷.

Таким образом, урегулирование ситуации в Никарагуа без участия США и, следовательно, без закрепления американских позиций в регионе отвергалось Вашингтоном. Стратегия «распространения демократии» рассматривалась Соединенными Штатами как средство утверждения собственных позиций в мире. Для США демократическим могло быть только то правительство, чья политика отвечала интересам Соединенных Штатов.

Укрепление позиций США на Ближнем Востоке

В ближневосточном урегулировании США также использовали стратегию «распространения демократии», трактуя ее, прежде всего, как право наций на самоопределение. Однако использовалось оно односторонне, с точки зрения защиты интересов Израиля, который занимал проамериканскую позицию в противовес арабским государствам, ориентировавшимся на СССР. «Дорога к миру лежит через двусторонние переговоры между Израилем и его соседями, включая пред-

ставителей палестинцев», – утверждал Р. Рейган на встрече с И. Шамиром в Вашингтоне в феврале 1987 г.³⁸

В феврале 1988 г. был представлен «новый американский план» для Ближнего Востока, или «план Шульца»³⁹. В соответствии с ним палестинцы должны были быть представлены в составе иордано-палестинской делегации, которая в течение шести месяцев должна была обсуждать с Израилем меры переходного периода на оккупированных территориях, а затем в течение года вести переговоры об определении их окончательного статуса. 15 ноября 1988 г. на чрезвычайной сессии Национального совета Палестины в Алжире была принята политическая декларация, в которой фактически признавалось право Израиля на существование. США были вынуждены признать, что ООП выполнила давно выдвинутые условия Соединенных Штатов. В связи с этим 14 декабря 1988 г. США приняли решение пойти на прямую диалог с ООП, вести который поручено было посолу Соединенных Штатов в Тунисе, где находилась штаб-квартира ООП⁴⁰. В целом администрация Р. Рейгана по вопросам ближневосточного урегулирования сохраняла основные принципиальные положения «плана Рейгана»⁴¹ и развивающего его «плана Шульца». При этом США выдвигали идею полной автономии Западного берега и Газы, но отказывали палестинскому народу в праве на самоопределение вплоть до создания независимого государства, считая единственно приемлемым вариантом образование конфедерации палестинских территорий с Иорданией.

Подобная постановка вопроса не позволила найти взаимоприемлемого решения для участников конфликта. Однако США добились для себя куда более главного решения – усиления собственного влияния в регионе и подрыва позиций СССР.

Урегулирование в Анголе по американскому сценарию

С позиций распространения своего влияния в регионе США подходили и к урегулированию конфликта в Анголе. Заявляя о защите свободы, Соединенные Штаты оказывали помощь ангольской антиправительственной группировке УНИТА, связывая с ней демократизацию в Анголе, путем изменения существующего политического режима. С этой целью администрация Р. Рейгана предоставила УНИТА через Заир и ЮАР 15 млн долларов в рамках так называемой программы помощи. В июне 1987 г. Белый дом уведомил конгресс о намерении предоставить УНИТА дополнительную помощь в размере 15 млн долларов. Аналогично администрация США поступила и в 1988 г.⁴²

Путь «примирения» МПЛА с УНИТА во второй половине 1980-х гг. считался наиболее

предпочтительным. При этом Вашингтон ставил задачу добиться фактического признания УНИТА наравне с законным правительством Анголы. Интенсивные анголо-американские контакты по урегулированию на Юге Африки начались с лета 1987 г., в которых с января 1988 г. в ограниченном объеме принимали участие представители Кубы.

В мае 1988 г. в Лондоне начались переговоры о всеобъемлющем урегулировании на Юге Африки между ЮАР и НРА с участием Кубы и при посредничестве США. Переговоры завершились в декабре 1988 г. Стороны согласовали компромиссную форму политического урегулирования в Юго-Западной Африке. Она основывалась на положениях ряда документов и договоренностей: коммюнике о принципах урегулирования (июль 1988 г.), обязательство ЮАР прекратить военные действия на ангольской земле и вывести свои войска из НРА (август 1988 г.), договоренность о графике вывода кубинских войск из Анголы (ноябрь 1988 г.), «Браззавильский протокол» (13 декабря 1988 г.), трехстороннее соглашение между НРА, Кубой и ЮАР о предоставлении независимости Намибии и о выводе войск ЮАР с её территории под контролем ООН и двустороннее анголо-кубинское соглашение о выводе кубинских войск из Анголы (подписаны 22 декабря 1988 г. в Нью-Йорке)⁴³.

В результате США добились решения одного из главных для себя вопросов – вывода кубинских войск из Анголы, что, безусловно, способствовало укреплению влияния Соединенных Штатов на Юге Африки и открывало широкие возможности для активного американского экономического проникновения в регион.

Невоенные методы контроля США в акватории Тихого океана и в Восточной Азии

Американские политики стремились использовать стратегию «распространения демократии» как невоенный метод контроля над ситуацией в акватории Тихого океана и в Восточной Азии. В странах этого региона происходил бурный экономический рост. В США следили за складывающимся балансом сил в регионе и считали, что сюда смещается экономический и политический центр мира и, безусловно, стремились установить здесь собственный контроль.

В частности, в отношении камбоджийской проблемы Р. Рейган в обращении к министрам стран АСЕАН 1 мая 1986 г. заявлял: «Мы продолжаем поддерживать проведение свободных выборов в Камбодже. Мы готовы конструктивно участвовать в региональном урегулировании»⁴⁴. В действительности собственно конфликт в Камбодже интересовал США опосредованно, так как Соединенные Штаты, как заявлял госдепартамент, не были прямо вовлечены в конфликт. Камбоджийская проблема интересовала администрацию

Р. Рейгана прежде всего потому, что она создавала трудности для СРВ и СССР и соответственно обеспечивала Соединенным Штатам преимущества в «холодной войне». В блоковом противостоянии с Советским Союзом, Соединенным Штатам важно было вытеснить СССР и утвердить собственное влияние в Камбодже.

К корейской проблеме администрация Р. Рейгана подходила также с позиции закрепления американского влияния на Корейском полуострове. Для реализации этой цели официальным Вашингтоном ставилась задача не допустить объединения Кореи на коммунистической основе. Именно поэтому Соединенные Штаты пытались добиться долговременного массированного военного присутствия США в Южной Корее. Любые предложения о «сокращении численности войск в Корее»⁴⁵ госдепартамент отвергал, считая возможным подобный шаг лишь в случае развития контактов между Севером и Югом в направлении, отвечающем интересам США, то есть принятия единым государством западной системы управления.

«Распространение демократии» как национальный интерес США

Американская внешнеполитическая элита придерживалась такой точки зрения, что расширение зоны демократии в любом случае на пользу США. Региональные конфликты рассматривались администрацией Р. Рейгана как наиболее перспективные варианты реализации стратегии «распространения демократии».

При этом внешнеполитическая элита Соединенных Штатов никогда не исходила из абстрактного понимания необходимости сохранения и поддержания свободы и демократии. В отношении региональных конфликтов всегда стояла задача обеспечения собственных политических и экономических интересов. Стратегия «распространения демократии» в блоковом противостоянии систем наилучшим образом способствовала достижению указанных целей.

Р. Рейган заявлял, что глобальная обязанность США перед свободой не предписывает им посылать вооружения и войска, но в то же время с удовлетворением подчеркивал: «В отношении региональных конфликтов мы выработали новую политику поддержки демократических повстанцев в их борьбе за самоопределение и права человека в своих странах. Эта доктрина впервые нашла выражение в нашем решении оказать помощь народу Афганистана в его борьбе против советского вторжения и оккупации. Она также частично отразилась в нашем решении оказать помощь народу Никарагуа и заставить правительство сдержать своё обещание о демократическом управлении. Наши последние усилия в Анголе в поддержку борцов за свободу представляют собой наиболее недавнее проявление этой политики»⁴⁶.

Подводя итог своему президентству в конце 1988 г., в радиообращении к нации Р. Рейган указывал: «От Камбоджи до Афганистана и Анголы наша сила, наша помощь тем, кто сражался за свободу, вдохнули новую жизнь в дело мира и свободы и дали жителям этих стран новую надежду»⁴⁷. В сущности, президент США говорил о том, что практически во всех конфликтных ситуациях к концу 1980-х гг. Вашингтону удалось упрочить свой контроль над соответствующими регионами, «поддерживать стабильный региональный баланс с СССР, нейтрализовать усилия Советского Союза по расширению своего влияния в мире и ослабить связи между СССР и его государствами-клиентами в третьем мире»⁴⁸. Эта политика была сколь успешной, столь и прагматичной, поскольку позволяла обеспечить широкий доступ США к иностранным рынкам, источникам энергии, минеральным ресурсам и создать основы для утверждения Соединенных Штатов в качестве единственной сверхдержавы.

Примечания:

- 1 Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P. O. Wash., D.C., 1985. Vol. 21, № 43. P. 1294.
- 2 Arm cost M. Military Power and Diplomacy : The Reagan Legacy. Address before The Air Force Association Convention. Sept. 19, 1988 // Department of State Bulletin. 1988. Nov. P. 40.
- 3 Management of Public Diplomacy Relative to National Security – Full Text of NSDD-77 // The White House, 1983. Jan. 14.
- 4 A Strategy For Peace Through Strength. The American Security Council Foundation. Boston, 1984.
- 5 Right V. Might : International Law and the Use of Force. by L. Henkin and others. N. Y. : Council on Foreign Relations Press, 1989.
- 6 См.: Central America and the Reagan Doctrine / ed. by W. F. Hahn. Wash. : University Press of America, 1987.
- 7 A Strategy For Peace Through Strength. P. 88.
- 8 Ibid. P. 137.
- 9 Weekly Compilation of Presidential Documents. U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1985.
- 10 Ibid.
- 11 См.: Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1986. Vol. 22, № 11. P. 356–364.
- 12 См.: National Security Strategy of the United States, The White House. Wash., D.C., 1987 ; National Security Strategy of the United States, The White House. Wash., D.C., 1988.
- 13 A Strategy For Peace Through Strength. P. 72.
- 14 Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P. O. Wash., D.C., 1987. Vol. 23, № 4. P. 59.
- 15 Reagan R. Freedom, Regional Security and Global Peace. Message to the Congress. March 14, 1986 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1986. Vol. 22, № 11.
- 16 Reagan R. Written Responses to Questions Submitted by Southeast Asian News Organization. May 23, 1988 // Week-

- ly Compilation of Presidential Documents. 1988. Vol. 24, № 21. P. 660.
- ¹⁷ *Reagan R.* Soviet Occupation of Afghanistan. Radio Address to the Nation. December 25, 1985 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1986. Vol. 22, № 2. P. 2.
- ¹⁸ Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1986. Vol. 22, № 53. P. 1675.
- ¹⁹ U. S. News and World Report. 1987. Nov. 30. P. 36.
- ²⁰ Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1987. Vol. 23, № 43. P. 1283.
- ²¹ *Reagan R.* Proclamation 5621. March 20, 1987 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1987. Vol. 23, № 11. P. 282.
- ²² Wall Street Journal. 1988. Jan. 9.
- ²³ The New York Times. 1988. Jan. 9.
- ²⁴ Looking Back on the Reagan Presidency. Baltimore ; L., 1990. P. 76.
- ²⁵ *Reagan R.* Remarks Announcing the Signing of the Afghanistan Accords, April 11, 1988 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1988. Vol. 24, № 15. P. 452–453.
- ²⁶ *Reagan R.* Proclamation 5778 – Afghanistan Day, March 21, 1988 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1988. Vol. 24, № 12. P. 369–371.
- ²⁷ Советско-американская встреча на высшем уровне. Москва, 29 мая – 2 июня 1988 г. М., 1988. С. 10, 11.
- ²⁸ Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1986. Vol. 22, № 19. P. 588.
- ²⁹ *Reagan R.* Address to the Nation. November 13, 1986 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1986. Vol. 22, № 46. P. 1559.
- ³⁰ *Williamson R.* Toward the 21st Century : The Future for Multilateral Diplomacy // Department of State Bulletin. 1988. Dec. P. 56.
- ³¹ Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1987. Vol. 23, № 29. P. 850.
- ³² См.: Budget of the United States Government, Fiscal Year 1988. P. 5/18–5/23. U.S.G.P. O. Wash., D.C., 1988. 20402.
- ³³ *Reagan R.* Freedom, Regional Security and Global Peace. P. 327, 333.
- ³⁴ См.: Central American Peace Plan / August 7. 1987 // Department of State Bulletin. 1987. Oct. P. 59.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ *Reagan R.* Message to the Congress. February 25, 1986 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1986. Vol. 22, № 9. P. 268–269.
- ³⁷ *Reagan R.* Statement on Aid to the Nicaraguan Democratic Resistance. May 24, 1988 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1988. Vol. 24, № 21. P. 658.
- ³⁸ Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1987. Vol. 23, № 7. P. 164.
- ³⁹ См.: Shultz G. Statement for Palestinians in East Jerusalem on February 26, 1988 // Department of State Bulletin. 1988. May. P. 56 ; Idem. Meeting our Foreign Policy Goals // Statement before the Subcommittee of Foreign Operations of the House. March 10. 1988 ; Department of State Bulletin. 1988. May. P. 12–18 ; Idem. Middle East Peace Plan // The Washington Post. 1988. March 18.
- ⁴⁰ *Reagan R.* Statement in the Opening of Diplomatic Talks With the Palestine Liberation Organization. December 14, 1988 // Weekly Compilation of Presidential Documents, 1988. Vol. 24, № 50. P. 1625 ; *Shultz G.* Statement on U. S. Dialogue With PLO. December 14, 1988 // Department of State Bulletin. 1989. Feb. P. 51–53.
- ⁴¹ См.: СССР и ближневосточное урегулирование, 1957–1988 : Документы и материалы. М., 1988. С. 471–472.
- ⁴² *Reagan R.* White House. Statement on the Meeting With J. Savimbi of Angola. June 30, 1988 // Weekly Compilation of Presidential Documents, 1988. Vol. 24, № 26. P. 883 ; *Reagan R.* Address Before the 43d Session of the United Nations General Assembly, September 26, 1988 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1988. Vol. 24, № 39. P. 1208 ; *Shultz G.* Efforts for Peace in Africa. Remarks at a reception in honor of the Organization of African Unity. October 4, 1988 // Department of State Bulletin. Dec. 1988. P. 21.
- ⁴³ Bilateral Agreement Between the People's Republic of Angola and the Republic of Cuba for the Termination of the Internationalist Mission of the Cuban Military Contingent. December 22. 1988 // Department of State Bulletin. 1989. Feb. P. 11–16.
- ⁴⁴ *Reagan R.* Address to the Ministerial Meeting of the Association of South East Asia Nations. May 1. 1986 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 1986. Vol. 22, № 18. P. 565.
- ⁴⁵ The New York Times. 1988. Dec. 6.
- ⁴⁶ Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1987. Vol. 23, № 34. P. 966.
- ⁴⁷ *Reagan R.* Radio Address to the Nation. Sept. 24, 1988 // Weekly Comp. Vol. 24, № 39. P. 1204.
- ⁴⁸ Weekly Compilation of Presidential Documents, U.S.G.P.O. Wash., D.C., 1987. Vol. 23, № 34. P. 4.

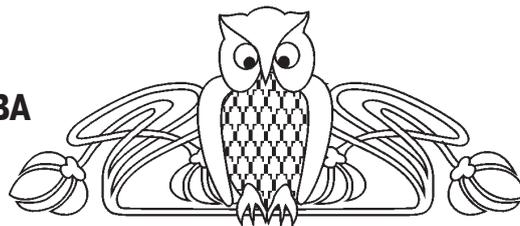

УДК 94(73+861)

США И КОЛУМБИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

Д. В. Петрыкина

Саратовский государственный университет
E-mail: dariadecember@mail.ru

В статье анализируется новейший период развития американо-колумбийского сотрудничества. Автор прослеживает судьбу принятого администрацией Б. Клинтона «Плана Колумбия» в контексте его влияния на политику США в Латинской Америке

Ключевые слова: Андский треугольник, наркобизнес, «План Колумбия», группировка FARC, политика «демократической безопасности».

Modern Stage of Cooperation Between the USA and Colombia

D. V. Petrykina

This article analyzes the newest period of the US-Colombian cooperation. The author investigates «Plan Colombia» adopted by B. Clinton administration and its impact on the U. S. policy in Latin America.

Key words: Andean triangle, drug business, «Plan Colombia», FARC, democratic security policy.

В начале XXI столетия американо-колумбийские отношения достигли нового уровня развития. Особенно активно сотрудничество двух стран развивается в области противостояния наркобизнесу и терроризму. Их совместные усилия также направлены на стабилизацию внутривнутриполитической обстановки в Колумбии, территория которой более полувека охвачена кровопролитной гражданской войной. Столь интенсивные и разносторонние межгосударственные контакты, безусловно, требуют не только объективного осмысления, но и понимания стратегических интересов задействованных в них сторон.

Колумбия – страна, выгодно расположенная на стыке Центральной и Южной Америки¹, оказалась в фокусе внешней политики США в самый разгар «холодной войны». Инициатором внешнеполитического курса, призванного оживить латиноамериканскую политику Вашингтона, стал президент Дж. Кеннеди (1961–1963), обеспокоенный успехами кубинской революции. Уже в начале своей политической карьеры американский лидер объявил об осуществлении широкомасштабной программы региональной помощи, которая получила название «Союз ради прогресса». Одним из постоянных получателей американских субсидий в Латинской Америке стала Колумбия – государство, которое стояло на грани внутренней смуты².

Главной причиной дестабилизации внутри-

политической обстановки в Колумбии явился социально-экономический катарсис. На фоне общей бедности и отсталости в стране набирали обороты деструктивные процессы формирования вооруженных группировок леворадикального (герилья) и праворадикального (парамилитарес) характера. Источником субсидирования внутреннего конфликта стали доходы наркомафии. Волны революций и государственных переворотов, прокатившиеся в послевоенные десятилетия по странам Центральной и Южной Америки, создали неограниченные возможности для производства и экспорта наркотиков, прежде всего кокаина, на североамериканский рынок. В 70-е гг. XX столетия за территорией трех государств Южной Америки – Колумбии, Боливии, Перу (Андский треугольник) – закрепилась репутация основного производителя наркотических препаратов. Сложившийся здесь рынок производства и сбыта наркотиков контролировался двумя мощными колумбийскими картелями – Медельинским и Калийским. Контролируемые ими финансовые потоки стали активно использоваться в политических целях, в частности, как источник финансирования региональных повстанческих формирований.

Война с политизированным наркобизнесом, инициатором которой выступили США, предопределила дальнейшее развитие американо-колумбийских отношений. Создавая новые формы контроля над опасными политическими процессами в регионе, Вашингтон активно поддерживал лояльные колумбийские правительства. Однако в отношениях двух государств были периоды охлаждения. Например, малоэффективным сотрудничеством с США оказалось в годы президентства Эрнесто Сампера Писано (1994–1998)³. Этот колумбийский политик отличался особой коррумпированностью и получил прямые обвинения в использовании денег наркомафии.

Очередной этап в американо-колумбийских отношениях начался на рубеже третьего тысячелетия. К этому времени Колумбия стала третьей страной в мире по размеру получаемой американской помощи, и первой – в Латинской Америке. У истоков углубленного сотрудничества – принятие и реализация «Плана Колумбия». Эта программа родилась по инициативе колумбийского президента Андреса Пастраны Аранго (1998–2002). Её главной целью было прекращение вооруженного конфликта в стране. На осуществ-

вление проекта требовалось 7,5 млрд долларов, из которых 3,5 млрд планировалось получить от мирового сообщества, США и ЕС⁴.

Рождение «Плана» состоялось в ходе предвыборной президентской кампании 1998 г. в Колумбии. В своих политических заявлениях кандидат от Консервативной партии А. Пастрана сделал ставку на мирное урегулирование внутренних проблем. По его мнению, именно низкий уровень жизни колумбийских крестьян провоцировал развитие наркобизнеса и продолжение гражданской войны. Исходя из этого еще до своей победы А. Пастрана совершил поездку в зону конфликта, где провел переговоры с лидером леворадикальной антиправительственной группировки FARC Мануэлем Маруландой⁵. После победы новый президент Колумбии предпринял практические шаги по восстановлению гражданского мира. По его приказу была создана демилитаризованная зона в пяти муниципалитетах южной Колумбии. Однако подобные действия, направленные на создание благоприятного климата для продолжения мирных переговоров, встретили критику со стороны оппозиционной Либеральной партии и военных, полагавших, что уступки повстанцам недопустимы ни при каких обстоятельствах.

С самого начала миротворческая деятельность А. Пастраны опиралась на поддержку администрации Б. Клинтона. В октябре 1998 г., в качестве нового президента Колумбии, он совершил первый, после двадцатилетнего перерыва, официальный визит в Вашингтон. В ходе состоявшихся переговоров президент США приветствовал мужество и решимость своего коллеги, отважившегося на прямые контакты с повстанцами, и выразил готовность оказать необходимую в этом направлении помощь. «Борьба с наркотиками является нашей совместной задачей, – заявил Б. Клинтон на пресс-конференции, – Мы должны сделать больше для наших народов, сильно пострадавших от торговли наркотиками и жестокости»⁶. Хозяин Белого дома выразил надежду, что установленные контакты откроют новую страницу в непростой истории сотрудничества двух американских государств.

Принято считать, что чрезмерное влияние США в регионе привело к изменению стратегии сотрудничества, которая была изложена А. Пастраной в первоначальном варианте «Плана Колумбия». Основанием для подобных рассуждений служит тот факт, что проект программы был написан не на испанском, а на английском языке. К тому же в окончательной редакции «Плана» акцент сделан вовсе не на решение социально-экономических проблем Колумбии, а на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, путем наращивания американской военной помощи. В этой связи справедливо предположение, что колумбийский президент, который изначально рассчитывал на финансовую помощь со стороны США, не мог игнорировать предложений своего «спонсора» и,

вероятнее всего, согласился на коррективы⁷.

Подготовленный уже к октябрю 1999 г., проект соглашения получил название «План мира, процветания и укрепления государства»⁸. В документе провозглашались десять элементов антинаркотической стратегии. В качестве важнейших приоритетов определялись: восстановление экономики; модернизация колумбийских вооруженных сил для эффективного противодействия организованной преступности и повстанческим формированиям; верховенство закона и судебная реформа; борьба с наркобизнесом в тесном партнерстве с другими странами. Показательно, что наращивание переговорных процессов в рамках восстановления «гражданского мира», что являлось одним из приоритетов внутренней политики А. Пастраны, в документе был обозначен лишь в девятом пункте. Разумеется, это обстоятельство существенным образом повлияло на ход переговоров колумбийского правительства с FARC.

Процедура утверждения «Плана Колумбия» в Конгрессе США захватила период с 11 января по 13 июля 2000 г. В тексте документа, представленном администрацией Б. Клинтона, было объявлено о значительном расширении пакета помощи Колумбии. Это означало поддержку стратегии президента А. Пастраны, нацеленной на решение важнейших проблем модернизации страны. Столь щедрый жест объяснялся тем, что США оказались «жизненно заинтересованы в успехе этого плана»⁹. В результате приоритетными направлениями сотрудничества были признаны:

- помощь правительству Колумбии в пресечении выращивания коки в регионах, в которых доминировали повстанческие формирования;
- улучшение возможностей страны в ликвидации торговли кокаином.

Выделяемые США средства предполагалось использовать:

- для закупки радаров, самолетов и модернизации колумбийских аэродромов;
- поощрения выращивания альтернативных сельскохозяйственных культур и создания новых рабочих мест;
- «защиты прав человека, верховенства закона и содействия мирному процессу»¹⁰.

Уже в июле 2000 г. американский президент подписал закон о выделении 1,3 млрд долларов, основная часть которых пошла на оказание военной помощи Колумбии. В общей сложности, по данным Счетной палаты США, в период 2000–2008 гг. американское правительство (в том числе администрация президента Дж. Буша-младшего) выделило в качестве помощи своему латиноамериканскому партнеру 6,1 млрд долларов. Из них – 4,8 млрд на борьбу с незаконным оборотом наркотиков и на усиление безопасности. Более 1 млрд долларов США потратили на реализацию программ экономической помощи Колумбии и на судебную реформу в этой стране¹¹.

Однако колоссальные средства, потраченные

на выполнение «Плана Колумбия», не обеспечили абсолютных результатов. Так, несмотря на дипломатические ухищрения президента А. Пастраны, переговоры с колумбийскими повстанцами оказались малоэффективными. Подписанное соглашение о перемирии – хрупкое и неустойчивое – постоянно находилось на грани срыва и сопровождалось многочисленными инцидентами. В ходе неожиданно возобновляемых акций военизированные формирования по-прежнему совершали громкие убийства, в том числе американских граждан. О неблагоприятном для правительства начале мирных переговоров свидетельствовало также неучастие в них лидеров других влиятельных леворадикальных группировок (прежде всего, ELN) Колумбии¹². В итоге, как констатирует на своих страницах авторитетный еженедельник «The Economist», президент А. Пастрана, неожиданно для многих, в январе 2002 г. объявил о прекращении переговорного процесса. Власти Колумбии потребовали, чтобы подразделения FARC в течение 48 часов покинули буферную зону¹³. Впрочем, вряд ли можно расценить это решение президента в качестве неожиданно-спонтанного. Скорее всего, оно являлось закономерным и опиралось на признание утраты контроля над ситуацией, поскольку переговоры с повстанцами давно зашли в тупик. К тому же миротворческие усилия президента постоянно наталкивались на критику военных и сопровождалась громкими отставками в рядах оппозиционно настроенного колумбийского генералитета.

В ещё большей степени обстановку в Колумбии дестабилизировало присутствие «американского фактора». Военная и экономическая помощь США колумбийскому правительству с самого начала воспринималась повстанческими формированиями негативно. Руководство FARC оценивало американское участие во внутренних делах страны как интервенцию под прикрытием лозунга борьбы с наркотиками, которая сеет смуту. На своем официальном сайте руководство леворадикальной группировки ещё в марте 2000 г. разместило «Открытое письмо Конгрессу и народу США», призывая конгрессменов не голосовать за утверждение «Плана Колумбия»¹⁴.

Теракты 11 сентября 2001 г. в США, а также избрание в Колумбии на пост президента Альваро Урибе Велеса (2002–2010), выпускника Гарварда и сторонника силового решения конфликта, внесли существенные коррективы в дальнейшее исполнение «Плана Колумбия». К тому же новая, республиканская президентская администрация США включила страны Западного полушария в зону глобальной войны с терроризмом. Три колумбийских повстанческих формирования (FARC, ELN, AUC¹⁵) были внесены Государственным департаментом США, а затем и ЕС, в международные списки террористических организаций.

Новый президент латиноамериканской страны, представляющий интересы созданного нака-

нуне выборов общенационального политического движения «Прежде всего – Колумбия», сделал борьбу с повстанцами главным направлением своей деятельности. При этом активизировалась борьба с леворадикальными партизанскими формированиями. В отношении отрядов ультраправых, поддерживающих власти Колумбии в их борьбе с марксистами, была выражена готовность вести переговоры. Подвергнув критике мирные инициативы своих предшественников, А. Урибе предложил новый подход в решении накопившихся проблем, получивший название политики «демократической безопасности». В соответствии с провозглашенной стратегией президент объявил искоренение терроризма приоритетом государственного курса¹⁶. По его мнению, правительство страны должно было вначале достичь военно-стратегического превосходства над партизанскими формированиями, чтобы вернуть их лидеров за стол переговоров. При этом в стороне от политических дискуссий, организованных колумбийскими властями, остался менее привлекательный для общественного мнения финал намеченного противостояния – физическое устранение вождей FARC. Учитывая сложность и длительность всего комплекса мероприятий, А. Урибе не исключал достижения поставленной цели уже после истечения собственных полномочий. Весьма примечательно, что колумбийский президент решительно отвергал любую критику столь жесткого подхода и способов решения конфликта. В интервью каналу ВВС он разъяснил логику собственных действий предельно чётко: «Конечно, мы должны устранить социальную несправедливость в Колумбии... но что в первую очередь? Мир. Без мира нет инвестиций»¹⁷.

Решительные шаги, призванные расширить стратегическое присутствие США в Латинской Америке, предпринимали и пришедшие к власти республиканцы. В частности, в Вашингтоне было принято решение о расширении зоны действия «Плана Колумбия» в рамках Андской региональной инициативы. В 2001 г. президент Дж. Буш обратился к Конгрессу с просьбой выделить 882,3 млн долларов на оказание помощи и на расширение торговых льгот Колумбии, а также Перу, Боливии, Эквадору, Бразилии, Панаме и Венесуэле¹⁸. Центральным элементом обновленной программы стала подготовка и оснащение армии Колумбии для борьбы с наркобизнесом. Отличительной чертой, по сравнению с «Планом Колумбия», являлось направление основной части помощи на социально-экономические проекты. Их реализация предусматривалась не только в Колумбии, но и в соседних странах, также вовлеченных в войну с наркобизнесом.

Часть средств, согласно «Плану Колумбия», поступала на счета Агентства США по международному развитию (USAID) для финансирования программ, содействующих альтернативному развитию. Они предусматривали обеспечение

легальных доходов и возможность трудоустройства для мелких фермеров путем участия в специальных проектах. Такое финансирование было тесно привязано к предварительной ликвидации посевов коки, а также к разработке агротехнических программ по выращиванию альтернативных сельскохозяйственных культур (например, кофе). Несмотря на первоначальные успехи, деятельность агентства столкнулась с немалыми трудностями. Программы по альтернативному развитию распространялись не на все районы Колумбии, в которых выращивалась кока. К тому же получить причитающуюся финансовую помощь обычному фермеру было весьма не просто¹⁹.

Несмотря на отмеченные выше издержки, «План Колумбия» оказался достаточно эффективным. Об этом свидетельствует ситуация в современной Колумбии, которая заметно отличается от трагических потрясений прошлых десятилетий. Миротворческая политика не менее активно осуществляется новым президентом Колумбии, который предпринял очередную попытку переговоров с повстанческими формированиями. Летом 2012 г., в своём телевизионном обращении к нации, президент Хуан Мануэль Сантос Кальдерон заявил: «С первого дня работы моей администрации я стремился выполнить мой конституционный долг – достичь мира в стране. Для этого мы начали предварительные консультации с организацией FARC о возможном окончании вооруженного конфликта»²⁰. Важность подобного диалога очевидна. Его своевременность продиктована самой обстановкой, сложившейся по итогам вооруженного противостояния на территории Колумбии. Она может быть названа тупиковой, поскольку правительство и повстанцы уже не в состоянии одержать окончательную победу. В 2008 г. умер М. Маруланда, идейный и военный вдохновитель леворадикального движения в Колумбии. Более того, за последние годы силовым структурам Колумбии удалось ликвидировать практически всю верхушку герильи (Альфонсо Кано, Рауль Райес). Такие результаты, во многом обеспеченные реализацией «Плана Колумбия», позволяют надеяться на завершение, пусть и не слишком скорое, многолетней войны.

В адрес американских программ по борьбе с наркобизнесом в Латинской Америке раздавалось и раздается немало критических замечаний. Все чаще они вызывают опасения политических лидеров региона, которые усматривают в них реальную угрозу собственным национальным интересам²¹. Сложности и даже провал региональным программам помощи предсказывал такой авторитетный аналитик, как Г. Киссинджер. По его мнению, «План Колумбия» был обречен на неудачу, поскольку акцент делался исключительно на военном решении проблемы. По словам Киссинджера, только предоставление возможности крестьянам выращивать иные, помимо коки, сельскохозяйственные культуры может прекратить производ-

ство наркотиков. Он также обращал внимание на необходимость реформы местного уголовного законодательства и на более интенсивное сотрудничество с США. Наконец, политик предостерегал об опасности разобщения усилий стран региона, которые, в отличие от Боготы, слишком заняты проблемами, либо опасаются усиления американского влияния²².

Таким образом, хотя производство наркотиков в Колумбии продолжается, его масштабы значительно снизились. Опираясь на поддержку США, колумбийские власти, медленно, но верно возвращают контроль над территорией собственного государства. В наши дни повстанческие формирования теряют поддержку местного населения, измученного гражданской войной и противостоянием соперничающих группировок. Революционные лозунги FARC уже не столь популярны, а колумбийские партизаны оттеснены в глухие и труднодоступные районы, граничащие с Эквадором и Венесуэлой. На современном этапе гражданский конфликт в Колумбии по-прежнему подпитывают нерешенные социально-экономические и политические проблемы: бедность, отсталость, неграмотность, отсутствие демократических традиций.

Роль США в отношениях с Колумбией и другими государствами Латинской Америки, безусловно, следует оценивать с точки зрения геополитических приоритетов Вашингтона – сохранения глобального влияния и обеспечения национальной безопасности. Не менее важной задачей для американских политиков, в рамках уже налаженных региональных контактов, является избавление собственных граждан от наркотической зависимости. Общность стратегических задач, связывающая интересы стран Андского региона и США в сфере противостояния бедности, наркобизнесу и терроризму, будет способствовать сохранению между ними весьма тесных, но не простых партнёрских отношений.

Примечания

- 1 До начала XX столетия (1903) в состав Колумбии входила территория современной Панамы (Центральная Америка), которая провозгласила независимость, пользуясь покровительством США.
- 2 См.: *Taffet J. F. Foreign Aid as Foreign Policy : the Alliance for Progress in Latin America*. N.Y., 2007.
- 3 *R. Crandall. Driven by Drugs : US Policy Toward Colombia*. Boulder, 2008. P. 2. URL: <https://www.rienner.com> (дата обращения : 07.09.2012).
- 4 Деловая Колумбия. Экономика и связи с Россией в 1999–2001 гг. Т. 1. М., 2002. С. 10–11.
- 5 FARC (Революционные вооружённые силы Колумбии – Армия народа) – крупнейшая левая повстанческая группировка, сформированная в 1964 г. С ней соперничает ELN – Армия национального освобождения.
- 6 The President's News Conference with President Andres

- Pastrana of Colombia. Oct. 28, 1998. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu> (дата обращения : 07.09.2012).
- ⁷ См.: *Avilés W.* US Intervention in Colombia: The Role of Transnational Relations // *Bulletin of Latin American Research*. 2008. Vol. 27, №. 3. P. 419. URL: <http://www.neiu.edu> (дата обращения : 07.09.2012).
- ⁸ Presidency of Colombia. «Plan Colombia : Plan for Peace, Prosperity, and the Strengthening of the State». Bogotá, Colombia (1999) URL: http://www.mamacoca.org/junio2001/plan_colombia_en.htm (дата обращения: 07.09.2012).
- ⁹ White House Fact Sheet on Colombia Assistance Package. (U.S. aid to Colombia has five major components). 11 January, 2000. URL: <http://www.fas.org> (дата обращения: 07.03.2012).
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Plan Colombia. Drug Reduction Goals Were Not Fully Met, but Security Has Improved; U. S. Agencies Need More Detailed Plans for Reducing Assistance // U. S. Government Accountability Office. Washington. D.C., 2008. Oct. P. 15. URL: <http://www.gao.gov/> (дата обращения : 03.09.2012).
- ¹² The Peace Process in Colombia and U. S. Policy // Woodrow Wilson International Center for Scholars. 2000. May. URL: <http://int.wilsoncenter.dev> (дата обращения: 07.09.2012).
- ¹³ End of the road? Colombia's peace process. (A halt to Colombia's peace process) (President Andres Pastrana ends peace talks with the Revolutionary Armed Forces of Colombia) (Brief Article) // *The Economist*. 2002. January 12.
- ¹⁴ Открытое письмо Конгрессу и народу США. 29 марта, 2000 г. URL: <http://www.farc.narod.ru> (дата обращения: 08.09.2012).
- ¹⁵ AUC – Объединенные силы самообороны Колумбии, праворадикальная группировка.
- ¹⁶ Colombia: President Uribe's Democratic Security Policy // International Crisis Group, Latin America Report. 2003. 13, November. Bogotá/Brussels. URL: <http://www.crisisgroup.org> (дата обращения: 08.09.2012).
- ¹⁷ Uribe defends security policies, BBC News, 18 November 2004. URL: (дата обращения : 08.09.2012).
- ¹⁸ *K. Larry Storrs, Nina M. Serafino.* Andean Regional Initiative (ARI) : FY2002 Supplemental and FY2003 Assistance for Colombia and Neighbors // CRS Report for Congress. 2002. June 12. Washington. D. C. P. 1–2. URL: <http://www.iwar.org.uk> (дата обращения: 08.09.2012).
- ¹⁹ Plan Colombia. Drug Reduction Goals Were Not Fully Met... P. 2.
- ²⁰ Цит. по: *Крючков И.* Колумбия завершает полвека терроризма и наркографика. Президент страны объявил о переговорах с марксистскими боевиками FARC // Московские ведомости. 2012. 28 авг. URL: <http://mn.ru> (дата обращения : 08.09.2012). Хуан Мануэль Сантос Кальдерон, бывший министр национальной обороны Колумбии, занял пост президента 7 августа 2010 г.
- ²¹ В своих комментариях, озвученных 1 сентября 2000 г., президент Венесуэлы У. Чавес предостерег, что «План Колумбия» может привести к «новому Вьетнаму». URL: <http://www.tiwy.com> (дата обращения: 07.03.2012).
- ²² *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика : пер. с англ. М., 2002. С. 85–91.

УДК [94:327] (560+4)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ТУРЕЦКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Ю. В. Маврина

Саратовский государственный университет
E-mail: mavrinajv@mail.ru

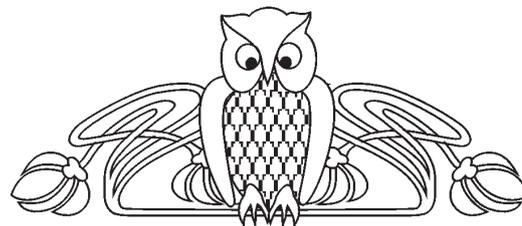
Статья посвящена изучению вопроса вступления Турецкой Республики в ЕС. В ней анализируются основные проблемы и перспективы евроинтеграции Турции. Также рассматриваются реформы, проведенные турецким правительством в целях соответствия Копенгагенским критериям, и отношение европейских политиков к принятию Турции в Евросоюз.

Ключевые слова: Турция, Европейский союз, членство в ЕС, Партия справедливости и развития.

European Vector of Turkish Foreign Policy

Yu. V. Mavrina

The article focuses on the issue of Turkey's EU accession. It examines the main problems and prospects of Turkish integration with the EU. It also presents the reforms of Turkish government with a view to match the Copenhagen Criteria and the attitude of European politicians towards the accession of Turkey to the European Union.

Key words: Turkey, European Union, EU membership, Justice and Development Party.

С приходом к власти в Турции в 2002 году Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом внешняя политика Анкары стала вызывать повышенный интерес в мире. Уже тогда политическая элита страны заявила о стремлении изменить внешнеполитические ориентиры Турции и вместе с ними ее международный имидж.

Премьер-министр Эрдоган сделал своей главной целью вступление Турции в Европейский союз. Мусульманская Партия справедливости и развития Эрдогана стала решать такие сложные вопросы, как права меньшинств и свобода слова, чтобы Турция стала ближе к западным нормам¹.

На саммите в Копенгагене, в декабре 2002 года, ЕС обрисовал политические и экономические условия, которые Анкара должна удовлетворить, прежде чем начнутся формальные переговоры о вступлении. Так называемые копенгагенские критерии требовали, чтобы у Турции была действующая рыночная экономика и стабильные институты, которые гарантировали бы демократию, верховенство закона и права человека.

Подталкиваемая ЕС, Турция провела законодательную и конституционную реформы, делая политическую систему более либеральной и ослабляя ограничения свободы СМИ, свободы объединений и свободы выражения. Турция подписала и ратифицировала Протоколы № 6 и № 13 европейской Конвенции по правам человека. Была отменена смертная казнь и приняты меры, способствующие независимости судебной власти, прекращено применение пыток в ходе полицейских расследований и реформирована тюремная система, приняты поправки к Уголовному и Административно-процессуальному кодексам.

В 2003 году турецкое правительство во главе с ПСР, завоевавшей парламентское большинство, начало сложный процесс пересмотра системы отношений между военными и политическими кругами с тем, чтобы приблизить их к стандартам ЕС. Согласно реформированному закону генерального секретаря Совета национальной безопасности назначает премьер-министр, т. е. эту должность должно занимать гражданское лицо. В соответствии с новой процедурой заседания Совета возглавляет президент, а в случае его отсутствия – премьер-министр. Представитель СНБ был выведен из состава управления по контролю за кино-, видео- и музыкальной продукцией.

Постепенно были ликвидированы суды государственной безопасности, приговоры которых не подлежали обжалованию. Введена процедура обжалования судебного приговора в Европейском суде по правам человека, если его положения противоречат европейским правовым конвенциям. В 90-й статье Конституции закреплён приоритет актов Европейского суда над местным законодательством².

Эти изменения были отнюдь не случайны, поскольку в ежегодных докладах ЕС по кандидатуре Турции главным требованием выдвигалось соответствие турецкой конституции таким ценностям, как демократия, свободы и верховенство права.

12 сентября 2010 года в Турции прошёл всенародный референдум, по итогам которого был принят пакет конституционных поправок, включавший 26 статей. Поправки в статьи Конституции 1982 года предусматривали расширение прав женщин, детей, инвалидов, право на забастовки для государственных служащих, расширение прав профсоюзов, неприкосновенность личной информации, касаются судебной системы, во-

енной структуры, изменения положения армии в политической жизни общества³.

В совокупности все эти реформы привели к расширению гражданского контроля над военной элитой и практически укрепили власть правящей партии. Однако несмотря на все законодательные поправки и структурные изменения, турецкие военные пока ещё сохраняют значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Несомненно, здесь следует учитывать тот фактор, что многие десятилетия военные круги являлись гарантом стабильности и незыблемости светских устоев Турецкой Республики. Поэтому для того чтобы полностью отстранить армию от участия в политической жизни страны, потребуются не только кардинальные преобразования, но и доверие турецкого народа правящей партии.

Таким образом, внесенные поправки явились лишь переходным этапом, так как не в полной мере удовлетворяли стандартам ЕС. Перед руководством Турецкой Республики стояла в тот момент непростая задача разработки новой Конституции, не только отвечающей европейским критериям, но и учитывающей позиции турецкого общества.

Во время правления ПСР был также сделан шаг вперед в сфере защиты и продвижения прав курдов, которые составляют пятую часть населения Турции. Парламент Турции отменил чрезвычайное положение в юго-восточных провинциях, исключил из закона о борьбе с терроризмом восьмую статью, предусматривающую тюремное заключение за пропаганду, наносящую ущерб целостности государства. В 2009 году Государственная телерадиокомпания Турции /TRT/ частично начала вещание на курдском языке. В том же году Совет по высшему образованию Турции принял решение о создании нового университета, где будут изучаться курдский язык и литература. До недавнего времени не только преподавание, но и общение в публичных местах на курдском языке преследовалось законом. Курдский язык начал преподаваться в турецких школах в качестве факультативного предмета⁴.

Конечно, эти преобразования не решат «курдской проблемы», урегулирования которой требуют от Турции европейские политики. Для достижения определенных результатов по этому вопросу необходимо налаживание конструктивного диалога с лидерами рабочей партии Курдистана, чего Эрдоган пока еще не спешит делать. И все-таки даже то, что сделано, можно считать обнадеживающим началом.

В сфере экономики ПСР сократила безудержную инфляцию (уже к середине 2004 года инфляция сократилась на 13%, это самый низкий уровень за почти 30 лет). Значительно повысился уровень жизни турецких граждан. По оценкам Всемирного банка, он поднялся «выше среднего». Так, в 2002 году, когда правительство только приступило к реформированию экономики, ВВП на

душу населения составлял \$3 560. За десять лет он вырос до \$10,444⁵. Не оставляет сомнений, что такой скачок является очевидным успехом экономической стратегии страны. Достигнут стабильный рост экономики на уровне 8% в год. Значительно увеличился поток иностранных инвестиций, что свидетельствует о росте доверия иностранного бизнеса к турецкому рынку. Турция является членом G-20, а, как известно, в этом закрытом клубе избранных случайных не бывает. Её экономика занимает 6-е место в Европе, 15-е место в мире и является, и это несмотря на глобальный кризис, одной из самых быстрорастущих в мире⁶.

Экономический прорыв был бы невозможен, не будь у Турции сильного руководства, активно проводящего реформы. Руководство страны, подчёркивая успешное преодоление последствий мирового финансового кризиса 2008 года, настроено не только оптимистично, но и весьма амбициозно, декларируя различные планы к предстоящему в 2023 году столетнему юбилею Турецкой Республики. В центре этих планов, объединенных под «шапкой» проекта «Видение-2023» – вхождение Турции в десятку крупнейших экономик мира. Эта задача служит главной отправной точкой для подготовки различных отраслевых планов и в целом линией горизонта для турецкого общества⁷.

Именно экономика стоит в центре турецкой внешнеполитической концепции. Поэтому Турция так настойчиво стремится стать полноправным членом Европейского Союза.

Для Эрдогана ставки на вступление очень высоки. Посадив Турцию за стол переговоров с ЕС, он привязал бы свою страну ближе к Западу, в то же время сохранив исламскую идентичность страны. Членство в ЕС укрепило бы позицию Турции как щита против терроризма и помогло бы ей стать моделью демократии для мусульманского мира.

Вступление в ЕС стало навязчивой идеей для многих турок. Либералы и бизнес-сообщество хотя и этого членства, потому что это продвинет их основные свободы и ускорит экономические реформы. Меньшинства, включая курдов, рассматривают вступление как лучший способ защиты прав человека. Исламисты считают, что такой шаг сократит шансы военного переворота. Военные же уверены, что это обеспечит территориальную целостность Турции.

Тем не менее, некоторые турки думают, что не имеет значения, сколько реформ будет проведено, Европейский Союз, в конечном счете, отклонит мусульманского кандидата. Христианские демократы в Европе, которые уже обеспокоены мусульманскими меньшинствами в своих странах, утверждают, что принятие Турции в ЕС будет означать импорт проблем из Ближнего Востока⁸.

Вопрос о том, должна ли Турция, имеющая официальный статус кандидата на вступление в Европейский союз (с 12 декабря 1999г.), стать его полноправным членом, уже давно стал поводом для разногласий между странами-членами ЕС.

Согласно результатам опроса мнений агентства Евробарометр, проведенного в ноябре 2008 года, меньше половины населения ЕС выступают за дальнейшее его расширение в ближайшем будущем. На вопрос о вступлении Турции в ЕС, респонденты разместили ее на последнем месте в списке стран, которые они бы хотели видеть в составе ЕС. Только 31% поддержал ее кандидатуру и 55% выступили против (14% воздержались). Тем не менее, 45% опрошенных заявили, что поддержат кандидатуру Турции в случае если она выполнит все требования для вступления и 45% остались против даже в этом случае (10% воздержались). Наибольшее количество противников вступления Турции в ЕС оказалось в Австрии (только 16% за), Люксембурге (32% за), Франции и Германии (по 35% за)⁹.

«Единая Европа» во многих аспектах остаётся неоднородной. Внутри ЕС сформировались две группировки, представляющие сторонников и противников членства Турции в ЕС, и еще одна группировка неопределившихся. К сторонникам принадлежат Великобритания (где и лейбористы, и консерваторы выступают за приём Турции, полагая, что это государство будет являться мостом между ЕС и мусульманскими странами), средиземноморские государства – Италия, Португалия, Испания, а также Греция, нормализовавшая свои отношения с Турцией; за членство Турции выступают и новые члены ЕС. К противникам относятся Австрия (единственное государство в ЕС, решительно выступающее против принятия Турции, главным образом по историческим причинам), Франция и Германия (для которых вступление Турции означает изменение их позиций в Совете ЕС). Третью группу представляют страны, правительства которых разделены или не определились по этому вопросу, как, например, Дания¹⁰.

Так, еще в декабре 2004 года в ходе встречи представителей Совета Европы по вопросу возможного вступления Турции в ЕС, прошедшей в бельгийском парламенте, будущий президент ЕС (с ноября 2009г.) бельгийский премьер-министр Херман ван Ромпёй выступил решительно против того, чтобы Турция когда-либо была принята в Европейский союз. «Расширение Европейского союза за счет включения Турции не может приравниваться к другим расширениям, имевшим место в прошлом. Действующая в Европе система общечеловеческих ценностей, которые являются также фундаментальными ценностями христианства, потеряет свою жизненную силу с вступлением [в ЕС] крупного исламского государства – такого как Турция», – настаивал политик¹¹.

В январе 2007 года, будучи кандидатом в президенты Франции, глава МВД Николя Саркози также заявил о том, что Турции нет места в Евросоюзе. «Я хочу сказать, что у Европы есть определенные границы, и далеко не все страны могут стать ее полноправными членами. Это ка-

сается и Турции, которой нет места в Евросоюзе», – говорил он¹².

По словам Саркози, хотя Турция и заслуживает специальных отношений с ЕС, «она не должна когда-либо стать полноправным членом блока. Вместо этого ЕС следует начать переговоры с Турцией по формированию общего пространства экономического сотрудничества и безопасности»¹³.

С таким предложением согласилась канцлер ФРГ Ангела Меркель. «Наша общая позиция заключается в следующем: Турции необходимо предоставить привилегированное партнерство, но не полномасштабное членство», – заявила она 11 мая 2009 года в Берлине после совместных переговоров с президентом Франции Николя Саркози¹⁴.

Реакция премьер-министра Турции последовала незамедлительно. Реджеп Эрдоган выступил против предложения Франции и Германии о предоставлении Турции статуса привилегированного партнера ЕС. Он прокомментировал это предложение следующим образом: «Соглашения ЕС не содержат каких-либо указаний на привилегированное партнерство. Принять такое предложение было бы для Турции большой ошибкой»¹⁵.

Однако есть и сторонники евроинтеграции Турецкой Республики. Так, группа европейских экспертов выступила с такими рекомендациями: «Европейские лидеры должны относиться к Турции как к любому другому кандидату на вступление в ЕС и прекратить предлагать альтернативы полноправному членству. А Анкаре, со своей стороны, следует возобновить процесс проведения демократических реформ»¹⁶.

В частности, Великобритания поддерживает вступление Турции в Евросоюз в качестве полноправного члена, сообщил Дэвид Милибанд, глава британской дипломатии (с 2007 г. по 2010 г.). «Если современному миру следует что-либо извлечь из экономических проблем, с которыми он сталкивается, то это сводится к тому, что Европа обогатится за счет своего открытия на Восток, а не замкнутости в себе. Членство Турции в ЕС было бы очень хорошим шагом для ЕС. Турция заслужила членство в Европейском союзе», – сказал Милибанд после переговоров с министром Турции по делам ЕС Эгеменом Багышем¹⁷.

Европейская комиссия также завершила Турцию, что ее вступление в ЕС продолжает оставаться на повестке дня, невзирая на постоянные возражения Германии и Франции. «Европейская комиссия выступает за продолжение процесса приема Турции в Евросоюз: на основе модели переговоров, – единогласно принятой всеми странами-членами ЕС и Турцией в 2005 году», – заявил комиссар ЕС по вопросам расширения Олли Рен в октябре 2009 года по итогам переговоров с министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу. Членство Турции «входит в фундаментальные интересы ЕС», – добавил Рен, отметив при этом, что процесс будет долгим, призвав Анкару про-

должать необходимые реформы. Страна должна «расширять основополагающие свободы, такие как свобода слова и свобода печати, а также права женщин и права профсоюзов», – считает он¹⁸.

Последователь Олли Рена, член Еврокомиссии по вопросам расширения и Европейской политике соседства Штефан Фюле уверяет всех кандидатов в том, что Евросоюз по-прежнему нацелен на прием новых стран, несмотря на кризис. По его словам, будущие страны-члены ЕС сначала должны выполнить все необходимые критерии для вступления в организацию¹⁹.

На текущий момент официальными кандидатами на присоединение являются Турция (заявка с 1987 г.), Македония (с 2004 г.), Черногория (с 2008 г.), Исландия (с 2009 г.), Сербия (2012 г.). После подписания соглашения о вступлении Хорватии в Евросоюз в 2011 году ожидается, что её присоединение произойдет в 2013 году.

Окончательная стратегия расширения ЕС носит формально консолидированный характер, заинтересованность государств-членов в реализации каждого конкретного вектора расширения, безусловно, неодинакова²⁰.

Наиболее реальной перспективой видится включение в состав Евросоюза государств «исторической» Европы, с которыми он имеет тесные экономические и культурные связи. Политическая подоплёка заключается в том, что идея Соединенных Штатов Европы еще жива в умах ведущих европейских политиков: соответственно чем больше государств будут входить в состав союза, тем больший вес он будет иметь на мировой арене. Именно этим объясняется стремление европейцев к интеграции, несмотря на мировой финансово-экономический кризис, экономическую неоднородность и культурные особенности европейских государств²¹.

Особняком стоит вопрос отношений ЕС и Турции. Евросоюз находится в довольно затруднительном положении: Турции нельзя отказать, как, например, это было с Марокко, потому что часть ее территории расположена в Европе; предлог нарушения прав человека, а уж тем более недостаточного экономического развития, выглядит, по крайней мере, неубедительным, да и в целом не позволяет лишить официального кандидата этого статуса. К тому же в ЕС уже состоит ряд стран, ситуация в которых по тем или иным параметрам не соответствует копенгагенским критериям и выглядит гораздо более запущенной. Диалог Турции с Евросоюзом за прошедшие годы налажен довольно прочный, так что нельзя говорить о взаимном непонимании или игнорировании²².

Тем не менее, можно констатировать, что переговоры Турции с ЕС проходят очень медленно. На сегодняшний день согласие достигнуто по 13 из 35 статей, обязательных для государств, вступающих в ЕС. Главной проблемой в переговорном процессе стал «кипрский вопрос».

29 июля 2005 года Турция подписала протокол соглашения о расширении таможенного соглашения Евросоюз – Турция, который предусматривал включение в него десять новых членов ЕС, в том числе Кипра. Но Турция отказалась распространять данный протокол на вступивший в ЕС Кипр. В ответ в декабре 2006 года. Совет Европы заморозил переговоры по 8 из 35 глав переговорного досье. Это внешняя политика, свободное движение товаров, предоставление услуг, финансовая сфера, сельское хозяйство и аграрное развитие, рыболовство, транспортная политика и таможенные отношения.

Таковыми мерами Евросоюз, уверенны аналитики, защищает Кипр, точнее греческую его часть, которая входит в ЕС. Официальная Анкара ее не признает и держит греков-киприотов в своеобразной блокаде. Кипрские суда не могут швартоваться в турецких портах, а для самолетов закрыто воздушное пространство. В обмен на отмену блокады турецкие власти требуют международного признания Северного Кипра.

В Брюсселе было особо отмечено, что Турция – важная для ЕС страна, и тем самым Анкаре дали понять, что европейцы не хотят обострения ситуации и ждут от Турции правильных решений²³.

В свою очередь, Али Бабаджан, турецкий министр иностранных дел (с 2007 г. по 2009 г.), сделал следующее заявление: «Мы надеемся, что у нас общая цель – найти всеобъемлющее решение на много лет. Ответственность в случае провала ляжет и на Евросоюз». Он призвал ЕС оказать давление на греков-киприотов, которые отклонили план Генерального секретаря ООН Кофи Аннана об объединении острова²⁴.

Власти Турции настойчиво подчеркивали, что принятие в ЕС южной части Кипра до урегулирования территориального спора с северной частью острова было исторической ошибкой. Здесь наглядно проявилось отсутствие четкой и последовательной политики ЕС и его неравнозначное отношение к странам-кандидатам.

Турецкие же эксперты считают, что, несмотря на отсутствие каких-либо официальных заявлений со стороны европейских политиков, «религиозный фактор», наряду с известными трудностями социального, политического и экономического характера, становится основным «камнем преткновения» и создает серьезное препятствие на пути вступления Турции в ЕС в качестве полноправного члена²⁵.

Анкара неоднократно предостерегала о том, что отсутствие энтузиазма в Евросоюзе обернется тем, что граждане Турции будут настроены против проекта вступления. Некоторым образом это уже происходит. Многие реформаторы в Анкаре, выступавшие за вступление в Евросоюз, больше не уверены в том, что ЕС сдержит свое слово²⁶.

С точки зрения турок с западным образом мыслей, гордость быть членом Евросоюза, вероятно, играет меньшую роль, чем боль отвержения.

В исследовании немецкого Фонда Маршалла говорится, что в 2004 году 73% турок считали, что присоединение их страны к ЕС является хорошей целью, но к 2010 году данного мнения придерживались только 38% граждан²⁷.

Это историческая смена курса. «Турки всегда шли только в одном направлении – на Запад», – говорил основатель Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк. Но сейчас Турция Эрдогана делает разворот в сторону Востока.

Если страна, лежащая по обе стороны Босфора, начинает смещаться в восточном направлении, говорит Роберт Гейтс, министр обороны США, «это в немалой степени вызвано тем, что кое-кто в Европе отталкивает ее, отказываясь дать Турции ту органическую связку с Западом, которой она добивается»²⁸.

Известный эксперт Филип Стивенс в статье «Турция поворачивается на восток, а Европа цепляется за прошлое», опубликованной в британской газете «The Financial Times», считает, что у политиков Турции «иссякло терпение». Им неинтересно «привилегированное партнерство», предлагаемое ЕС в качестве суррогата полноправного членства²⁹.

И все-таки Турция Эрдогана по-прежнему хочет быть частью Европы. Хотя и сегодня эта страна все еще далека от того, чтобы в полной мере отвечать требованиям членства в ЕС, мало кто сомневается, что она предприняла важные шаги в правильном направлении. И по всем проблемам – от энергетики до терроризма, от наркотиков до миграции, от торговли до инвестиций – Европа должна быть кровно заинтересована в том, чтобы Турция становилась демократической страной, обращенной лицом к Западу³⁰.

Продолжение диалога отвечает интересам ЕС. Турция является членом всех крупнейших международных организаций («большая двадцатка», МВФ, ВТО, ОЭСР, НАТО), располагает второй по величине армией в Северо-Атлантическом альянсе, обладает влиянием на Ближнем Востоке и играет одну из ключевых ролей на Кавказе. Географическое положение страны превращает ее в стратегически важное пересечение энергетических путей, что представляет особую важность для Европы в свете ее стремления избавиться от зависимости от России путем диверсификации источников и путей доставки углеводородов.

Конечно, Турция тоже во многом зависит от интеграции с Западом. Если она ее потеряет, то это резко ослабит позиции страны относительно потенциальных региональных партнеров (и конкурентов).

Модернизационным силам турецкого общества необходим такой инструмент, как переговоры о вступлении в ЕС. Все реформы, которые проводит в этой связи Анкара, без перспективы интеграции в ЕС не состоялись.

Вместе с тем, несмотря на сложности переговорного процесса, каких-либо предпосылок к раз-

рыву отношений Турции с ЕС пока не отмечается. Обе стороны не скрывают своей сохраняющейся заинтересованности в продолжении переговоров и считают оправданной со всех точек зрения дальнейшую интеграцию Турции в ЕС.

Премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган в интервью журналистам телеканала Euronews в сентябре 2012г. подтвердил твердое намерение своей страны стать полноправным членом Европейского союза: «К сожалению, некоторые страны-члены ЕС действуют нечестно. Они пытаются загнать Турцию в угол условиями, которые не существуют в нормативных актах сообщества. Но независимо от того, что они делают и какого рода препятствия они ставят перед нами, мы будем терпеливо продолжать идти по этому пути. Конечно, этому может быть положен конец, если все страны-члены ЕС скажут: “Мы не принимаем Турцию”. Но пока они этого не скажут, мы не остановимся»³¹.

Большая часть европейских политиков считает, что все же рано или поздно Турция присоединится к ЕС.

К этому решению европейские страны подталкивают продолжающаяся глобализация мировых и европейских процессов, растущая конкуренция и взаимозависимость стран-производителей, стран-экспортеров (транзитеров) и стран-потребителей, особенно в части экспорта углеводородного сырья. Турция становится одним из важнейших звеньев мировой транспортной системы и стратегическим коридором между Востоком и Западом, Югом и Севером³².

В заключение можно констатировать, что Турция и Евросоюз нуждаются друг в друге. Учитывая терпение и упорство, с которым эта страна стремится стать полноправным членом ЕС, не вызывает сомнений, что, в конечном счете, она достигнет желаемой цели. Для правительства Эрдогана вступление Турции в ЕС – не просто главная внешнеполитическая цель, но и дело чести. Можно предположить, что в ближайшее десятилетие Договор о вступлении будет подписан. Такой вывод связан с тем, что в 2023 году грядет столетие Турецкой Республики. Власти Турции непременно приложат все усилия для активизации переговорного процесса. Евросоюз со своей стороны, понимая, как много Анкара поставила на карту, скорее всего, пойдет на некоторые уступки и смягчит свои требования.

Вместе с тем, даже после подписания Договора о вступлении для того, чтобы он вошел в силу, необходима его ратификация всеми членами ЕС. Применение права вето одной из стран достаточно для блокирования процесса вступления. В отношении Турции такой страной может стать Кипр. Поэтому первоочередной задачей для турецкого правительства является урегулирование кипрской проблемы. Иначе все остальные усилия могут оказаться бесполезными.

Примечания

- ¹ *Bilefsky Dan*. For Turkey, Lure of Tie to Europe Is Fading. URL: http://www.nytimes.com/2011/12/05/world/europe/for-turkey-lure-of-european-union-is-fast-fading.html?_r=1&pagewanted=all (дата обращения: 19.03.2012).
- ² *Овсепян Л.* Реформы Совета национальной безопасности Турции в контексте демократических преобразований // Проблемы национальной стратегии / Российский институт стратегических исследований. М., 2010. Вып. 2. С. 41–53.
- ³ *Гезен Р.* В Турции состоялся Всенародный референдум по конституционной реформе. URL: <http://www.trtrussian.com/trtworld/ru/newsDetail.aspx?HaberKodu=45c307f6-4f3c-4345-a93c-d9f8d0231abf> (дата обращения: 16.08.2012).
- ⁴ *Гурьев А.* Ситуация в Турции : июнь 2012 г. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/02-07-12b.htm> (дата обращения: 14.09.2012).
- ⁵ The 4th Quarter GDP Growth Statistics Released by TurkStat. URL: <http://www.economy.gov.tr/index.cfm?sayfa=DB26BA A6-AC13-162B-96CC547773619FE2> (дата обращения: 14.09.2012).
- ⁶ Турция : как через реформы за 10 лет... добиться мирового успеха. URL: <http://www.profi-forex.org/news/entry1008055615.html> (дата обращения: 21.03.2012).
- ⁷ *Стародубцев И.* Современная экспортная стратегия Турции. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/17-01-12a.htm> (дата обращения: 27.04.2012).
- ⁸ *David L. Phillips.* Turkey's Dreams of Accession // Foreign Affairs. September/October. 2004. Vol. 83, № 5. P. 86–97.
- ⁹ *Können J.* Cultural Diplomacy and the Debate on Turkey's Accession to the EU. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/pdf/case-studies/cd-debate.pdf> (дата обращения: 18.02.2011).
- ¹⁰ *Шлыков В.* Турция на пути в Евросоюз : надежды и разочарования Анкары. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/turcija_na_puti_v_jevrosojuz_nadezhdy_i_razocharovaniya_ankary_2010-06-21.htm (дата обращения: 24.02.2011).
- ¹¹ *Phillips Leigh.* Van Rompuy : ‘Turkey will never be part of Europe’ URL: <http://euobserver.com/843/29016> (дата обращения : 09.03.2011).
- ¹² Саркози : Турция нет места в ЕС. URL: <http://www.kommersant.ru/news/996887/rubric/5> (дата обращения : 19.11.2010).
- ¹³ *Tony Barber.* Europe's line must take in Turkish sand. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/185624f0-4020-11de-9ced-00144feabdc0.html#axzz21TAcpdYi> (дата обращения: 08.02.2011).
- ¹⁴ *Elitsa Vucheva.* Turkey angered by Franco-German enlargement remarks. URL: <http://euobserver.com/15/28138> (дата обращения: 24.04.2012).
- ¹⁵ Турция отказалась от статуса привилегированного партнера ЕС. URL: <http://www.regnum.ru/news/1266500.html> (дата обращения: 28.03.2012).
- ¹⁶ ЕС и Турция попали в порочный круг, говорят эксперты. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20090907/252340.html> (дата обращения: 30.05.2012).

- ¹⁷ Иванов С. Сможет ли Турция стать полноправным членом ЕС? URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/2022> (дата обращения: 16.08.2012).
- ¹⁸ *Elitsa Vucheva*. Turkey receives reassurance on EU membership bid. URL: <http://euobserver.com/15/28158> (дата обращения: 24.04.2012).
- ¹⁹ Евросоюз не отказался от планов расширения. URL: <http://www.baltinfo.ru/2012/10/10/Evrosoyuz-ne-otkazalsya-ot-planov-rasshireniya-309796> (дата обращения: 12.10.2012).
- ²⁰ *Тэвдой-Бурмули А.* Горизонты расширения ЕС : соблазны и расчеты. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=235 (дата обращения : 28.03.2012).
- ²¹ *Евстафьев А.* Расширение ЕС : кто будет следующим? URL: <http://modernpolitics.ru/2012/03/rasshirenie-es-kto-budet-sleduyushhim/> (дата обращения: 30.05.2012).
- ²² *Архангельская Е.* Почему Турция никогда не войдет в состав Евросоюза? URL: <http://modernpolitics.ru/2012/09/pochemu-turciya-nikogda-ne-vojjdet-v-sostav-evrosoyuza/> (дата обращения: 07.10.2012).
- ²³ *Сорокина Н.* Евросоюз не послушался Папу // Российская газета. 2006. 13 дек., № 4246.
- ²⁴ Анкара еще на шаг приблизилась к вступлению в Евросоюз. URL: <http://ru.euronews.com/2008/12/19/>
- ²⁵ См.: *Иванов С.* Указ. соч.
- ²⁶ См.: *Tony Barber*. Europe's line must take in Turkish sand.
- ²⁷ 10 statistics that show Turkey drifting away from the West // The German Marshall Fund of the United States. 2010 September 17. URL: <http://blog.gmfus.org/2010/09/17/10-statistics-that-show-turkey-drifting-away-from-the-west/> (дата обращения: 17.10.2011).
- ²⁸ *Zand B.* How the West Is Losing Turkey. URL: <http://www.spiegel.de/international/world/the-anatolian-tiger-how-the-west-is-losing-turkey-a-700626.html> (дата обращения: 17.10.2011).
- ²⁹ *Stephens P.* Turkey turns east as Europe clings to past. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/106a99e6-bf3d-11de-a696-00144feab49a.html> (дата обращения: 30.09.2010).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Реджеп Тайип* : ЕС не должен стать христианским клубом и не должен принимать участия в кампании исламофобии. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?4763> (дата обращения: 12.10.2012).
- ³² См.: *Иванов С.* Указ. соч.

УДК 327(470+571+73+510+5-191,2)/20/

«БОЛЬШАЯ ИГРА» НА КАСПИИ: ХОД КРЕМЛЯ (2004 г.)

С. Ю. Шенин

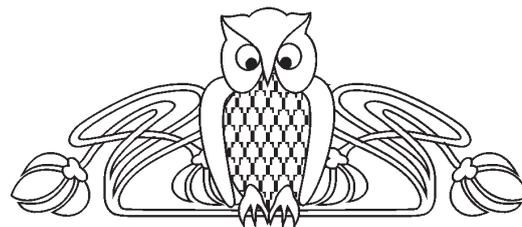
Саратовский государственный университет
E-mail: shenins@yahoo.com

Данная статья посвящена изучению российско-американских отношений в регионе Прикаспия в начале XXI века, которые получили название «большая игра». Анализируя один из этапов этих отношений (весна-осень 2004 г.), характеризовавшийся повышенной активностью правительства В. Путина, автор приходит к выводу, что «наступление Кремля» было обусловлено, во-первых, президентской кампанией в США, и, во-вторых, необходимостью противостоять проникновению Китая в регион Центральной Азии.
Ключевые слова: «большая игра», каспийский регион, внешняя политика России, внешняя политика США, Китай.

The «Great Game» in the Caspian Region: the Kremlin's Move (2004)

S. Yu. Shenin

The article is devoted to the study of the Russian-American relations in the Caspian region that were entitled «The Great Game». Analyzing one of the stages of these relations (spring-autumn 2004) that was marked by the higher activity of the V. Putin's Government, the author has come to the conclusion that «the Kremlin offensive» was stipulated by the presidential campaign in the USA, and the necessity to oppose the China's penetration into Central Asia.
Key words: «Great Game», Caspian region, Russian foreign policy, American foreign policy, China.

Как известно, противостояние России и США в каспийском регионе, которое с легкой руки публицистов было названо «большой игрой», имело в начале XXI века свои периоды резкого обострения, которые, как правило, были связаны с внутривнутриполитическими событиями в обеих странах, в частности с выборами. Так, первый период активизации «большой игры» имел место в конце 2000 – начале 2001 г., когда в момент полуторамесячной заминки, связанной с выявлением победителя президентских выборов в США (вопрос решался Верховным судом), новый президент России В. Путин организовал наступление на «ближнее зарубежье». Второй аналогичный период, который продолжался с апреля по октябрь 2004 г., также был связан с американскими выборами и оказался более взрывоопасным и значимым по результатам.

Второе наступление Москвы в регионе «южного подбрюшья» России спецслужбы США предсказывали заранее. Так, в середине марта 2004 г. ЦРУ в лице своего главы Дж. Тенета объявило в конгрессе, что после избрания В. Путина президентом на второй срок Кремль, по-видимому, снова попытается заявить о себе на постсовет-

ском пространстве, поскольку летом-осенью того же года администрация Дж. Буша-мл. будет отвлечена на подготовку ноябрьских выборов. По словам Тенета, Кремль предполагает ужесточить свою политику, особенно в отношении Чечни, Украины и Грузии. Правда, директор не увидел в этом ничего страшного, ибо пока отношения Вашингтона с Москвой – это в целом «больше сотрудничество, чем нет». Кроме того, Кремль в своих действиях планирует использовать в основном «мягкую силу» российских энергетических кампаний, а также апелляцию к общим историческим и культурным корням, что в комплексе будет способствовать установлению стабильности на российских границах, а такая стабильность важна и для США, и для ЕС.

Руководители Разведывательного управления Пентагона на том же заседании комитета по вооруженным силам палаты представителей согласились с прогнозом ЦРУ об активизации РФ на постсоветском пространстве, однако исходили из более жестких оценок. Они утверждали, что Путин «пытается восстановить статус великой державы» и стремится использовать для этого не только «мягкую силу», но и наращивание военной активности и оборонных расходов¹.

Как и предсказывали американские спецслужбы, сразу после успешных мартовских президентских выборов, т. е. уже с апреля 2004 г., российская политика стала намного динамичнее на каспийском направлении. Американская администрация же, наоборот, в целом снизила здесь внешнеполитическую активность до ноябрьских выборов.

Значительный акцент в своем наступлении Кремль делал на двухсторонних отношениях. При этом «легнее наступление» Москвы базировалось на сформулированной В. Путиным идее о том, что для сохранения своих позиций на Южном Кавказе Россия должна активно участвовать в экономических проектах в регионе.

Особое внимание этой политике уделялось двум ключевым странам Прикаспия – Азербайджану и Узбекистану. Обе страны в этот период были вынуждены двинуться в сторону России, ибо нарастающее давление со стороны администрации Дж. Буша-мл. (где к тому времени ослабла политика неоконсерваторов и возобладала линия реалистов К. Пауэлла) требовало ускорения либерально-демократических реформ и жесткого соблюдения прав человека. Соответственно балансирование между двумя центрами силы – Москвой и Вашингтоном – оставалось для правительств И. Алиева и И. Каримова единственной возможностью сохранить власть².

В соответствии с этим курсом, летом 2004 г. из Москвы в Баку потянулась череда политиков и бизнесменов, которые предлагали перспективные проекты для совместной реализации. Первым приехал председатель РАО «ЕЭС России» А. Чубайс, который привез предложение о создании единой

энергосистемы РФ и Азербайджана, а также расширения южного энергетического коридора (на Иран, Грузию, Турцию). Затем приезжали Е. Примаков, С. Степашин, В. Черномырдин, Ю. Лужков, К. Илюмжинов, наконец, В. Рушайло, занимавший пост исполнительного секретаря СНГ³.

Результат этой «челночной активности» не замедлил сказаться. Российский бизнес стал стремительно наращивать свое присутствие в Азербайджане и объем торговли в 2004 г. резко вырос с 532 до 760 млн долл. (в то время как объем торговли с США составлял около 200 млн долл.). Активизировалось сотрудничество в военной сфере, а чиновники даже стали говорить о возможных совместных российско-азербайджанских военных маневрах на Каспии.

Официальный Баку признавал, что пророссийский тренд во внешней политике Азербайджана усиливается и что, по выражению бывшего министра иностранных дел В. Кулиева, «пора поставить наши часы по московскому времени». Действующий министр иностранных дел Э. Мамадыров, в свою очередь, заявил, что Баку желает вступить в «свободную экономическую зону» СНГ, а Москва, в отличие от Вашингтона, готова ответить компромиссами по решению карабахского вопроса⁴.

Что касается Узбекистана, то в начале июня 2004 г. Ташкент сам предложил Москве заключить соглашение о стратегическом сотрудничестве. К середине месяца соглашение уже было составлено (по признанию самого В. Путина, с необычной для этого региона скоростью) и подписано 16 июня. Значительную часть соглашения занимал раздел военного сотрудничества, которое предполагало предоставление Узбекистаном России своих военных объектов.

Одновременно с подписанием этого соглашения был заключен договор с российским Лукойлом на инвестирование в узбекский нефтегазовый сектор 1 млрд долл. Газпром, по словам В. Путина, также готовил миллиардное соглашение, российский Вим-Биль-Данн готов был инвестировать в ташкентский общепит десятки миллионов долларов и т. д. Безопасность этих инвестиций И. Каримов гарантировал лично. По мнению узбекских наблюдателей, местный бизнес был в восторге от этих решений, поскольку ожидал открытия границ с Россией⁵.

Аналогичную, хотя и меньшую по масштабам, активность российское правительство демонстрировало и в других странах прикаспийского региона – Таджикистане, Киргизии, Казахстане и даже Туркмении.

Однако особенно настораживающими для Запада стали последовательные усилия Кремля в направлении укрепления своих позиций в рамках многосторонних организаций. Здесь максимальное внимание было уделено «умирающей», «агонизирующей» (по западным оценкам) Шанхайской организации сотрудничества, поскольку

противостоять военно-политической экспансии США в регионе Россия могла только совместно с Китаем.

Как известно, неформальным условием, которое выдвигал Пекин в отношении своего участия в ШОС, был открытый доступ к региональной торговле. Кремль был явно вынужден согласиться с этим условием, после чего прекратил сдерживать процессы формирования структур ШОС. На ташкентском саммите в июне 2004 г. было официально объявлено о завершении периода структурного оформления организации: в Пекине начал работать Секретариат ШОС, в Ташкенте – Исполком региональной антитеррористической структуры (РАТС). Затем, во время саммита, российская сторона дала «зеленый свет» для утверждения плана реализации долгосрочной программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества (до 2020 г.), который официально открывал путь Пекину к экономическому проникновению в Центральную Азию, ибо снимал проблему запретительных таможенных барьеров в странах-партнерах по ШОС.

На Западе такое развитие событий оценили как российско-китайский «дипломатический камбэк» в Центральной Азии с явными намерениями бросить вызов американскому влиянию в регионе. Главный стимул для участия в работе ШОС страны региона видели в том, что «господина Путина и господина Ху больше волнуют нефть и ислам, чем коррупция и права человека»⁶.

Сознавая, что ШОС может быть полезной структурой в отношении противодействия США только на определенном этапе, а потом Пекин, с его несоизмеримой экономической мощью, может перехватить инициативу, российское руководство постаралось продублировать свое влияние в регионе Прикаспия через другие многосторонние организации, такие как «Каспийская пятерка», ЕврАзЭС, ОДКБ, СНГ, ЦАОС.

В рамках «Каспийской пятерки» (КП), которая являлась коллективной инициативой прибрежных государств, была создана в 1996 г. и до 2004 г. функционировала достаточно вяло, Москва в основном пыталась тормозить американские проекты. Активизация деятельности «пятерки» произошла сразу после переизбрания президентом В. Путина. Уже в начале апреля в Москве было проведено заседание министров иностранных дел стран КП, а затем в июне в Астане и в октябре в Москве были проведены еще два заседания специальной рабочей группы (на уровне заместителей министра) для разработки статуса Каспия и решения таких проблем, как военная деятельность, разграничение акватории и дна, прокладка транскаспийских магистральных трубопроводов.

Особенно «продуктивным» было заседание в Астане. Москва продолжала эффективно тормозить вопрос прокладки трубопроводов по дну Каспия, настаивая на том, что для этого необходимо согласие (в форме совместной экологической

экспертизы) всех пяти прикаспийских государств: этот шаг серьезно подрывал перспективы американского «транскавказского энергетического коридора», который должен был направить ресурсы стран Центральной Азии в сторону Запада.

Кроме того, вместе с Казахстаном Россия настаивала, что демилитаризация Каспия невозможна не только из-за терроризма, но и повышенной военной активности «третьих стран», подразумеваемая США, которые обязательно заполняют вакуум силы в случае вывода отсюда вооруженных сил прибрежных стран (о чем свидетельствовали, например, постоянные американо-азербайджанские учения под предлогом борьбы с терроризмом). Чтобы снять озабоченность других членов КП в том, что касалось военной гегемонии России на Каспии, Российская Федерация и Казахстан предложили создать здесь механизм обеспечения баланса сил⁷.

Об успехе этих действий Москвы свидетельствовало то, что они вызвали паническую реакцию в Вашингтоне. Заместитель командующего европейским командованием США генерал Ч. Уальд сразу после заседания в Астане неожиданно прибыл в Баку, где заявил, что его беспокоит состояние программ безопасности в регионе. Он объявил о создании «специальной группы» по выполнению американских программ на Южном Кавказе, чем, по мнению местных СМИ, «показал, что Белый дом не намеревается отказываться от своих проектов на Каспии»⁸.

В качестве альтернативы китайскому и американскому экономическому «прянику» кремль активизировал развитие ЕврАзЭС, куда входили страны Центральной Азии (кроме Туркменистана) и Армения. В этом направлении прорывные договоренности были подписаны 18 июня 2004 г. в рамках заседания Межгосударственного совета организации. Они касались водно-энергетических ресурсов Центральной Азии, создания общего энергетического рынка, формирования единой тарифной базы ЕврАзЭС на железнодорожные перевозки грузов, согласования позиций государств по вступлению в ВТО, основ приграничной политики, развития главных направлений законодательства ЕврАзЭС, сотрудничества на рынке ценных бумаг, банковского регулирования и т. д. Представителями Москвы заявлялось, что именно всемерное развитие ЕврАзЭС ведет к созданию Единого экономического пространства⁹.

В тот же день, 18 июня 2004 г., на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ в Астане были утверждены основные направления коалиционного военного строительства этой организации на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу. Генсек этой организации, Николай Бордюжа, в этой связи заявил, что страны-участницы Договора о коллективной безопасности рассмотрели модельную концепцию по формированию объединенной группировки войск в Центрально-Азиатском регионе. По его словам,

документом предполагается создание крупной объединенной группировки войск, в которую войдут соединения и части вооруженных сил государств ОДКБ: России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана общей численностью до 10 тыс. человек. Эта группировка будет почти в 4 раза больше, чем так называемые коллективные силы быстрого развертывания (КСБР), действовавшие на тот момент в Центральной Азии. И конечно, главной ударной силой этой группировки должна стать российская общевойсковая военная база в Таджикистане (201-я дивизия) и военно-воздушная база в Киргизии (Кант)¹⁰.

Кроме того, была подтверждена готовность Кремля продавать оружие странам-членам ОДКБ по внутренним российским ценам. 23 ноября Госдума РФ единогласно ратифицировала протокол о внесении изменений и дополнений в соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года. «Ратификация протокола, – указал первый замминистра иностранных дел РФ Валерий Лощинин, представлявший депутатам этот документ, – создает основу для увеличения поставок продукции военного назначения государствам-членам ОДКБ». По его словам, этот документ будет способствовать вступлению в организацию новых стран и дальнейшей военной интеграции¹¹.

Таким образом, за непродолжительный период организации удалось выйти на новый уровень взаимодействия. Достижение этого нового уровня было подтверждено проведением в августе 2004 г. крупнейших с 1991 г. совместных маневров в Центральной Азии под кодовым названием «Рубеж-2004». Впервые сухопутные подразделения поддерживались с воздуха силами эскадрилий, дислоцированными на российской базе в Канте (Киргизия). Целью данных учений было продемонстрировать США, что страны ОДКБ могут самостоятельно отбивать нападения террористов, в том числе и из Афганистана, а американские базы в этом контексте свое значение уже утратили¹².

Москва стремилась наладить и координацию между многосторонними структурами. Так, 25 октября 2004 г. секретариаты ОДКБ и ЕврАзЭС подписали протокол о взаимодействии в вопросах борьбы с терроризмом и пересечения границы.

СНГ тоже испытал на себе натиск Кремля. В середине сентября на саммите в Астане под влиянием теракта в Беслане лидеры государств содружества заявили, что они готовы активизировать борьбу с террором при лидирующей роли России, и даже вернули В. Путину председательство в Совете глав государств СНГ.

В этом же контексте ближайшим союзником В. Путина казахстанским президентом Н. Назарбаевым было предложено реформировать СНГ и создать в ее рамках совет безопасности. Кроме того, при посредничестве Москвы здесь была начата работа по разрешению региональных кон-

фликтов на территории СНГ (например, состоялся первый прямой переговорный контакт между руководителями Азербайджана и Армении), а для интенсификации такой работы было предложено использовать, в первую очередь, российские миротворческие силы, что означало усиление военного и политического присутствия Москвы на пространстве бывшего СССР¹³.

Достаточно оригинальный, но очень своевременный, ход для укрепления своих позиций в Центральной Азии предприняла Москва в мае 2004 г., сделав заявление о желании присоединиться к Организации центрально-азиатского сотрудничества (ОЦАС). Эта организация была создана в 2001 г. и была нацелена на углубление сотрудничества, особенно экономического, между Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. Однако западные наблюдатели отмечали ее низкую эффективность на фоне пограничных конфликтов, постоянных этнических трений, серьезных экономических проблем и террористических угроз.

Первоначально ОЦАС создавалась как сугубо региональная структура, без участия РФ, что свидетельствовало о желании ее участников держать определенную дистанцию от России (особенно активно эту позицию отстаивал Узбекистан). Однако в 2004 г., на фоне стремительно меняющихся приоритетов в политике США в пользу демократизации и соблюдения прав человека, Россия стала выступать как сторонница сохранения у власти в странах региона политических режимов в их неизменном виде. Поэтому в конце августа 2004 г. члены ОЦАС одобрили членство РФ в организации, а 18 октября того же года В. Путин принял участие в официальном заседании организации в Душанбе, подчеркнув при этом, что главная цель Москвы в рамках структуры – это «противодействовать таким угрозам, как религиозный экстремизм и наркотрафик»¹⁴.

Самым горячим сторонником принятия России в ОЦАС стал президент Узбекистана И. Каримов, а Соединенные Штаты, устами своего посла в Таджикистане Р. Хогланда, были вынуждены согласиться и признать, что «центрально-азиатские государства являются независимыми и имеют полное право предпринять такой шаг». По мнению западных и китайских СМИ, для самого Кремля этот шаг означал «реинтеграцию Москвы в Центральную Азию» и «возможность восстановить свое влияние в стратегическом, богатом энергоресурсами регионе»¹⁵.

Таким образом, наступление Москвы на фронте двухсторонних и многосторонних отношений в Прикаспии уложилось в период с апреля по конец октября 2004 г., т. е. к выборам президента США. Однако, на наш взгляд, эта активность в неменьшей степени была направлена на противодействие росту влияния Китая, который, фактически, получил в рамках ШОС формальную возможность активизировать в регионе свою экономическую деятельность.

Естественно, что такая повышенная активность Москвы в регионе Прикаспия не могла

остаться без ответа со стороны американской администрации. Однако произошло это (в форме целой серии так называемых «цветных революций») только после того, как администрация Дж. Буша-мл. была в ноябре переизбрана на второй срок.

Примечания

- ¹ Jehl D. C. I. A. Says Russia Could Try to Reassert Itself after a Putin Victory // The New York Times. 2004. March 14. P. 1, 3.
- ² Russia, China ties vex experts New tilt seen to infringe on rights // The Washington Times. 2004. June 20. P. 1.
- ³ Opposition Daily Speculates on Russia's Latent Interests in Azerbaijan. Baku YeniMusavat in Azeri 13 Jul 04. URL: <http://groups.yahoo.com/group/RMSMC/message/3939?var=1>.
- ⁴ Official Baku altering pro-Western orientation to embrace Russia. Asia Africa Intelligence Wire. August 25, 2004 (From BBC Monitoring International Reports). URL: http://www.accessmylibrary.com/coms2/summary_0286-13131955_ITM.
- ⁵ Азимов Р. Узбекистан рассматривает Россию как одного из самых крупных экономических партнеров. URL: <http://fergana.mobi/articles/2850>.
- ⁶ Dangerous Game : China and Russia Revive their Interest in Central Asia // Financial Times. 2004. July 18. P. 18.
- ⁷ Байкова Е. Каспий вооружился до зубов // Независимая газета. 2004. 11 июня. С. 5.
- ⁸ Azeri daily reflects on reasons behind US general's удК [94+327](55)[2010/2012]

«ИСЛАМСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ» И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

А. В. Баранов

Саратовский государственный университет
E-mail: baranovav@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретической концепции «исламского пробуждения», предложенная лидером исламской революции Али Хаменеи для трактовки событий «арабской весны» в регионе Ближнего Востока. На основе исследования высказываний Хаменеи анализируются теоретические основы внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран на современном этапе по вопросам региональной системы безопасности и панисламского сотрудничества.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, «арабская весна», «исламское пробуждение», внешняя политика Ирана, Хаменеи.

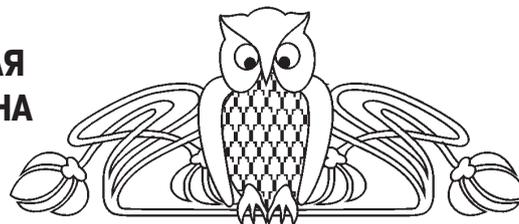
The «Islamic Awakening» and the «Arab Spring»: Iran's Foreign Policy Doctrine

A. V. Baranov

This article analyzes the theoretical concept of «Islamic awakening», proposed by the leader of the Islamic Revolution Ali Khamenei for the

«unexpected» visit. Asia Africa Intelligence Wire. June 11, 2004 (From BBC Monitoring International Reports). URL: http://www.accessmylibrary.com/coms2/summary_0286-21620223_ITM.

- ⁹ Eurasian community leaders arriving in Kazakhstan for economic summit. Asia Africa Intelligence Wire. June 17, 2004 (From BBC Monitoring International Reports). URL: http://www.accessmylibrary.com/coms2/summary_0286-21670800_ITM.
- ¹⁰ Four CIS states to set up new military force in Central Asia. Asia Africa Intelligence Wire. November 23, 2004 (From BBC Monitoring International Reports). URL: http://www.accessmylibrary.com/coms2/summary_0286-14575823_ITM.
- ¹¹ Мухин В. Министерство обороны противится новому геополитическому переделу СНГ // Независимая газета. 2004. 26 ноября.
- ¹² Russian TV report sums up CIS «antiterror» exercise in Kyrgyzstan. Asia Africa Intelligence Wire. August 07, 2004 (From BBC Monitoring International Reports). URL: http://www.accessmylibrary.com/coms2/summary_0286-12891525_ITM.
- ¹³ Путин избран председателем Совета глав государств СНГ. 16 сентября, 2004. URL: <http://www.grani.ru/Politics/m.76851.html>.
- ¹⁴ Russia Joins Central Asia Cooperation organization. Xinhua. October 19, 2004. URL: <http://www.vlex.cn/vid/russia-joins-asia-cooperation-organization-196755611>.
- ¹⁵ Ibid ; Russia Joins Central Asian Organization // The Associated Press. The Record (Bergen County, NJ). 2004. August 29.

interpretation of the events of the «Arab Spring» in the Middle East. Based on the study of statements Khamenei, analyzes the theoretical basis of the doctrine of foreign policy of the Islamic Republic of Iran at the present stage for regional security cooperation and pan-Islamic.

Key words: Middle East, Iran, «Arab spring», «Islamic awakening», foreign policy of Iran, Khamenei.

В январе 2013 года арабский мир отметил вторую годовщину событий, с легкой руки журналистов получивших название «арабской весны». Действительно, поначалу мир стал свидетелем «знаковых» событий для региона – отставка 14 января 2011 г. президента Туниса Зин аль-Абидина Бен Али, правившего страной с 1987 года. Затем, 11 февраля, последовала самая сенсационная отставка президента Египта Хосни Мубарака, который правил страной с 1981 года.

Вместе с устранением ливийского лидера Муамара Каддафи 20 октября 2011 года, правившего с 1969 г., события «арабской весны» стали восприниматься и трактоваться как признаки кардинальных перемен во всем регионе арабского, и более широко – исламского, мира.

Выдвижение в качестве основных лозунгов с требованиями демократизации общественных институтов власти оказало двойное влияние на страны региона. Во-первых, «весенняя волна», сметая ряд ближневосточных режимов, не смогла низвергнуть самые мощные «форпосты» авторитаризма в регионе в лице арабских монархий Персидского залива, являющихся традиционными союзниками США. Нежелание начинать реформы по либерализации режимов привело к дискредитации их в глазах как мирового сообщества, так и местных народов. А во-вторых, события последнего десятилетия, начиная с американского вторжения в Афганистан и Ирак, привели, в купе с кризисом власти в Египте и Сирии, к устранению с политической арены Ближнего Востока традиционных «тяжеловесов» в лице тех же самых Ирака, Египта и Сирии. Все вместе взятое привело к тому, что здесь стали активно действовать «чужаки» в глазах арабского мира. Речь, прежде всего, идет о неарабских Иране и Турции.

Естественно, что данные события не могли пройти незамеченными у исследователей, специализирующихся на данном регионе мира. Библиография данной проблемы четко подразделяется на два этапа. На первом этапе падение авторитарных режимов воспринималось мировым сообществом как наступление в арабо-исламском мире новой эры ее политического развития. Были сильны ожидания, что и страны Ближнего Востока вступают в полосу демократического развития, которому будут присущи все атрибуты свободного гражданского общества, уже долгие годы существующего в странах Запада. Этой эйфории были подвержены не только западные¹, но и целый ряд отечественных востоковедов².

Однако дальнейшее развитие ситуации в регионе привело к росту влияния сторонников критического восприятия природы и вероятных последствий этого движения не только для стран региона, но и для всей системы современных международных отношений. Причем и западные³, и отечественные специалисты⁴ все больше стали выделять неоднозначность данного феномена для судеб всего региона, сходясь во мнении о кардинальной перекройке всей системы «баланса сил». В этом хоре особенно выделяется работа израильского специалиста Эфраима Инбара «Арабские восстания и национальная безопасность Израиля»⁵. По мнению Инбара, все, что сейчас происходит в регионе, не несет ничего хорошего в плане укрепления стабильности и региональной безопасности. «Несмотря на вековое влияние западной культуры, ни одному арабскому государству не удалось построить стабильного

демократического общества, основанного на идеях гражданских свобод, политических прав, системы всеобщего образования, гендерного равенства и экономического развития»⁶, отмечает он. «Демократические» выборы в Ливане 2005 г. и Палестине в 2009 г. привели к власти исламистов, что говорит о несовершенстве гражданского общества в арабском мире.

Общий вывод, сделанный Эфраимом Инбаром в своем анализе, заключается в том, что в нынешних обстоятельствах исход еще трудно спрогнозировать, Израиль должен активнее укреплять свою обороноспособность и готовиться к серии «малых войн» против негосударственных акторов в лице палестинского ХАМАС и ливанской Хизбаллы⁷.

При этом Израиль должен не снижать уровень своих отношений с США, несмотря на временный спад активности Вашингтона на ближневосточном направлении. По мнению Инбара, гегемония США продлится в мире еще как минимум 20 лет. Потеря Турции в качестве «стратегического партнера» может компенсироваться сближением с Грецией, Кипром и Италией, что призвано усилить «западное» присутствие в Восточном Средиземноморье и нейтрализовать рост влияния исламского фактора.

Самый опасный вариант развития ситуации под влиянием «арабской весны», по мнению Инбара, – это ядерный Иран, который может выиграть время для завершения работ над своей ядерной программой и поставить мировое сообщество перед свершившимся фактом. Это может привести к «цепной реакции», когда и другие страны региона начнут развивать свои ядерные программы, что серьезным образом осложнит национальную безопасность Израиля, единственной ядерной державы в регионе⁸.

Этот последний сценарий развития ситуации пугает и американских политиков. В качестве иллюстрации можно привести статью Джона Болтона в газете *New York Post* от 27 ноября 2012 г. – «Иран сидит все крепче»⁹. По мнению Болтона, недавние события, связанные с военной операцией Израиля против ХАМАС, продемонстрировали тот факт, что Иран, несмотря на международные санкции, активно оказывает помощь палестинским «террористам» в Секторе Газа. «Как Иран будет мстить, если по его ядерным объектам будет нанесен предупреждающий удар? Есть несколько возможных вариантов, включая перекрытие Ормузского пролива или прямой атаки по Израилю. Но наиболее вероятны все же косвенные методы, через активизацию террористических группировок в Ливане и Газе». Израильские ВВС не способны атаковать одновременно три стратегические цели, находящиеся на территории Ирана, а также Ливана и Газы. Это означает, что только совместными усилиями Израиля и США можно будет достичь этих целей одновременно. Следовательно, затягивание разрешения «иранской

проблемы» будет вести к тому, что Тегеран будет все сильнее разжигать ближневосточный конфликт, беспрепятственно поставляя палестинцам оружие и ракеты. А если в Египте исламистам из организации «Братья-мусульмане» удастся консолидировать в своих руках всю власть в стране, это будет означать, что Иран получит плацдарм непосредственно у границ Израиля.

Активизация на внешнеполитической арене Исламской Республики Иран не случайна. Это и приток в страну огромного количества нефтедолларов, рост антиамериканских настроений в регионе¹⁰, вызванный откровенными провалами политики Соединенных Штатов, приход к власти амбициозного и эксцентричного лидера Махмуда Ахмадинежада, осуществление собственного «атомного проекта», ставшего олицетворением возрождения могущества Иранского государства.

Отсюда и интерес у специалистов и политиков к внешнеполитической доктрине современного Ирана, заявляющего, что в ее основе лежат не принципы национального интереса, а принцип исламской солидарности, уходящий своими корнями в учение Имама Хомейни об Исламской революции. Таким образом, рассмотрение идеологических концепций Имама Хомейни в интерпретации нынешнего лидера исламской революции (Рахбара) аятоллы Али Хаменеи должно помочь в понимании и объяснении предпринимаемых Тегераном шагов в правление нынешнего Президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада. Анализ данных концепций поможет прогнозированию дальнейших внешнеполитических инициатив Ирана по разрешению внутрирегиональных проблем.

Сменивший Хомейни, после смерти последнего 4 июня 1989 года, на посту верховного лидера (Рахбара) исламской революции аятолла Али Хосейни Хаменеи, всячески подчеркивал, что он является продолжателем дела своего «духовного наставника и учителя». «Принципы и идеи, провозглашенные Имамом Хомейни», наставлял Хаменеи министров правительства Ахмадинежада, «должны быть среди фундаментальных лозунгов, которым правительство всецело руководствуется в своей деятельности»¹¹. Поэтому естественно, что с началом событий «арабской весны» Хаменеи не мог не обратить внимания мира и Ирана, что они являются «логичным продолжением» реализации «предсказаний Имама Хомейни»¹².

Анализируя высказывания Хаменеи о причинах, вызвавших революционные события в арабском мире, следует выделить тот факт, что в Иране их именуют не иначе как «исламское пробуждение», подчеркивая специфику теоретической основы, в качестве которой и выступает ислам. Тогда как термин «арабская весна» не нашел сторонников среди иранской правящей элиты, так как он ассоциируется с ярко выраженной национальной окраской и светским характером движений. На это отличие в терминологии особо обращают внимание иранские исследователи¹³.

Так, Хаменеи, обращаясь с речью к делегатам 1-й Международной конференции исламского пробуждения 17 сентября 2011 года, заявил: «Это пробуждение привело к большому движению среди народов нашего региона и вызвало несколько восстаний и революций, что не предусматривалось доминировавшими региональными и международными сатанинскими державами. Оно низвергло авторитарные и империалистические тиранические режимы»¹⁴. Под ними подразумевались режимы Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте, Муаммара Каддафи в Ливии. Анализируя причины их краха, он, тем самым, выделяет и предпосылки начала самого «исламского пробуждения».

Хаменеи называет эти режимы «американскими марионетками», и это, по его мнению, являлось одной из главных причин для антиправительственных выступлений в этих странах. «Тунисский народ управляется американской марионеткой и правителем – предателем, ... прислуживание Мубарака перед Америкой стало главной преградой для Египта к процветанию». Тунисский экс-президент, по мнению Хаменеи, сильно зависел от Америки и ЦРУ. «Поддержка диктаторов является определенной политикой американцев, и они защищали Хосни Мубарака до последнего, но когда они поняли, что дальнейшее его пребывание на посту невозможно, они бросили его подобно ненужному платку. Это должно стать наглядным уроком для независимых лидеров»¹⁵.

Досталось и Каддафи за то, что вопреки интересам ливийского народа, заинтересованного в укреплении национальной независимости, он пошел на сговор со странами Запада по ядерной программе Ливии. В обмен на отказ и сворачивания ядерных исследований, Каддафи получил возможность привлечь западные капиталы для разработки ливийских энергоресурсов и наживаться за счет народа. По мнению Хаменеи, этим шагом Каддафи ослабил не только национальную безопасность Ливии, но и всего исламского мира. Поэтому и не удивительно, что в глазах Запада Каддафи выступает как «противник демократии и прав человека», а в глазах ливийцев – он узурпатор и диктатор¹⁶.

Не менее, если не более, серьезным преступлением в глазах Хаменеи выглядит политика некоторых арабских стран в отношении Израиля. И здесь больше всех от Хаменеи досталось Хосни Мубараку. Говоря об израильском направлении внешней политики Мубарака, лидер исламской революции не стесняется в выражениях. Мубарак является «не только сионистом, он их компаньон, коллега, доверенное лицо и слуга»¹⁷. Выступая с речью 3 июня 2012 г. по случаю годовщины смерти Имама Хомейни, Хаменеи дал развернутую характеристику, назвав Египет влиятельной страной региона, которую населяет великий народ. Далее он уточнил, что предыдущий режим был коррумпированным, и он похитил честь и

достоинство египетского народа, обменяв их на стратегические выгоды сближения с Израилем, однако сегодня это предательство раскрыто. Режим Мубарака выступал гарантом безопасности Израиля даже тогда, когда 1,5 млн палестинцев Газы в ходе 22-дневной войны 2009 года оказались заблокированы в секторе и отрезаны от внешнего мира. Сегодня, отметил Хаменеи, с падением Мубарака, сионистский режим почувствовал себя голым и неприкрытым¹⁸.

Подобная проамериканская и произраильская политика не могла не привести к тому, что исламские страны не только политически, но и экономически оказались зависимы от «помощи» со стороны Запада. Это привело к тому, что экономики исламских стран не могли развиваться самостоятельно, ориентируясь на внутренние нужды народа. И с началом мирового экономического кризиса его последствия больно ударили по слабым экономикам Востока. В частности касаясь экономических лишений, Хаменеи отметил, что «Мубарак как приспешник Америки не смог привести Египет к прогрессу, и многие египтяне живут за чертой бедности»¹⁹.

Сегодня, наблюдая за крахом целого ряда ближневосточных режимов, можно сделать вывод, что причина этого неизбежного финала крылась в том, что еще «в 1950–60-е годы в регионе к власти пришли правительства, исповедовавшие материалистическую идеологию и практику, из-за этого они и попали в ловушку западных империалистических и колониальных сил»²⁰. Расплата была неизбежна, так как народ устал от подобных экспериментов. Первой страной, решившей порвать с униженной зависимостью от Запада и свергнуть прозападный режим, был Иран. «Не может быть сомнений в том, что исламская революция в Иране стала очередным звеном событий, приведших к нынешней ситуации в исламском мире», уверен Хаменеи. Иран, таким образом, стал образцом для подражания всем, кто стремится к достижению таких целей, как независимость, процветание, национальное достоинство. «Факт заключается в том, что иранский народ доказал возможность двигаться по пути прогресса без помощи со стороны Америки или другой какой-либо державы, и даже вопреки тем препятствиям, которые ими создаются»²¹. Речь в данном случае идет о многочисленных санкциях, инициированных Западом, который «впал в ярость» из-за несгибаемой позиции Исламской Республики.

Выступая с речью перед Корпусом басидж 27 ноября 2011 г., Хаменеи заявил: «Исламские народные движения в регионе, без всякого сомнения, сохранятся и будут продвигаться вперед, и, благодаря последовательному пробуждению наций, марионеточные режимы один за другим покинут арену действий, при этом слава и могущество ислама будут расти с каждым днем все больше»²². А это означает, что возрождение исламского мира может произойти только через

возвращение к истокам ислама как мировоззрения, включающего в себя не только морально-нравственную, но и политическую составляющую. Возвращение к истокам ислама, такими как их представил в своих трудах Имам Хомейни, и составило суть концепции, которая должна была стать базовой для принятия и реализации «исламского пробуждения».

Развернутое содержание данной концепции Хаменеи попытался дать в своем большом выступлении на открытии 1-й Международной конференции исламского пробуждения, которая прошла в Тегеране 17–18 сентября 2011 года²³.

Исламское пробуждение, по словам Хаменеи, было вызвано сильным воодушевлением и глубоким осмыслением своего положения мусульманами. Идеологически движение уходит своими корнями в историю, которой уже более 150 лет, когда многочисленные интеллектуалы и богословы из Египта, Индии, Ирака и других стран Азии и Африки выступили провозвестниками и пионерами исламского движения.

Основные черты нынешних революций в регионе, в Египте и других странах заключаются в следующем:

- стремление к возрождению и восстановлению национального достоинства и уважения, которые были нарушены и попораны в течение долгих лет диктаторских и коррумпированных правлений;

- подъем знамени Ислама, которое является символом глубокой веры и давней привязанности народа, способного наслаждаться плодами мира, справедливости, прогресса и процветания под сенью исламского шариата;

- сопротивление влиянию и доминированию США и Европы, наносящее великое опустошение и унижение народам этих стран на протяжении последних 200 лет;

- противостояние узурпаторскому и фиктивному сионистскому режиму, который вонзил империалистические державы подобно кинжалу в самое сердце региона, и призванного служить инструментом для продолжения дьявольского доминирования после изгнания целого народа с их исторической родины.

Конечной целью исламского пробуждения Хаменеи провозглашает «прогресс», но в его исламском понимании, отличном от распространенного толкования этого термина на Западе. Он критикует и отрицает механистическую трактовку термина, заключающую в себе, прежде всего, улучшение жизненных условий, наполнение жизни комфортом, а также развитие военной составляющей. С точки зрения ислама, прогресс – это более широкое и сложное явление, включающее в себя не только материальные достижения в области науки, технологии, но также и рост стандартов жизненного уровня, экономическое развитие и политическую независимость. Прогресс в исламе – это и духовное самосовершенствование личности,

что означает сближение с Аллахом и постижение его откровения²⁴.

Проблемы, остро вставшие перед исламским миром сегодня, уже решены в Иране, который вступил на путь исламской революции еще в 1979 году. По словам Хаменеи, «Аллах доверил нам многочисленные знаки предрасположения к нам о нашем предназначении, и мы должны исполнить его решительно и тщательно»²⁵. И это призывание иранского народа заключается в том, что он должен всемерно помогать мусульманским народам встать на путь исламского пробуждения. «Иран должен рассматривать себя как потенциальную модель и возможный источник оказания помощи другим мусульманским государствам. Если другие народы воспримут опыт иранского народа, это принесет выгоду не только Ирану, но и региональным странам, так как будет образована единая мусульманская нация»²⁶. И в итоге во всех странах будет установлено исламское правление.

Такое окончание массовых народных движений на всем Ближнем Востоке, по мнению Хаменеи, приведет не только к региональной, но и глобальной трансформации международной системы. «Глобальному диктату» Соединенных Штатов будет нанесен сокрушительный удар. «США потерпели унизительное поражение в Ираке и Афганистане, и у них нет иного выбора, как покинуть эти две страны. К тому же Америка терпит поражение и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке, где американцам не удается сохранить правителей, правивших в своих странах под защитой США»²⁷.

В связи с крахом американской политики глобальной гегемонии мир превратится в многополярный, «в котором традиционные полюса власти уступают свое место целому комплексу стран, с разнообразными цивилизациями и культурами». На месте Ближнего Востока возникнет единая исламская умма, которая вернется к своим культурным истокам. А это означает серьезную трансформацию региона, так как уход США оставит один на один с исламским миром Израиль. «Стратегия мусульманских народов заключается в том, что они не могут признать раковую опухоль в лице Израиля и не могут дальше принимать доминирование сионистов и США в международных отношениях»²⁸.

Хаменеи, выступая на 16-м саммите глав государств-членов организации движения непризнания, прошедшем 30 августа 2012 года в Тегеране, коснулся палестинского вопроса: «Мы выдвинули справедливый и вполне демократичный путь решения: пусть все палестинцы, как его нынешние жители, так и те, которые были изгнаны в другие страны и сохранили свою палестинскую сущность, будь то мусульмане, христиане, иудеи, примут участие во всеобщем референдуме при тщательном и надежном наблюдении и выберут политический строй этой страны, и все палестин-

ские беженцы, которые на протяжении долгих лет терпят страдания разлуки с родиной, пусть вернутся в свою страну и примут участие в этом референдуме, затем в составлении Конституции и выборах. В таком случае установится мир»²⁹. Он вновь повторил, что иранский народ может жить в мире с еврейским народом, но не может признать сионистского режима Израиля.

Исходя из возможных перспектив исламского пробуждения, Хаменеи предупреждает мусульман, что их конечные цели не могут не вызывать неприятия и сопротивления со стороны тех, кто будет стремиться сохранить старый порядок вещей. Необходимо сохранять осторожность и бдительность. «Нужно быть готовыми к тому, что Запад будет постоянно плести интриги против мусульманских народов региона, с целью затормозить или изменить общий вектор развития движения исламского пробуждения»³⁰. И здесь противниками являются не только внешние, которые легко просчитываются, но и внутренние. Для того чтобы выявить последних, Хаменеи предлагает обратить внимание на то, поддерживаются ли ими основные лозунги исламского пробуждения: антиамериканизм, антиссионизм и народность. «И если мы увидим, что движение спровоцировано США или сионистами, мы не поддержим его, так как уверены, что Большой Сатана и его сателлиты не будут ничего делать ради другого народа»³¹.

На практике это должно означать поддержку исламских партий там, где они уже пришли к власти в результате ее смены и проведенных парламентских выборов. Наиболее яркие примеры – Египет, где у власти оказались «братья-мусульмане», и Тунис, где к власти пришла исламская партия «Ан-Нахда», являющаяся филиалом египетских «братьев-мусульман». Здесь, по словам Хаменеи, могут возникнуть проблемы следующего рода. «Те, кто поклоняется Америке и Западу, попытаются, опираясь на поддержку своих покровителей за океаном, изменить основное течение движений в угоду своим кумирам. Этот сценарий может пройти там, где правительства и Конституции вновь отринут исламское правление, что может привести их в ловушку культурной, политической и экономической зависимости от Запада»³².

Другим примером противостояния исламскому пробуждению со стороны его противников является Сирия. Хаменеи, затронув ситуацию внутри и вокруг этой страны на встрече с лидером Исламского джихада Рамаданом Мохаммадом Шаллахом 31 января 2012 года, заявил: «Американцы и определенные западные страны хотят отомстить Сирии за свои недавние поражения в регионе, включая Египет и Тунис»³³. А 30 марта 2012 г., встречаясь с турецким премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом, Хаменеи уточнил, что США и сионисты стремятся сбросить сирийское правительство Б. Асада за его приверженность фронту сопротивления сионистскому режиму.

Вновь подтвердив, что «Исламская Республика Иран будет защищать Сирию»³⁴.

Вмешательство Запада во внутренние дела Сирии осуществляются под прикрытием «защиты гражданских прав сирийского народа». На самом деле, по мнению лидера исламской революции, такая тактика США, Европы и сионистов направлена на «поощрение анархии, терроризма, гражданской войны между разными конфессиональными или этническими группами населения, политическими партиями, или даже между соседними нациями и правительствами»³⁵. Параллельно, уверен Хаменеи, будут использоваться такие акции, как введение экономической блокады и санкции, замораживание национальных активов и запуск в СМИ пропагандистской войны. Поэтому Иран должен придерживаться жесткой позиции в вопросе о недопущении вмешательства во внутрирегиональные дела внерегиональных сил, а тем более, против военной интервенции в одно из мусульманских государств региона.

Таким образом, подводя краткий анализ теоретической основы внешнеполитических взглядов Рахбара аятоллы Хаменеи, можно говорить о том, что в основе определения основных стратегических внешнеполитических принципов ИРИ на современном этапе ее существования лежит сформулированная еще Хомейни концепция «правления факиха» (*велайят-э факих*), являющаяся краеугольной формулой исламского правления.

Положив в основу принципы исламского мировосприятия, Хомейни вновь вернулся к традиционному делению мира на мир ислама (Дар-оль-Ислам) и мир войны (Дар-оль-Харб). Перенеся это деление на современные международные отношения, он выдвинул концепцию «угнетателей и угнетенных» (*мостазафин* и *мостакберин*). При этом лидеры исламской революции исходили из принципа недопущения установления доминирования над мусульманами недружественного враждебного правления (*нафи-э сабил*)³⁶. Данный подход отразился в концепции «Ни Запад, ни Восток, а исламская революция».

На практике это нашло свое воплощение в принципе «сердечного сближения мусульман», суть которого заключалась в том, что Иран рассматривал в качестве своего морального долга и обязательства помогать всем мусульманским общинам (государствам и организациям) в продвижении их на пути к Аллаху. Конечной целью данного процесса обозначалось восстановление единой исламской уммы, которая будет строить свою политику на приверженности трем основным лозунгам: антиамериканизм (антизападничество), антисионизм и народность (исламская демократия).

Вследствие начавшейся «арабской весны», приведшей к серьезным трансформациям политическую структуру Ближнего Востока, в Иране восприняли ее как очередной этап исламской революции, начавшейся еще в 1979 году. Однако

дабы избежать критики со стороны мирового сообщества, Хаменеи выдвинул концепцию «исламского пробуждения», стремясь тем самым продемонстрировать, что это не стремление иранских властей революционизировать мусульманский мир Ближнего Востока, а наоборот, процесс вызван внутренними причинами и самим ходом развития данных обществ. Поддержав основные идеологические лозунги народных движений, которые сводились к требованию возрождения ислама, Тегеран стал активно проводить политику по поддержке данных движений, отрицая вмешательство со стороны внерегиональных держав. В качестве подобных шагов можно привести пример возобновления дипотношений с Египтом и «иранскую инициативу» по урегулированию сирийского кризиса.

Примечания

- ¹ *Affaya Mohammed N.* The 'Arab Spring': breaking the chains of authoritarianism and postponed democracy // *Contemporary Arab Affairs*. 2011. Vol. 4, iss. 4. P. 463–483 ; *Jones Clive.* Europe, globalization and the coming universal caliphate // *Middle Eastern Studies*. 2011. Vol. 44. iss. 1. P. 141–144 ; *Lust, Ellen.* Opposition Cooperation and Uprisings in the Arab World // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2011. Vol. 38, iss. 3. P. 425–434 ; *Aliboni, Roberto.* The International Dimension of the Arab Spring // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2011. Vol. 46, № 4. P. 5–9.
- ² *Агаев Р.* Ближний Восток : лжереволуция // *Вестник аналитики*. 2011. № 2. С. 37–47 ; *Аксененок А.* Восстание арабов : к чему ведет пробуждение Ближнего Востока // *Россия в глобальной политике*. 2011. Т. 9, № 1. С. 8–15 ; *Дергачев В.* Геополитическая перезагрузка Арабского Востока // *Вестник аналитики*. 2011. № 2. С. 21–30 ; *Манойло А.* «Финиковые революции» : стихия или «управляемый хаос»? // *Международная жизнь*. 2011. № 5. С. 63–78 ; *Подцероб А.* Восстания арабов в XXI веке : что дальше? // *Международная жизнь*. 2011. № 10. С. 66–76 ; *Лукиянов Ф.* Весна без конца и края // *Россия в глобальной политике*. 2012. Т. 10, № 4. С. 13–19 ; *Нечитайло Д. А.* Аль-каида и «Арабская весна» // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 10.
- ³ *Al-Rasheed Madavi.* The Arab Uprisings : the unfinished revolutions of the New Middle East // *Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 48, iss. 4. P. 675–677 ; *Asef Bayat.* Arab Revolts: Islamists aren't Coming! // *Insight Turkey*. 2012. Vol. 13, № 2. P. 9–14 ; *Francis Ghilès.* A New Deal for Arab People // *Insight Turkey*. 2012. Vol. 14, № 1. P. 13–27 ; *Moshe Ma'oz.* The «Arab Spring» and the New Geo-Strategic Environment in the Middle East // *Insight Turkey*. 2012. Vol. 14, № 4. P. 13–23 ; *Inbar, Efraim.* The 2011 Arab uprisings and Israel's national security // *Mideast Security and Policy Studies*. 2012. № 95. February.
- ⁴ *Васильев А. М.* Иран как «шиитская сверхдержава» : реальные и мнимые вызовы // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 8. С. 3–7 ; *Иванов И. С.* Иранская ядерная программа : позиция России // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 8. С. 15–16 ; *Лукоянов А.* Шиизм и

- великодержавность : баланс двух культурных традиций определяет будущее Ирана // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 3. С. 132–141 ; Паку М. США и ИРИ : от «Ирангейта» к вооруженному конфликту // Международная жизнь. 2011. № 9. С. 95–104 ; Рогов С. М. Роль Ирана в политике США на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8. С. 1–3.
- 5 *Inbar Efraim*. The 2011 Arab uprisings and Israel's national security // *Mideast Security and Policy Studies*. 2012. № 95. February.
  - 6 *Ibid*. P. 2.
  - 7 *Ibid*. P. 21.
  - 8 *Inbar Efraim*. Op. cit. P. 17.
  - 9 *Bolton John R*. Iran sitting prettier. URL: http://www.nypost.com/p/news/opinion/opedcolumnists/iran_sitting_prettier_hlNiRoukvkZnsZC13oekLP (дата обращения: 02.12.12).
  - 10 Одним из последних проявлений этого феномена является реакция мусульманского мира на провокационный фильм о ранних годах Пророка Мухаммеда «Невинность мусульман», выложенный в Интернете в канун годовщины терактов 11 сентября.
  - 11 Leader : sanctions cannot last long. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8517> (дата обращения: 16.11.12).
  - 12 Palestine belongs to Muslims in its entirety. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8152> (дата обращения: 19.11.12).
  - 13 *Amir Mohammad Haji-Yousefi*. Iran and the 2011 Arab revolutions: perceptions and actions // *Discourse : An Iranian Quarterly*. 2012. Vol. 10, nos. 1–2, Winter-Spring ; *Kayhan Barzegar*. Arab Uprising and the Changing Geopolitics in the Middle East // *Discourse : An Iranian Quarterly*. Vol. 10, nos. 1–2, Winter-Spring 2012 ; *Torabi, Ghasem*. Arab revolutions and Iran's security // *Discourse : An Iranian Quarterly*. 2012. Vol. 10, nos. 1–2. Winter-Spring.
  - 14 'West seeks to defeat Muslim's revolutions'. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.12).
  - 15 Friday prayers at Tehran University. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 16.11.12).
  - 16 US defeats in region to continue. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7901> (дата обращения: 18.11.12).
  - 17 Friday prayers at Tehran University. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 16.11.12).
  - 18 Imam Khomeini, father of Islamic Awakening. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9483> (дата обращения: 25.11.12).
  - 19 Friday prayers at Tehran University. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 16.11.12).
  - 20 'West seeks to defeat Muslim's revolutions'. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.12).
  - 21 Imam Khomeini, father of Islamic Awakening. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9483> (дата обращения: 25.11.12).
  - 22 Islamic Revolution inspired other nations. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8907> (дата обращения: 14.11.12).
  - 23 'West seeks to defeat Muslim's revolutions'. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.12).
  - 24 Leader: 'Ultimate objective of Iran's Islamic Revolution is progress'. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9956> (дата обращения: 06.12.12).
  - 25 IR Leader warns about new enemy scenario. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8121> (дата обращения: 19.11.12).
  - 26 Enemies fear Iran's leading role in region. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8772> (дата обращения: 14.11.12).
  - 27 US is the principal terrorist in world. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8855> (дата обращения: 14.11.12).
  - 28 Meeting with young Muslims from 73 countries. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9066> (дата обращения: 23.11.12).
  - 29 Выступление Великого вождя исламской революции на 16-м саммите глав государств-членов Движения неприсоединения в Тегеране. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=82719 (дата обращения: 18.10.2012).
  - 30 Regional movements, anti-US, anti-Zionist in nature. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8268> (дата обращения: 21.11.12).
  - 31 Palestine belongs to Muslims in its entirety. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8152> (дата обращения: 19.11.12).
  - 32 'West seeks to defeat Muslim's revolutions'. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.12).
  - 33 US confronting Syria over resistance. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9077> (дата обращения: 23.11.12).
  - 34 Iran opposes any foreign intervention in Syria. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=9293> (дата обращения: 25.11.12).
  - 35 'West seeks to defeat Muslim's revolutions' // URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8585> (дата обращения: 16.11.12).
  - 36 *Entekhabi, Shahrout Amir*. Role of religious texts in shaping the foreign Policy of the Islamic republic of Iran // *Discourse : An Iranian Quarterly*. 2004. Vol. 6, № 2. P. 67.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 394.26(470.44):1912:

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА 1912 ГОДА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В. П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Статья посвящена участию жителей Саратовской губернии в мероприятиях, посвященных 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года.

Ключевые слова: 100-летний юбилей, Отечественная война 1812 года, Саратовская губерния.

Anniversary celebrations of 1912 in the Saratov Region

V. P. Totfalushin

The article is devoted to the participation of the Saratov Region's citizens in the activities devoted to the 100-year anniversary of the Patriotic war of 1812.

Keywords: 100-year anniversary, Patriotic war of 1812, Saratov Region.

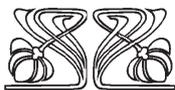
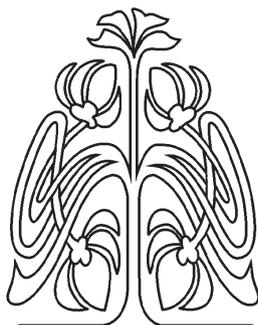
В начале XX столетия Россия пережила череду юбилеев, среди которых самым ярким следует признать 100-летие Отечественной войны 1812 года. Это стало следствием того, что формирование памяти об этой войне шло практически непрерывно в течение всего XIX в., и к 1912 г. уже накопился значительный опыт увековечивания военных событий. И можно смело утверждать, что 100-летие победы над наполеоновской Францией стало своеобразным подведением итогов в этом направлении.

Предстоящими юбилейными торжествами правительство преследовало вполне определенные политические цели, предлагая подданным забыть о недавних поражениях в Русско-японской войне и потрясениях последовавшей за ней революции. Праздничные церемонии должны были по замыслам их организаторов в очередной раз подтвердить величие империи, мощь ее вооруженных сил, единение власти и народа в трудный час, величественность роли монарха как защитника Отечества.

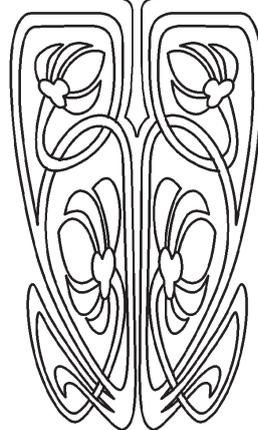
Хотя сценарии этих празднеств не имели особых отличий от того, чем наполнялись иные церковные и светские праздники, принципиально важным векового юбилея Отечественной войны 1812 года был размах торжеств: он отмечался буквально по всей стране. По решению правительства основные мероприятия как в центре, так и на окраинах империи, были приурочены к 100-летию сражения у села Бородино. Лишь в духовных учебных учреждениях и земских сельских школах их перенесли на 11 октября (день оставления неприятелем Москвы)¹, к окончанию сельскохозяйственных работ.

Не осталась в стороне от этого события и Саратовская губерния. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области и связанные с подготовкой и проведением здесь различных мероприятий, отложились в фонде Саратовского губернского правления, где составили дело из 361 листа². Часть этих материалов недавно была опубликована³.

Дополнительные сведения по теме данной статьи были почерпнуты из хроники саратовской жизни, публиковавшейся на страницах местных газет.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

К событиям того времени мы уже обращались, рассматривая участие Саратовской учёной архивной комиссии в деле подготовки к празднованию 100-летнего юбилея и торжества 1912 г. в самом Саратове⁴. В настоящей статье мы попытаемся показать панораму мероприятий, прошедших в Саратовском крае в 1912 году.

Первым направлением деятельности саратовцев в подготовке к юбилейным торжествам стало участие в разыскании ветеранов и очевидцев той войны. Эту работу в Саратовской губернии начали задолго до памятной даты. Еще 23 августа 1910 г. в Саратовское губернское правление поступило циркулярное письмо о сборе сведений «об оставшихся среди населения ветеранах Отечественной войны и очевидцах ее, а также и потомках умерших уже...» для возможного привлечения их к участию в торжествах. В связи с этим 25 августа полицмейстерам и уездным исправникам было предписано собрать требуемые сведения⁵.

Эта работа в губернии была завершена к 1 ноября 1910 г.: представив сведения о потомках⁶, полицмейстеры и уездные исправники Саратовской губернии единодушно отрапортовали губернатору П. П. Стремоухову, что живых участников и очевидцев событий 1812 года в их уездах нет⁷.

Однако 28 июня 1912 г. в Саратовскую губернию вновь поступила циркулярная телеграмма о сборе сведений о ветеранах и современниках 1812 года с вопросом: могут ли они приехать в Москву для участия в торжествах⁸.

На основании этого распоряжения губернатор предписал полицмейстерам и исправникам собрать сведения обо всех проживающих в городе или уездах ветеранах или очевидцах войны 1812 года. В рапорте следовало указать их звание, имя, фамилию и возраст, в каких сражениях они участвовали или чего были очевидцами, а также сообщить об их имущественном положении и могут ли они прибыть в Москву. А если у них нет на это средств, то выяснить, сколько нужно денег для финансирования их поездки⁹. И вновь с мест последовал ответ, что живых участников и очевидцев событий 1812 года в Саратовской губернии нет¹⁰.

Вторым направлением деятельности саратовцев стала подготовка официальных делегаций от губернии для участия в праздновании 100-летия Бородинского сражения. 3 июля 1912 г. министр внутренних дел А. А. Макаров направил губернаторам циркуляр о порядке формирования этих делегаций. В нем говорилось, что «от вверенной Вам губернии» должны быть направлены «губернский предводитель дворянства, один волостной старшина от всей губернии по Вашему выбору и не более пяти представителей инородческого населения, принимавшего участие в Отечественной войне, по Вашему выбору».

Делегаты должны были прибыть «к 22 августа в Москву, где они имеют заявить о прибытии московскому градоначальнику...». «Кроме того,

могут присутствовать прибывшие на торжества председатель губернской земской управы, городской голова губернского города и депутация от сословий и обществ, прибывшие в Бородино для возложения венков на памятник Бородинского сражения...»¹¹.

Циркулярная телеграмма от 28 июля уточняла, что «в состав депутатий от сословий и обществ должны входить не более трех человек, и в крайнем случае пять». Телеграмма же от 2 августа информировала, что «порядком празднования количество отдельных депутатий не ограничено, но в состав каждой не должно входить более трех человек»¹².

В ответ уже 20 июля П. П. Стремоухов сообщил, что на торжества в Бородино прибудет волостной старшина Сокольской волости Сердобского уезда И. А. Антонов¹³. 23 июля губернатор передал сведения о составе депутатии от саратовского дворянства. Ее составили: губернский предводитель дворянства В. Н. Ознобишин, петровский уездный предводитель дворянства П. А. Васильчиков и вольский уездный предводитель В. П. Орлов-Денисов¹⁴. А 14 августа Стремоухов доложил об участии в бородинских торжествах председателя губернской земской управы К. Н. Гримма¹⁵.

В результате депутатия от Саратовской губернии выглядела так: губернский предводитель дворянства В. Н. Ознобишин, председатель губернской земской управы К. Н. Гримм и волостной старшина И. А. Антонов¹⁶.

Одновременно проходили выборы делегаций и на территории современного саратовского левобережья, которое тогда входило в состав Самарской губернии. Например, 31 июля Новоузенская городская дума избрала депутатиию в составе: городской голова В. И. Куров¹⁷, Т. М. Горанин¹⁸ и М. К. Варгамин¹⁹.

И наконец, на основании циркулярного предписания саратовские власти организовывали поездки на торжества частных лиц. 30 июня московский губернатор В. Ф. Джунковский сообщил саратовскому о том, что в юбилейных торжествах в Москве и Бородине могут принять участие прямые потомки мужского пола генералов, штаб- и обер-офицеров. При этом потомки участников бородинского боя будут присутствовать на торжествах в Бородине и Москве, остальные – только в Москве. Сведения о потомках из губерний следовало подать не позднее 15 июля²⁰.

Как сообщала газета «Саратовский листок» со ссылкой на распоряжение председателя межведомственной комиссии, право на поездку устанавливалось свидетельством, выдаваемым по месту жительства или службы. По прибытии в столицу свидетельства подлежали обмену на особые билеты в канцеляриях московского губернатора или московского градоначальника. Однако поездку эту желающие должны были совершать за собственный счет и «никаких денежных отпусков и

других воспомоществований на поездку в Москву не назначалось»²¹.

5 июля саратовский губернатор сообщил об этой возможности полицмейстерам и исправникам, в Саратовское епархиальное ведомство и в штаб 47-й пехотной дивизии, которая квартировала в губернии²². И в тот же день поступили первые заявки. Их направили, например, состоящий за обер-прокурорским столом в Первом департаменте Правительствующего Сената, почётный мировой судья Саратовского и Вольского уездов, коллежский асессор М. Л. Киндяков и товарищ прокурора Астраханского окружного суда надворный советник А. Л. Киндяков, которые являлись прямыми внуками по мужской линии полковника С. И. Киндякова, участника Отечественной войны в целом и Бородинского боя в частности. Они просили «выдать <...> обоим свидетельства на право присутствовать на торжествах»²³.

Кроме того, в процессе подготовки к торжествам от руководства Казанским учебным округом поступило предложение в учебные заведения обсудить вопрос о порядке празднования в них 100-летия Отечественной войны. При этом указывалось, что «чествование юбилея не может ограничиться стенами одной школы, а должно носить характер общенародный». Среди рекомендаций, полученных от руководства округа, было и предложение организовать летом «экскурсионно-паломничества на места, имеющие отношение к чествуемому событию»²⁴.

Указанная рекомендация была претворена в жизнь. Это подтверждает «Список лиц, принимавших участие на юбилейных торжествах Отечественной войны в Москве», из 15 человек. Они представляли 1-ю и 2-ю саратовские гимназии, 1-е и 2-е саратовские реальные училища и Вольское реальное училище²⁵.

Наконец, представители Саратовского Поволжья участвовали в деле организации Музея 1812 г. 18 апреля 1912 г. его московское бюро обратилось к саратовскому губернатору с просьбой предоставить предметы «эпохи 1812–1815 гг., хранящиеся в местном Музее или в распоряжении Архивной комиссии» для выставки, открытие которой планировалось в августе 1912 г. в Императорском историческом музее (ныне – ГИМ)²⁶. В ответ на этот призыв от аткарского предводителя дворянства Н. В. фон Гарднера в Музей 1812 года поступил портрет К. В. фон Гарднера – адъютанта великого князя Михаила Павловича²⁷, а Николаевское уездное земство Самарской губернии пожертвовало на Музей 200 рублей²⁸.

Важным показателем размаха юбилейных мероприятий в стране стало явление, когда символы исторических событий превратились в товар, когда символика великой победы стала едва ли не обязательным украшением предметов, предлагавшихся покупателю. По всей России продавались платки, спиртные напитки, парфюмерные и кондитерские изделия, посуда с портретами

Наполеона I и Александра I, их сподвижников, с цифрой «1812» и т. д. Это явление имело место и в пределах Саратовской губернии. Например, в одном из магазинов Верхних торговых рядов Саратова уже 25 февраля посетителям предлагался парфюмерный набор «Наполеон» (духи, одеколон, мыло), причем купившие его бесплатно получали книгу «1812–1912. Год ужаса и славы»²⁹.

Юбилей вообще предьявил повышенный спрос на литературу о войне, начиная с дорогих подарочных изданий и заканчивая книгами «для народного чтения». В этих условиях саратовские историки и краеведы также издали несколько работ³⁰, из которых главной стал сборник «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года», подготовленный Саратовской учёной архивной комиссией. Большую роль в его составлении сыграл Н. Ф. Хованский, подготовивший вскоре дополнения к сборнику³¹.

Не отставали от историков и местные деятели культуры: в саратовских театрах уже в январе – феврале 1912 г. шли спектакли, посвящённые событиям столетней давности. Так, в Общедоступном театре (ныне Академический театр драмы им. И. А. Слонова) были поставлены пьесы Е. П. Карпова «Пожар Москвы (1812 год)» и комедия австрийского драматурга Г. Бара «Наполеон и Жозефина». Рецензент, откликаясь на последнюю, писал: «Да и само содержание ее <...> злободневно – наступил 100-летний юбилей знаменательного «12-го года»»³². Правда, разгар юбилейных торжеств пришёлся на внесезонное время, и организовать постановку соответствующих пьес в театрах тогда не удалось. Но свидетельством актуальности темы 1812 года является то, что уже на исходе юбилейного года, 3 ноября, в Городском театре Саратова (ныне Академический театр оперы и балета) была показана новая пьеса А. М. Смолдовского «В год славы»³³.

Праздничные действия в Саратовской губернии включали в себя не только информационно-познавательные мероприятия, но и ряд мер социальной поддержки населения. В дни празднования городское самоуправление организовывало бесплатные обеды для бедных, в Царицыне, например, таких обедов было роздано 755³⁴. Главное тюремное управление отметило юбилейный день «улучшением пищи для заключенных»³⁵.

В учебных заведениях губернии учащимся раздавали юбилейную сувенирную продукцию и гостинцы («конфеты и пряники») ³⁶, имеющиеся в них стипендии были повышены и учрежден ряд новых для учащихся из числа детей беднейших жителей города, как правило, «в размере существующей платы за право учения»³⁷. В Императорском Николаевском университете было предложено учредить особую стипендию в память Отечественной войны, причём к подписке на неё привлечь не только преподавателей и служащих, но и студентов³⁸.

В городских богадельнях были учреждены койки «для призрения инвалидов военного зва-

ния». А в больницах появились «тематические» койки (например, «имени императора Александра Благословенного»), на которых лечение больных стало бесплатным. В Хвалынске «в пользу бедного потомка Отечественной войны Туктарова <...> собрали около 30 рублей, которые ему и выданы»³⁹.

На уровень и размах праздничных мероприятий существенно повлияли как возможности того или иного уездного города, так и степень подготовки к ним. Например, на совещании 19 июня 1912 г. петровский предводитель дворянства Васильчиков заявил, что в городе Петровске учителям порядок празднования неизвестен, и они не знают, как организовать торжества⁴⁰. Однако в большинстве уездных городов (Балашове⁴¹, Вольске, Камышине⁴², Царицыне⁴³) проходили заседания междуведомственных комиссий по вопросу организации юбилея и выработки его программы. Аткарское уездное земское собрание Саратовской губернии выделило на его проведение 2200 рублей⁴⁴, а в Царицыне только на украшение города было «ассигновано до 300 рублей»⁴⁵.

Как и в большинстве мест России, главные юбилейные торжества в Саратовской губернии проводились в основном два дня. Общими для всех населенных пунктов губернии стали заупокойные литургия и всенощные богослужения 25 августа, а 26 августа – торжественные литургии и молебны. Затем зачитывался высочайший приказ войскам гарнизона, после чего торжественная часть продолжалась церемониальным маршем и исполнением национального гимна. Завершался день посещением кинематографов, вечерами в учебных заведениях и т. д. Города были празднично украшены, а вечером иллюминированы⁴⁶. В селениях уездов «день 26 августа особыми торжествами обставлен не был», за исключением служений в церквях «при участии на богослужениях учащихся и начальствующих лиц во главе с участковыми земскими начальниками»⁴⁷.

В Балашове в параде приняли участие «местные войсковые части» и потешные⁴⁸ мужской гимназии⁴⁹, в Камышине – третий батальон Аслан-дуского полка⁵⁰, в Хвалынске – чины конвойной команды и потешные гимназии⁵¹, в Царицыне – Аварский полк, соколы⁵², потешные и два отделения пожарной команды с обозом⁵³. В Сердобске изюминкой праздника стала «джигитовка казачьей сотни», расположенной в городе.

Только в Саратове юбилейные торжества растянулись с 25 по 28 августа. 26 августа после утреннего богослужения основные мероприятия развернулись на Соборной площади (ныне имени Н. Г. Чернышевского), где были выстроены войска гарнизона, учащиеся средних учебных заведений, хор певчих и большой военный оркестр. После прочтения приказа войска прошли церемониальным маршем: сначала пехота, затем потешные, артиллерия, казаки и сводная команда пожарного обоза.

После этого с двух до пяти часов по полудню в клубах и кинематографах шли народные чтения

для взрослых с раздачей брошюр. В школах были проведены особые торжества для учащихся, включавшие молебен и лекцию, чтобы «ознакомить детей с празднуемым событием», а с пяти до семи часов вечера в кинематографах для них был организован бесплатный просмотр кинофильмов по особой программе. Такой же просмотр был организован и для войск гарнизона. Народные гулянья в губернском городе продолжались до полуночи.

К юбилейным торжествам 1912 г. был приурочен и церковный праздник Каресского полка⁵⁴, который обычно отмечали 9 мая⁵⁵. 27 августа после обедни и молебна состоялся парад полка, затем торжественный обед, после которого солдатами были показаны гимнастика и военные игры, а вечером в казармах состоялся танцевальный вечер. Днём позже силами местного гарнизона на ипподроме Общества поощрения коннозаводства (ныне стадион «Локомотив») в память юбилея Бородинского боя был устроен военно-спортивный праздник⁵⁶.

Осенние торжества были камерными и проходили, главным образом, в стенах учебных заведений. Например, 11 октября в епархиальном училище и Мариинской женской гимназии Саратова были устроены вечера в память 100-летия Отечественной войны. Читались рефераты преподавателями и воспитанницами, исполнялись музыкальные и вокальные номера. Завершились они исполнением народного гимна⁵⁷. В Баронске (ныне г. Маркс) праздника в двухклассном министерском, земских и приходских училищах прошли 11 и 12 октября. Училища, здания присутственных мест и некоторые частные дома были украшены флагами. 12 октября для учащихся в Лютеранской церкви был отслужен молебен, вечером в некоторых школах прошли литературные вечера⁵⁸.

Вероятно, ощущение большого праздника сохранялось среди населения долго. Во всяком случае, когда 25 ноября 1912 г. в зале саратовской Алексеевской консерватории состоялся литературно-музыкальный вечер, посвящённый памяти 1812 года, сбор от которого шел в пользу церковных школ Саратовского уезда, зал был полон. В тот вечер соединенный хор из воспитанников духовной семинарии, епархиального училища, учащихся Покровской школы и преподавателей церковных школ под управлением священника В. Добросовестного исполнил ряд вокальных номеров. Затем учащиеся прочитали стихотворения об Отечественной войне 1812 года⁵⁹.

Таким образом, жители Саратовской губернии приняли активное участие в мероприятиях, посвященных 100-летию юбилею первой Отечественной войны, – как на всероссийском, так и на местном уровнях. Это празднование стало многоплановым событием, объединившим разнообразные церковные и светские мероприятия, призванные увековечить исторические события 1812 года. Саратовцы постарались сделать всё, чтобы они получили должное освещение и оставили неизгладимый след в сердцах потомков.

Примечания

- ¹ Все даты приводятся по старому стилю.
- ² Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829.
- ³ «...Выработан следующий церемониал празднования...». 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в документах Госархива Саратовской области / публ. Н. В. Самохваловой, В. П. Тотфалушина // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 111–125.
- ⁴ См.: *Майорова А. С., Тотфалушин В. П.* Саратовская учёная архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 2002; *Они же.* Юбилейные торжества 1912 года в Саратове // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: материалы VI науч. конф. Москва, 24 апр. 2003 г. М., 2003.
- ⁵ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10424. Л. 1–1 об., 2–2 об.
- ⁶ Там же. Л. 45–49. Список потомков опубликован: Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / сост. Н. Ф. Хованский. Саратов, 1912. С. 227–228.
- ⁷ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10424. Л. 51.
- ⁸ Там же. Д. 10829. Л. 47.
- ⁹ Саратовский листок. 1912. 3 июля.
- ¹⁰ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 50–62.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 188. 1912. Д. 2 б. Л. 31–32.
- ¹² Там же. Л. 66, 85.
- ¹³ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 279.
- ¹⁴ Там же. Л. 281.
- ¹⁵ Там же. Л. 280.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1912. Д. 2 б. Л. 134.
- ¹⁷ Он был ещё и членом общества трудовой помощи г. Новоузенска // Памятная книжка Самарской губернии на 1912 г. / сост. А. Васильев. Самара, 1912. С. 161, 173.
- ¹⁸ Член уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия // Памятная книжка Самарской губернии на 1913 г. / сост. А. Васильев. Самара, 1913. С. 173.
- ¹⁹ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1912. Д. 2 б. Л. 88, 124–124 об.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 63–63 об.
- ²¹ Саратовский листок. 1912. 21 июля.
- ²² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 64–77.
- ²³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8952. Л. 14–14 об.
- ²⁴ Саратовский листок. 1912. 24 февраля.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 269–269 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 407. Оп. 2. Д. 962. Л. 107.
- ²⁷ К столетию Отечественной войны // Речь. 1911. 11 июня.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 5.
- ²⁹ См.: Саратовский листок. 1912. 25 февраля.
- ³⁰ См.: Биография генерал-адъютанта генерала от кавалерии графа Василия Васильевича Орлова-Денисова / сост. В. П. Орлов-Денисов. Саратов, 1911; *Каверзнев С.* «С нами Бог!». Саратов, 1912; *Юрьев В.* К истории Александро-Невского собора. (По неизданным архивным источникам) // Саратовский вестник. 1913. 3 июля, 10 июля.
- ³¹ См.: *Хованский Н. Ф.* Дополнение к сборнику «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года» // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 107–113; Дополнение к сборнику «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года» // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31. С. 59.
- ³² См.: Саратовский листок. 1912. 11 января, 2 февраля.
- ³³ Там же. 2 ноября.
- ³⁴ «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 122.
- ³⁵ Саратовский листок. 1912. 17 июля.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 142.
- ³⁷ Там же. Л. 143, 272.
- ³⁸ Там же. Л. 9 об.
- ³⁹ Там же. Л. 143, 272; «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 121.
- ⁴⁰ Саратовский листок. 1912. 20 июня.
- ⁴¹ Там же. 11 июля.
- ⁴² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 142–143; 36.
- ⁴³ «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 121.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 3.
- ⁴⁵ «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 122.
- ⁴⁶ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 142, 186 об., 188; «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 120, 121, 123.
- ⁴⁷ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 188 об.; «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 120.
- ⁴⁸ Военизированные отряды воспитанников учебных заведений Российской империи, созданные в начале XX в. с целью нравственного и физического воспитания юношей.
- ⁴⁹ «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 123.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10829. Л. 186.
- ⁵¹ «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 120.
- ⁵² Члены гимнастических организаций, занимавшихся по чешской системе М. Тырша.
- ⁵³ «...Выработан следующий церемониал празднования...». С. 121, 122.
- ⁵⁴ Наименование «Карсский» полку было присвоено в память троекратных штурмов крепости Карс и троекратного овладения ею в 1828, 1855 и 1877 гг. При формировании полка его 1-м батальоном стал 254-й Темирханшуринский пехотный резервный батальон, ведущий свою историю от Тенгинского пехотного полка, который участвовал в Отечественной войне 1812 года и других войнах с французами.
- ⁵⁵ В память перенесения мощей Св. Николая Мирликийского чудотворца.
- ⁵⁶ См. об этом подробнее: *Майорова А. С., Тотфалушин В. П.* Юбилейные торжества 1912 года в Саратове.
- ⁵⁷ Саратовский листок. 1912. 12 октября.
- ⁵⁸ Там же. 18 окт.
- ⁵⁹ Там же. 25, 27 ноября.

УДК 94(47).084.3+908(470.40/.43)[1918]

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В ПОВОЛЖЬЕ В 1918 ГОДУ

М. А. Васильченко

Саратовский государственный университет
E-mail: Maks-vasilchenko@mail.ru

В статье рассматриваются причины появления частей Отдельного Армейского Чехословацкого корпуса на территории Среднего Поволжья, их влияние на процесс консолидации антибольшевистских сил в регионе и ход боевых действий летом 1918 года. Автор статьи выделяет ряд особенностей, отличающих Поволжскую группу Чехословацкого корпуса от аналогичных воинских формирований, принимавших участие в Гражданской войне.

Ключевые слова: Восточный фронт, Поволжская группа Чехословацкого корпуса, Комуч, С. Чечек, И. Сталин.

Czechoslovak Corps in the Volga Region in 1918

M. A. Vasilchenko

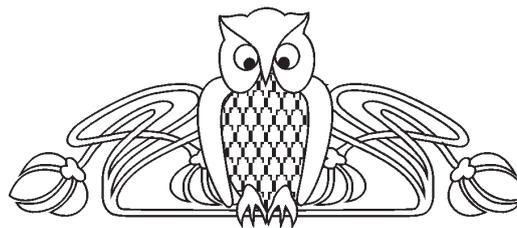
The article deals with the causes of separate parts of the Czechoslovak Army corps in the Middle Volga region, the impact on the consolidation of the anti-Bolshevik forces in the region and the course of the fighting in the summer of 1918. The author of this article identifies a number of features that differentiate Povolzhskoe groups of Czechoslovak Corps from similar military units that took part in the Civil War.

Key words: Eastern front, a group of Volga Czechoslovak corps, Komuch, S. Chechek, I. Stalin

В мае 2013 г. исполнится 95 лет с того момента, как Среднее Поволжье стало ареной ожесточённых военных действий в рамках Гражданской войны в России. Определенную роль в эскалации конфликта между отрядами Красной гвардии и антибольшевистскими силами в Поволжье сыграли части Отдельного Армейского Чехословацкого корпуса, чей мятеж в мае-июне 1918 г. привел к консолидации антибольшевистских сил на территории Поволжья. Несмотря на обилие работ о Гражданской войне в Поволжье и значительного числа обзорных статей по истории Чехословацкого корпуса, в советской и российской историографии вопрос о роли Поволжской (Пензенской) группы Чехословацкого корпуса не нашел системного научного отражения¹.

Настоящая статья рассматривает причины появления Чехословацкого корпуса в Поволжье, особенности деятельности Поволжской группы, по сравнению с аналогичными воинскими группами Чехословацкого корпуса в период вооруженного выступления, выявляет степень влияния деятельности чехов на весь ход Гражданской войны в Поволжье в целом.

Заключение Брестского мирного договора в марте 1918 г. изменило фактическое положение частей Отдельного Армейского Чехословацкого корпуса, национального воинского формирования,

созданного из чехов колонистов и военнопленных чехов, словаков и югославов, перешедших на сторону России в ходе боевых действий на австрийском фронте². По соглашению между Отделением Чехословацкого национального совета в России и большевиками части корпуса должны были продолжить боевые действия на стороне Антанты. Еще в декабре 1917 г. лидер Чехословацкого национального совета Т. Г. Масарик в своей директиве дал ясно понять, что в случае выхода России из войны корпус будет вывезен во Францию. 15 января 1918 г. филиал Национального Совета в России провозгласил чехословацкие вооруженные силы в ней «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции»³.

Это решение коренным образом меняло правовой статус корпуса. На территории России появилось иностранное военное формирование, еще юридически несуществующего государства, входящего в состав французской армии. И это в то время, когда в России собственной армии, по сути, уже не было. Первоначально большевики не придали данному факту должного внимания, не оценили его потенциальной опасности и не смогли нужным образом на него отреагировать. Изменение правового статуса влекло за собой возможность использования чехословаков в качестве иностранного воинского контингента в интересах Антанты. Однако вопрос о реальном использовании чехословаков в интересах держав, осуществлявших военную интервенцию против России, возник только после начала вооруженного мятежа. Посланник США в Китае В. Рейнш писал 13 июня 1918 г. государственному секретарю Д. Лансингу о мятежных чехословаках: «...при небольшой моральной и материальной поддержке они смогут контролировать всю Сибирь в ущерб Германии. Они [чехословаки] с симпатией относятся к русскому населению, страстно хотят быть полезными союзному делу... их выезд окажется чрезвычайно выгодным для Германии и еще более обескуражит Россию. Если бы их не было в Сибири, стоило бы доставить их туда издалека...» В свою очередь, Государственный секретарь США информировал президента В. Вильсона 23 июня 1918 г. о возможности «сделать этот отряд умелых и лояльных войск ядром для военной оккупации Сибирской железной дороги...»⁴ Использование американцами чехословаков было достаточно

легкой задачей в условиях, когда значительная часть легионеров имела смутное представление об истинных целях борьбы с большевиками.

Для урегулирования процесса перевозки солдат был составлен договор. 26 марта 1918 г. в Пензе между представителем Совета народных комиссаров И. В. Сталиным и представителями Чехословацкого корпуса было подписано соглашение, по которому гарантировалась беспрепятственная отправка чешских подразделений от Пензы к Владивостоку. Статус корпуса определялся следующим образом: «... Чехословаки продвигаются не как боевые единицы, а как группа свободных граждан, берущих с собой известное количество оружия для своей самозащиты от покушений со стороны контрреволюционеров... Совет народных комиссаров готов оказать им всякое содействие на территории России при условии их честной и искренней лояльности...»⁵ На следующий день, 27 марта 1918 г., в приказе по корпусу № 35 определялся порядок использования этого «известного количества оружия»: «В каждом эшелоне оставить для собственной охраны вооруженную роту численностью в 168 человек, включая унтер-офицеров, и один пулемет, на каждую винтовку – 300, на пулемет – 1200 зарядов. Все остальные винтовки и пулеметы, все орудия должны быть сданы русскому правительству в руки особой комиссии в Пензе, состоящей из трех представителей чехословацкого войска и трех представителей Советской власти...»⁶

Следует отметить, что решение о включении в договор статей о разоружении СНК принял под жестким давлением со стороны Германии, которой было крайне не выгодно появление на Западном фронте боеспособного и хорошо вооруженного корпуса.

Разрешив эвакуацию чехословаков по Транссибирской магистрали, Советское правительство, вероятно, рассчитывало, что чехословацкий корпус затеряется на просторах Сибири и не будет представлять серьезной опасности, в отличие от эвакуации через Архангельск, которая также рассматривалась как возможный вариант транспортировки солдат.

31 марта 1918 г. члены Национального совета опубликовали воззвание Чехословацкого национального совета «Движение чехословацких войск и договор с Совнаркомом». В этом воззвании говорилось, что по договору с СНК Советской России чехословаки должны были сдать оружие на территории Украины, но «... произошли кровавые стычки под Житомиром, на Днестре, под Киевом и, в особенности, под Бахмачем»⁷, ставшие причиной того, что чехословаки пересекли границы Советской России и стали сдавать оружие только после прохождения Курска. На линии по пути следования от Курска до Пензы были установлены пункты сдачи вооружения, на которых чехословаки должны были передать все лишние предметы вооружения и экипировки представителям

советской власти. Центральным таким пунктом стал город Пенза. Для проверки сдачи оружия образовывалась комиссия, в состав которой вошли представители местного совета и представители ЧСНС, находившиеся в это время в Пензе⁸.

К концу мая 1918 г. основная часть эшелонов Чехословацкого корпуса проследовала через территорию Поволжского региона. К моменту начала силовой операции Советов против частей корпуса, направленной на ликвидацию корпуса как боевой единицы на территории Поволжья находился арьергард корпуса. Он состоял из 1-го, имени Яна Гуса, полка (2800 штыков, без штаба), 4-го Прокопа Великого полка (3500 штыков), 1-го запасного полка (1300 штыков), 1-й инженерной роты (150 человек) и хлебопекарни. Общая численность группы на момент ее выступления против советской власти не превышала 8 тыс. человек⁹. Она находилась в отрыве от основных частей корпуса, вследствие этого первоочередная задача для руководства группой, которую возглавил младший офицер-самовыдвиженец поручик Станислав Чечек, состояла в соединении с основными силами Чехословацкого корпуса в условиях, когда советское руководство выступило с требованиями по разоружению Чехословацкого корпуса.

Проведя ряд успешных операций под Липягами, Безенчуком, Самарой, Уфой, чехи очистили значительную территорию Поволжья от отрядов Красной гвардии. 6 июля 1918 г. части Пензенской и Челябинской групп Чехословацкого корпуса соединились. «Цель группы [С. Чечека] – по возможности быстрое продвижение на восток для соединения с частями чехословацкого корпуса в Сибири»¹⁰ – была реализована. Именно этой цели были подчинены задачи свержения советской власти в Сызрани, Самаре, Уфе, в отличие от Челябинской и Мариинской групп корпуса, провозгласивших открытую борьбу с большевиками. Взятие чехословаками Самары привело к активизации деятельности подпольной офицерской организации под руководством полковника Галкина, ставшей ядром будущей Народной армии Комитета членов Учредительного собрания.

В ряде мемуаров представителей «демократической контрреволюции» отмечается, что первые попытки наладить связь между подпольными антибольшевистскими организациями в Поволжье и чехами еще относятся к маю 1918 г.¹¹ Лидеры будущей демократической контрреволюции «имели полную возможность следить детально за передвижением чешских эшелонов к Самаре, выбрать момент, когда интересы командования [чехов] и интересы группы, подготовившей восстание, сольются...»¹²

Станислав Чечек отмечал, что «в это время я [С. Чечек] имел устойчивую связь с Самарой. Из Самары пришел ко мне делегат..., принес очень ценные сведения. Он сообщил мне, что прислан... от организации, которая поставила своей целью

содействовать нам и бороться с большевиками»¹³. Еще раньше, 16 мая 1918 г., в Саратове вспыхнул мятеж красноармейцев, впоследствии эти события в воспоминаниях лидеров Комуча были отражены как попытка поднять восстание, приуроченное к появлению легионеров¹⁴.

Это заявление позволило позже в советской историографии утвердиться точке зрения о чехословацко-эсеровском мятеже как в узком смысле на территории Поволжья, так и заранее разработанном плане Антанты по проведению широкой иностранной интервенции против Советской России. Однако уже современники событий отмечали, что представители Комуча воспользовались ситуацией, своевременно вступив в контакт с представителями чешского командования и занялись построением собственных институтов власти на освобожденной чешскими штыками территории¹⁵.

Все вышеизложенное с очевидностью доказывает, что в течение первых полутора месяцев части корпуса, вопреки версии официальной советской историографии, не пытались принимать деятельного участия в захвате Поволжского региона, а, напротив, пытались всеми силами из него выбраться. Однако формирование вооруженных сил Народной армии Комуча затормозило процесс эвакуации. Дальнейшая эвакуация стала невозможна после приказа французского командования, ознаменовавшего, по нашему мнению, начало участия Чехословацкого корпуса в иностранной интервенции в России¹⁶. «В начале июля чехи передали радостное для русских известие: чехословацкие полки возвращаются с востока для образования вместе с частями Народной армии общего фронта против большевиков, считая, что за большевиками стоят немцы»¹⁷.

Возвращение Чехословацкого корпуса на фронт привело к необходимости создания устойчивых связей с антибольшевистскими силами, в первую очередь с представителями партии социалистов-революционеров¹⁸. Сближению чехов и эсеров способствовали следующие факторы: большинство чехов и словаков было настроено в демократическом духе, но не столь радикально, чтобы встать на сторону большевиков. Вместе с тем, они не видели особого смысла поддерживать меньшевиков, которые были готовы вести борьбу с большевистской властью, грубо поправшей демократические принципы, только политическими средствами. Что касается монархистов, то отношение к ним со стороны командования Чехословацкого корпуса лучше всего передал английский разведчик Б. Локкарт: «Чехословаки не любили царского режима, который отказывался признавать их как самостоятельную национальность. Они были демократы по инстинкту, сочувствовали русским либералам и социалистам-революционерам. Они не могли дружно работать с царскими офицерами, составлявшими основные кадры в армиях антибольшевистских генералов».

Как отмечает Б. Нидобайло, установлению контактов между эсерами и чехословаками способствовал и чисто географический фактор. И выступление корпуса, и деятельность эсеровского подполья, а затем и открыто проявившие себя силы партии социалистов-революционеров имели место в одних и тех же регионах – в Поволжье, на Урале, в Сибири¹⁹.

После свержения советской власти в Поволжье чешские формирования оставались единственным гарантом непрочной власти нового правительства. Этот факт признавали и сами министры самарского правительства. По воспоминаниям П. Д. Климушкина, члены Комуча «ехали в Городскую думу для открытия Комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков»²⁰.

Кроме военного взаимодействия на фронте, чехословаки монополизировали функции поддержания городского правопорядка и контрразведки. Эсеры не имели реального опыта создания крупных воинских соединений, по выражению генерала К. Гоппера, «они оставались таким же младенцем в военных делах, как и в 1917-м»²¹. Единственный военный опыт, по мнению К. Гоппера, к которому они могли обратиться, это опыт Чехословацкого корпуса. П. Д. Климушкин признавал следующее: «Чешская армия с её демократическим укладом управления, с братскими отношениями между солдатами и офицерами являлась для нас тем идеалом, к которому мы стремились при создании нашей армии. Мы не знали всех деталей организации чехословацкой армии, но мы видели её стойкость, её демократичность и в то же время её дисциплинированность, её подвижность и восторгались ею. Под этим впечатлением... мы и приступили к созданию русской Народной армии»²².

Создание Народной армии предусматривало создание единой системы командования всех антибольшевистских сил, в которую входили части Народной армии, Чехословацкого корпуса, оренбургские казаки. 17 июля 1918 г. приказом № 114 Комуч назначил командира Первой Чехословацкой Гуситской стрелковой дивизии полковника С. Чечека «командующим всеми войсками Народной армии и мобилизованными частями Оренбургского и Уральского казачьих войск»²³. При нем же был создан Оперативный штаб (Штаб Командующего Волжским фронтом).

Формирование единой системы командования подтолкнуло Народную армию и чехословацких легионеров к началу активных боевых действий. Вопрос о степени участия чехословаков в боевых действиях в ходе Гражданской войны в Поволжье остается дискуссионным. Представитель Народной армии С. А. Щепихин полагал, что чехи ограничились первоначальными операциями по захвату сызранского моста через Волгу и закреплению антибольшевистских войск на участке Самара – Симбирск. После они были отведены в

резерв и не участвовали в боевых действиях²⁴. Несколько иная оценка даётся действиям чехословаков С. Н. Николаевым: «Численно достигая на фронте Учредительного собрания в 7–8 тыс., чехословаки вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы наравне с Добровольческой частью Народной армии на самых ответственных направлениях и фронтах»²⁵.

Свержение советской власти в Поволжье, произошедшее в русле движения чехословацких легионеров в направлении к Владивостоку, нашло логическое продолжение в военном взаимодействии с Народной армией Комуча. Проведение, по сути дела, локальных операций по овладению теми или иными населенными пунктами проходило в надежде на продолжение процесса эвакуации в случае военных успехов легионеров. Однако после захвата Казани в начале августа 1918 г. череда военных успехов сменилась поражениями.

Ряд поражений на фронте, усиливших нежелание чехословаков сражаться, по сути дела, обнажили противоречия не только военного, но и экономического характера. Мятеж Чехословацкого корпуса, разделивший части корпуса на четыре неравноценные группы, привел к разрыву экономических связей внутри корпуса и обязал чехословаков к самостоятельному поиску продовольствия, фуража и боеприпасов. Это обстоятельство создало условия для развития мародерства и спекуляции, неправомερных реквизиций чехословаками продуктов питания и иного имущества простого народа.

Все хозяйственные сношения с Комучем осуществлялись от имени ЧНС, главное представительство которого находилось в Екатеринбурге. Так, 7 сентября 1918 г. управляющий финансовым отделом Ф. Шип отправил управляющему отделом иностранных дел Комуча ходатайство, в котором «имел честь ходатайствовать о выдаче ему на нужды Чехословацкой армии ссуды в количестве 45 000 000 рублей для скорейшего боевого снаряжения и организации настоящей действующей армии»²⁶. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Самарской области, подтверждают, что чехословацкое командование регулярно запрашивало необходимые им объемы фуража и другого необходимого товара²⁷. Однако очень часто возникали конфликты по вопросам передачи имущества. В частности, так возник конфликт по поводу передачи чехам поезда, стоящего на станции Безыменка, который был улажен исключительно при помощи Совета управляющих ведомствами Комуча²⁸.

Приведённые факты позволяют сделать вывод о том, что Чехословацкий корпус способствовал консолидации антибольшевистских сил, действовавших в Поволжье. Именно благодаря выступлению Чехословацкого корпуса против советской власти власть в Самаре берёт в свои руки Комуч. Дальнейшие события показали, что и у Комуча, и у чехословаков была одна цель – борьба

с большевиками, что и сделало их временными союзниками, однако и представители Комуча, и чехословаки прекрасно понимали, что их союз является именно временным образованием, поэтому уже в октябре 1918 г. отказались от своих обязательств, провозгласив принцип: «Наша политика – рельсы». Факты взаимодействия с Комучем наглядно показывают, что все контакты носили больше вынужденный характер, так как чешское командование хоть и имело свою точку зрения на проведение операций, но не имело желания ее отстаивать, действуя «с оглядкой» на союзное командование. Экономическое и культурное взаимодействие Комуча носило срочный и минимальный характер в силу быстроменяющейся военной обстановки. Во многом на позицию чехословаков повлияли не столько неудачи на фронте, сколько отсутствие заинтересованности в русских делах.

Взаимодействие легионеров и Комуча имело несколько аспектов, среди них можно выделить военный (подразумевающий совместные боевые действия в рамках единой системы командования), экономический (направленный на обеспечение материальной части и снабжения чехословацких частей в Поволжье) и культурный (связанный с проведением культурных мероприятий и открытием Самарского университета).

Чехословацкие части внесли значительный вклад в расширение Гражданской войны на территории Поволжья. Они во многом способствовали укреплению власти Комуча на начальном этапе его деятельности, вместе с частями Народной армии активно участвовали в ряде военных операций. Уход чехов с фронта нанес ощутимый удар по военным возможностям Комуча и стал одной из главных причин его падения. Таким образом, можно сказать, что Чехословацкий корпус в Поволжье сыграл роль основного катализатора и одновременно ингибитора Гражданской войны в среднем Поволжье.

Примечания

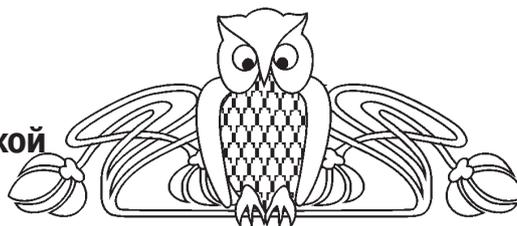
- ¹ См.: *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965; *Салдугеев Д. В.* Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. История. 2005. № 2; *Софинов П.* Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12; *Юрченко В.* Мятеж, которого не было // Родина. 1994. № 1; *Хрулёв В. В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; *Прайсман Л. Г.* Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории: ежемес. журн. 2012. № 5. С. 75–101; № 6. С. 54–74 и др.
- ² Подробнее об истории создания Чехословацкого корпуса см.: *Татаров Б. А.* Чешская (Киевская) Дружина август 1914– декабрь 1915. М., 2009; *Клеванский А. Х.* Указ. соч.
- ³ *Клеванский А. Х.* Указ. соч. С. 147.
- ⁴ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917– октябрь 1918 г.). Док. и материалы. Владивосток, 1997. С. 196.

- ⁵ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 15.
- ⁶ Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж; Прага, 1928. Клеванский А. Х. Указ. соч. С. 153.
- ⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 15,
- ⁸ Государственный архив Пензенской области Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 34. Л. 482.
- ⁹ Голечек В. Чехословацкое войско в России. Иркутск, 1919. С. 47.
- ¹⁰ Там же. С. 49.
- ¹¹ Соловейчик А. С. Борьба за возрождение России на востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Б. м., 1919. С. 11.
- ¹² Щепихин С. А. Под стягом учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 году. Прага, 1930. С. 177.
- ¹³ Чечек С. От Пензы до Урала // Воля России. Ежемесячный журнал политики и культуры. Прага, 1928. № 8–9. С. 257.
- ¹⁴ В настоящий момент доказано, что причины мятежа не были окрашены в политические тона. См.: Жилкин В. А. «Эшелонная война» в Саратовском Заволжье весной 1918 г. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 5. Саратов, 2003.
- ¹⁵ Щепихин С. А. Указ соч. С. 179.
- ¹⁶ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 574.
- ¹⁷ Петров П. П. Роковые годы 1914–1920. Калифорния, 1965. С. 100.
- ¹⁸ Локкарт Б. История изнутри : Мемуары британского агента. М., 1991. С. 265.
- ¹⁹ Недобайло Б. Н. Чехословацкий корпус в России 1914–1920 : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 120.
- ²⁰ Отчет о митинге // Вестник Комуча. Самара. 1918. 6 сент.
- ²¹ Гонпер К. И. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, 1920. С. 77.
- ²² Климушкин П. Д. Борьба за демократию на Волге и 1918 г. Прага, 1930. С. 73.
- ²³ Центральный государственный архив Самарской области (Далее – ЦГАСО). Ф. Р-402 Оп. 1 Д. 3. Л. 25.
- ²⁴ Щепихин С. А. Указ. соч. С. 194–195.
- ²⁵ Николаев Семен Николаевич (20.04.1880, с. Начар-Убеево Буинского у. Симбирской губ. – 1976, Чехословакия). В 1918 заведовал чувашским подотделом губкомпроса, затем был секретарем Комуча, был арестован колчаковцами в Уфе. Член УС ДВР, судебный чиновник во Владивостоке. С 1922 жил в Чехословакии, заведовал Русской библиотекой в Праге. Автор мемуаров «Крушение Комуча». В 1945 депортирован в СССР. С 1946 находился в ГУЛАГе, сослан в Красноярский край, освобожден в 1957, вернулся в Чехословакию. Реабилитирован в 1992. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_n/nikolaev_sn.php (дата обращения: 19.01.2013). Николаев С. Н. Народная армия в Симбирске // Воля России. Прага, 1928. С. 116.
- ²⁶ Vojenskýústředníregiona. VÚA. Voj. Ústředníregiona. Prazekartonč, 14.
- ²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 4. Л. 66.
- ²⁸ Там же. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

УДК 94 (470.44).084.3

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ ИНОСТРАННЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРИОД ГОЛОДА В ПОВОЛЖЬЕ В 1921–1922 ГОДАХ (на примере Саратовской губернии и Области немцев Поволжья)

О. И. Помоголова

Саратовский государственный университет
E-mail: ksy2093@mail.ru

В статье исследуется голод, охвативший Поволжье в 1921–1922 гг. Рассматривается медицинская помощь иностранных благотворительных организаций Саратовской губернии и Области немцев Поволжья, ее масштабы, методы борьбы с заболеваниями и эпидемиями.

Ключевые слова: голод 1921–1922 г. в Поволжье, масштабы голода, медицинская помощь иностранных благотворительных организаций.

Medical Care Provided by International Charity Organizations During the Period of Famine in the Volga Region 1921–1922 (Based on the Example of Saratov Province and the Region of Volga Germans)

О. I. Pomogalova

The article is devoted to the research of epidemics, which were provoked by famine of 1921–1922 in the Volga region. The scale of epi-

demics is being ascertained, as well as helps of foreign organizations aimed at the reduction of disease extension.

Key words: famine in 1921–1922 the Volga region, the scale of famine, medicament assistance of foreign charity organizations.

В период тотального голода, свирепствовавшего в Поволжье и других регионах страны в 1921–1922 гг., российский народ пережил одну из самых тяжелых страниц в своей истории. Население бросало в панике родные места, в бегстве искало спасения от голодной смерти, часто лишь для того, чтобы погибнуть в пути от инфекционных заболеваний, спутников голода. Меры большевистской власти, во многом виновной в разразившейся гуманитарной катастрофе, оказались малоэффективны. Лишь международная помощь смогла хоть как-то смягчить ужасы российского голода. К сожалению, об этом сегодня практически ничего не известно.

Часть населения Саратовской губернии, предвидя надвигающийся голод, пыталась запастись продовольствием. Однако непрерывная продразверстка сводила эти усилия на нет. Необеспеченные хлебом, сельчане питались в основном домашним скотом, поедая птицу, кошек, собак, домашних и полевых грызунов и т. п. Запасались суррогаты: дубовые листья, кора, древесные опилки, желуди, мякина, зелена, солома, кожа, глина, и даже кости¹. Все, что можно было привести в состояние порошка, употреблялось в пищу. Однако уже к февралю 1922 г. в Саратовской губернии во многих волостях были съедены все суррогаты². Люди были доведены до крайности. В Вольском, Новоузенском, Хвалынском, Камышинском уездах Саратовской губернии, и даже в самом городе Саратове, наблюдались случаи поедания трупов³. Масштабы голода были слишком велики, а собранные суррогаты – низко питательными, поэтому все эти меры мало помогали в преодолении голода⁴.

Наоборот, употребление в пищу всевозможных суррогатов, часто приводило к заболеваниям и смерти. Так, в Камышинском уезде в Котовской волости в бешенство пришла семья из 6 человек, от употребления в пищу в течение продолжительного времени белены⁵. Каждый день поступали сведения об увеличении случаев болезни и смерти от употребления в пищу суррогатов.

Голод и его последствия были причиной смерти многих во всех уездах Саратовской губернии. Смерть достигла внушительных размеров. Об этом свидетельствуют данные анкет о продовольственном и хозяйственном положении губернии⁶. Повсеместно смертность превосходила рождаемость. В Камышине, например, в 1922 г. на 374 родившихся в городе, приходилось 1582 умерших. В Камышинском уезде наблюдалась аналогичная картина: на 2843 родившихся приходилось 3143 умерших⁷. Во многих местах население настолько ослабело, что трупы умерших в этих селениях даже не закапывались⁸. Их сваливали на кладбище, либо складывали в пустые избы⁹. Всё это создавало угрозу тяжелых эпидемий, вызывало необходимость в уборочных санитарных отрядах, которые могли бы привести населенные места в порядок. Однако власть такие отряды не создавала.

На почве голода, антисанитарных условий развивались различные формы тифа, дизентерия. Люди опухали от голода, болели цингой, скарлатиной, дифтерией, малярией, оспой и другими инфекционными болезнями¹⁰.

На примере Камышинского уезда Саратовской губернии (табл. 1) можно проследить распространение инфекционных заболеваний в период самого разгара голода и их тяжелые последствия.

Из табл. 1 видно, что самым распространенным заболеванием был тиф. Это подтверждают и газеты. «Известия» за 1922 г. сообщают, что в среднем в каждой волости Камышинского уезда

тифом заболевает до 187 человек в месяц¹¹. Особенно свирепствовал тиф в Саратовской губернии, в марте и апреле, когда от него ежемесячно погибало более 1 тыс. человек. Вспышки дизентерии также имели тяжелые последствия. Особенно она проявилась в летние месяцы (июнь-август), когда от неё погибало в среднем до 260 человек ежемесячно. Еще одним распространенным заболеванием была малярия. В июле-августе, а также в октябре-ноябре погибло от этого страшного заболевания более 1500 человек.

Не обошли эпидемии и соседствовавшую с Саратовской губернией Область немцев Поволжья. Только за апрель 1922 г. процент заболеваемости и смертности от инфекционных болезней вырос с 10,15% до 10,77%¹². При этом медицинское обслуживание населения как Саратовской губернии, так и Области немцев Поволжья было организовано плохо, ощущалась острая нехватка медицинского персонала, больничных коек (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что население Саратовской губернии и Области немцев Поволжья имело примерно одинаковый, очень низкий, уровень медицинского обслуживания. Даже в обычных условиях такого количества больничных мест было явно недостаточно. В условиях же голода и массовых эпидемических заболеваний ситуация с медицинским обслуживанием собственными силами терпела полное фиаско. Для спасения населения необходима была помощь извне.

Советское правительство, оказавшееся неспособным справиться с гуманитарной катастрофой собственными силами, вынуждено было в июле 1921 г. обратиться за помощью к иностранным государствам и общественности. Медикаменты и предметы ухода за больными, так необходимые в голодное время, доставлялись в Россию главным образом из-за границы. Однако их привоз затруднялся отсутствием торговых договоров Советской Республики с зарубежными странами, а также отсутствием средств на оплату медикаментов.

На помощь голодающим Поволжья пришли иностранные благотворительные организации, прежде всего Американская администрация помощи (АРА)¹³ и Международный союз помощи детям (МСПД)¹⁴. Их деятельность началась осенью 1921 г. в соответствии с договорами, заключенными Советским правительством¹⁵, и в самый разгар голода зимой 1921–1922 гг. они уже организовали четкую систему питания детей, а потом и взрослых¹⁶. Другой сферой их деятельности стало оказание населению медицинской и медикаментозной помощи.

С конца февраля 1922 г. уполномоченный АРА Кинни организовал санитарную часть в Саратовской губернии, во главе которой поставили женщину-врача Красовскую. Врачебный отдел состоял из заведующего и 10 сотрудников. АРА занималась снабжением санитарной части медицинскими средствами. Первоначально де-

Таблица 1

Смертность населения Камышинского уезда от инфекционных болезней в 1922 г. (количество человек)

Болезни, ставшие причиной смерти									
Сыпной тиф	Брюшной тиф	Возвратный тиф	Неопределенный тиф	Дизентерия	Дифтерия	Скарлатина	Малярия	Оспа	Всего
3 455	676	2 362	980	1 230	75	264	6 933	138	16 103

Таблица 2

Возможности медицинского обслуживания населения Саратовской губернии и Области немцев Поволжья (по состоянию на октябрь 1921 г.)

Административно-территориальные образования	Количество населения на 1921 г.	Количество мест			
		В больницах	В т.ч. для инфекционных больных	Фельдшерские пункты	Аптеки
Область немцев Поволжья	454 368	595	763,6 чел. на одно место	15	4
Саратовская губерния	3 063 422	3771	812,4 чел. на одно место	–	56

тельность её распространялась на Заволжские уезды Саратовской губернии и Область немцев Поволжья. Затем медпомощь была расширена и на оставшиеся уезды Саратовской губернии, а также на Уральскую губернию. Путем взаимного соглашения был установлен порядок распределения медикаментов, учета потребности, отчетности и контроля. Эту потребность в уездном масштабе выявлял Губернский отдел здравоохранения (Губздрав). Он же контролировал и утверждал потребность вообще всех заявителей. Желаящие (учреждения и организации) получить медикаменты подавали заявления в Губздрав, который для визы и регистрации отправлял эти заявления в медико-санитарную часть управления, после этого заявитель мог обратиться в АРА, где и получал по накладным со склада АРА необходимые медикаменты. После получения медикаментов ксерокопия накладной отправлялась для отчетности в медсанчасть¹⁷. Таким образом, в обязанности отдела входило: наблюдение за всей врачебной помощью, в соответствии с основными принципами установленными АРА, распределение врачебных и санитарных материалов, наблюдение за правильным распределением, доставкой материалов по назначению, а также принятие всех необходимых санитарных предупредительных мер против эпидемий¹⁸. От АРА также были учреждены инспектора и инструктора в количестве 3 человек, а дополнительный контроль за распределением осуществлялся в летучих ревизиях медсанчасти.

По нарядам уже к апрелю месяцу медикаменты были разосланы в следующие уезды: Саратовский, Петровский, Дергачевский, Новоузенский, Аткарский, Вольский, Покровский, Балашовский, Еланский и Камышинский Саратовской губернии, во все 3 уезда Области немцев Поволжья и в Уральскую губернию. Первые 6 уездов Саратовской губернии были полностью удовлетворены в

соответствии с поданными заявками, остальные уезды были удовлетворены частично, от 30 до 60% потребности. Одной из причин неполной удовлетворенности уездов служило невыполнение установленных АРА предписаний на получение медицинского снабжения и распределение медикаментов¹⁹. Так, при обследовании Сердобского уезда медицинским инспектором АРА 20 мая 1922 г. было выявлено нарушение в распределении медикаментов, которые были переданы в местную советскую аптеку для продажи пациентам. Инспектором медикаменты были изъяты и под его руководством распределены между больницами и другими учреждениями уезда²⁰. В феврале 1922 г. одна из городских больниц в Саратовской губернии отказалась принимать медикаменты, присланные АРА. Причиной как первого, так и второго случаев крылась в двойственном отношении Советского государства и его органов на местах к деятельности иностранных благотворителей. Официально, эта помощь приветствовалась, но негласно были установлены ограничения на её приём. Был выявлен даже закрытый приказ, не иметь с АРА никаких дел, кроме как через Советы²¹.

Несмотря на препоны властей, медицинская помощь АРА была существенной, особенно учитывая тот факт, что до этого в России ощущался острый недостаток в медицинских средствах.

От АРА поступали медикаменты, препараты и дезинфекционные средства, которые были самыми ходовыми в то время. В связи со вспышками малярии, тифа, холеры, дизентерии требовались такие лекарственные средства, как хинин, касторка, олеум, олеварум, камфара, кофеин, препараты для физиологического вливания: аспирин, кофеин. Все эти медикаменты были предоставлены АРА.

Для хирургии АРА поставляла йод, хлороформ, эфир, перевязочные материалы. По

заявлению профессора Миротворцева, ректора Саратовского государственного университета, на одном из служебных совещаний благодаря этой помощи факультетские хирургические клиники не закрылись²². Помимо того, американцы в большом количестве выдавали привезенные дезинфекционные средства: сулема, изол, а предоставленная сера обеспечила всю ее потребность в губернском масштабе.

В апреле 1922 г. АРА оказывала помощь в борьбе с эпидемией холеры: проведение противохолерных прививок, выдача сыворотки, шприцов. Население прививалось и от других инфекционных болезней. Так, в сёлах Яковлевка и Абдуловка Петровского уезда в июне 1922 г. против оспы было привито 432 человека, против холеры и брюшного тифа – 228 человек. В сентябре того же года в Петровский уезд был выслан прививочный отряд АРА, проработавший в уезде 2 месяца и прививший против оспы, холеры и брюшного тифа около 10 тыс. человек²³.

Санитарная часть АРА в Саратове проводила периодические обследования беженских учреждений города. При её участии было проведено распределение белья, обуви для госпиталей беженских учреждений, предоставленные АРА.

Весомый вклад в борьбу с голодом и болезнями вносила и организация Ф. Нансена. Датский представитель Нансеновской Миссии Эйбе указывал на необходимость борьбы с туберкулезом, который особенно развивается в период голода. Для укрепления общего состояния туберкулезных больных миссия выдавала рыбий жир²⁴. Так, для голодающих детей Петровского уезда Организация Нансена отправила 22 бочки рыбьего жира (5,5 пудов – в каждой бочке)²⁵. Этот жир (120 пудов) распределен был, главным образом, между самыми голодающими селами уезда для питания детей. МСПД предоставлял и медикаменты, однако их количество существенно уступало тем, что предоставлялись АРА. Кроме того, некоторые препараты не могли находить применения в русской практике из-за специфичности английской фармакопеи.

Помимо АРА и МСПД, помощь голодающим оказывали и другие иностранные организации.

Германский Красный Крест вступил в контакт с широким кругом населения Германии, изъявившими оказать помощь русскому народу. Был организован сбор денег, продовольствия, медикаментов. В Россию была направлена специальная врачебно-санитарная экспедиция во главе с профессором П. Мюлленсом, директором отделения по борьбе с эпидемиями Тропического института в Гамбурге.

Германский Красный Крест не смог оказать существенной продовольственной помощи России из-за известного недостатка продовольствия в самой Германии, но хорошо помог медикаментами²⁶. В частности, германским Красным Крестом в голодные области был отправлен хинин. В

Саратовской губернии и Области немцев Поволжья его распределяли пропорционально между нуждающимися. Так, Область немцев Поволжья в декабре 1921 г. – январе 1922 г. получила хинин в количестве 5 кг. В ампулах его использовали исключительно путем подкожного или внутреннего вливания²⁷.

С ноября 1921 г. проводились сборы в пользу голодающих россиян в Австрии. Из суммы, собранной социал-демократической партией совместно с профсоюзами, на 6 млн крон были закуплены медикаменты, медицинские инструменты, санитарный материал. Рабочий совет Австрии закупил на 5 млн крон около 2 вагонов (7 т) медицинских инструментов, санитарный материал, которые были переданы в Москву, с последующим их распределением по голодающим губерниям²⁸. Из германского Штеттина было отправлено 3 ящика медикаментов и перевязочных материалов, в голландском Амстердаме было собрано 10 млн немецких марок для закупки медикаментов²⁹.

В период 1921–1922 гг. от голодной смерти, а также различных заболеваний в одном только Поволжье погибло более чем 5,2 млн человек³⁰. Благодаря помощи иностранных благотворительных организаций, таких как АРА, МСПД, Международный Красный Крест и др., удалось избежать, гораздо больших потерь, облегчить условия существования населения

Примечания

- 1 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО): Ф. 790. Оп. 1. Д. 12. Л. 9; *Облеуцкий Г.* Борьба с голодом в Саратовской губернии // *Черная година. 1922.* № 1. С. 28.
- 2 ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 13. Л. 79; *Известия. 1922.* 14 янв.
- 3 ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 13. Л. 79; ГАСО. Ф. 790. Оп. 16. Л. 30; *Известия. 1922.* 14 февр.
- 4 ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; *Известия. 1922.* 24 января; *Ворсе М. Х.* Русские картины // *Новый мир. 1970.* № 4. С. 274; *Правда. 1922.* 11 февр.
- 5 ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
- 6 Там же. Д. 33. Л. 1–83; ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–127; ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- 7 Там же. Д. 16. Л. 1.
- 8 Там же. Д. 13. Л. 62; *Бабин А.* Сумасшедший корабль (из дневника Алексина Бабина, американского ученого, о голоде в Саратове в 1921–1922 году.). Саратов, 1993. № 19. С. 2.
- 9 ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 13. Л. 79.
- 10 *Известия. 1922.* 24 янв., 29 янв.
- 11 Там же. 29 янв.
- 12 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1536. Л. 18, 26.
- 13 Американская администрация помощи (АРА, от American Relief Administration) – неправительственная организация в США, созданная для оказания продовольственной и другой помощи европейским странам,

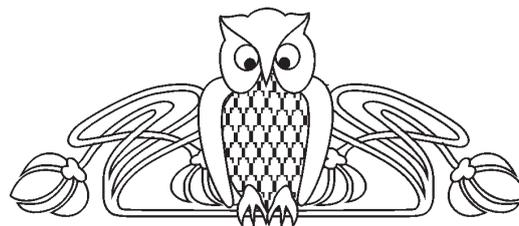
- пострадавшим в Первой мировой войне. Существовала в 1919–1923 гг., возглавлялась Г. Гувером.
- ¹⁴ Международный союз помощи детям (МСПД) – объединение 67 благотворительных общественных организаций из многих стран мира. Возглавлялась в это время Ф. Нансеном – знаменитым полярным исследователем, помогавшим в период страшного голода Советской России нуждающемуся в помощи населению.
- ¹⁵ *Иваницкий-Василенко Е. С.* О Голоде. Сборник статей по вопросам голодаемости населения и борьбы с голодом в Петровском уезде Саратовской губернии. Петровск, 1923. С. 123; *Герман А. А., Остаева Н. В.* Американская администрация помощи // Немцы России : энцикл. : в 3 т. Т. 1. С. 52–53; ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 4. Д. 72. Л. 7.
- ¹⁶ *Герман А. А.* Гуманитарная помощь Западу немцам Поволжья в борьбе с голодом 1921–1923 гг. // Благотворительность и милосердие : сб. науч. трудов. Саратов, 1997. С. 98–108; *Помогалова О. И.* Помощь Ф. Нансена голодающему населению Саратовской губернии в 1921–1923 гг. // Клио. 2012. № 6. С. 80–83; *Баламутенко В. А., Чижова О. Г.* Деятельность Американской администрации помощи в России. 1921–1923 гг. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 77.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- ¹⁸ Там же. Л. 24.
- ¹⁹ Там же. Л. 8.
- ²⁰ *Бабин А.* Указ. соч.
- ²¹ Известия. 1922. 10 февраля.
- ²² ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
- ²³ *Иваницкий-Василенко Е. С.* Указ. соч. С. 92.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 4. Д. 77. Л. 140.
- ²⁵ *Иваницкий-Василенко Е. С.* Указ. соч. С. 116.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 4. Д. 40. Л. 22.
- ²⁷ Там же. Д. 78. Л. 493.
- ²⁸ Там же. Д. 40. Л. 5.
- ²⁹ Там же. Л. 21.
- ³⁰ *Дробижев В. З.* У истоков советской демографии. М., 1987. С. 90–91.

УДК 94(47).084.3/5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В 1921–1928 ГОДАХ

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru.

В статье дается анализ основных направлений социального развития в Советской России в 1920-е гг., детально представлена деятельность Народного комиссариата социального обеспечения. Статья базируется на российском законодательстве, а также отчасти на данных публикаций по отдельным аспектам проблематики.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальное страхование, жилищное строительство, здравоохранение, санаторий, инвалид, пенсия, пособие, нетрудоспособность, продовольственное снабжение, дети, общественное питание.

Social Reforms in Russia in 1921–1928 Yrs

A. A. Gumenyuk

In this article the main directions of social transformations in Soviet Russia in 1920 years was analyzed. The author has given main attention of the Public commissary of social provision. Materials on the data of the Russian legal and some publications were prepared.

Key words: social provision, social insurance, housing building, public health, sanatorium, invalid, pension, aid, disabled, children, provision, public nutrition

С приходом к власти большевиков в стране стала складываться государственная система социального обеспечения и страхования нуждающихся, прилагались усилия по улучшению снабжения населения продовольствием и промышленными товарами, решению жилищного

вопроса, организации общественного питания, здравоохранения и курортного обслуживания. Однако в сложных политических и социально-экономических реалиях Гражданской войны вышеперечисленные направления социального развития так и не приобрели системного характера. Переход к новой экономической политике (НЭП) в 1921 г. открыл перед правящей партией гораздо больше возможностей для поиска наиболее приемлемой модели социального развития страны.

Наше обращение к 1920-м гг. неслучайно, поскольку по своему внутреннему наполнению эти годы во многом схожи со становлением и развитием рыночных отношений в Российской Федерации 1990–2000-х гг. Анализ основных направлений социальных преобразований в годы новой экономической политики позволит вооружить ученых, политиков и профессионалов необходимым опытом для успешных социальных преобразований российского социума в начале XXI в.

НЭП внесла определенные изменения в систему социального обеспечения. При сохранении основных форм социальной помощи нуждающимся – денежная помощь и пайковое довольствие – последнее в связи с переходом от продразверстки к продналогу резко сократилось¹. Многие функции Народного комиссариата социального обеспечения (НКСо) и его местных

органов (губсобесов) отпали, другие были значительно урезаны. Постепенно вместо прежней, единой для всех трудящихся, системы государственного социального обеспечения сложились такие формы социальной работы, как государственное обеспечение инвалидов и семей военнослужащих; социальное страхование рабочих и служащих; обеспечение крестьян в порядке взаимопомощи². Чтобы более качественно выполнять свои функции, местным органам НКССО согласно предписанию СНК, ЦК РКП (б) и НКССО от 20 мая 1921 г. возвращались опытные работники, ранее отозванные в другие организации. Коллегии губсобесов пополнялись энергичными и дельными сотрудниками, улучшалось снабжение собесов всем необходимым³. Кроме того, постановлением ВЦИК от 30 сентября 1921 г. НКССО как неснабжаемый Наркомпродом и другими заготовительными учреждениями получил право самостоятельно заготавливать сырье, инвентарь, продовольствие и предметы первой необходимости, а также организовывать собственные производственные предприятия, пошивочные мастерские и земледельческие хозяйства. Для их обустройства и эксплуатации привлекались как обслуживаемые комиссариатом лица, так и кооперативы, артели и частные лица⁴. Финальной точкой в этом процессе стал перевод в начале лета 1922 г. органов НКССО кроме контрольно-инспекционного аппарата с государственного снабжения на начала самокупаемости. Дополнительным источником содержания учреждений социального обеспечения являлось самообложение населения⁵.

Как и в 1918–1920 гг., органы социального обеспечения проявляли заботу о семьях красноармейцев. Для этого 14 июля 1921 г. Наркомату социального обеспечения был передан аппарат Центральной комиссии помощи красноармейцам. Им оказывалась помощь обувью и одеждой, они получали пайки «Красная звезда», нетрудоспособные члены их семей обеспечивались фронтowymi красноармейскими пайками в половинном объеме⁶. Источником средств для этого служили фонды, созданные при собесах губернии согласно декрету СНК от 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семей красноармейцев» из бесхозного имущества различных советских органов, с доходов от налогообложения увеселительных учреждений, организации спектаклей⁷. В начале 1920-х гг. органы НКССО выдавали пенсии и пособия девяти миллионам семей военнослужащих. Их выплачивали главным образом из местных нужд и лишь на 25% – из государственного бюджета⁸. Государственное обеспечение кадрового начальствующего состава РККА согласно принятому 19 марта 1926 г. Положению включало в себя: пенсии лицам начальствующего состава по старости, в случае смерти и безвестного отсутствия; выходные пособия и пособия по безработице уволенным из рядов армии; единове-

менные пособия по случаю рождения ребенка и на погребение; оказание медицинской помощи⁹.

Помимо Наркоматов социального обеспечения союзных республик, военнослужащие обеспечивались всем необходимым армейскими органами снабжения, которые в начале 1920-х гг. перестраивались с военных на мирные рельсы¹⁰. Свидетельством особой заботы государства о военнослужащих является «Кодекс законов о льготах и преимуществах для красноармейцев и их семей», принятый в конце 1924 г. ЦИК СССР. Под льготами подразумевались различные денежные пособия (на лечение, компенсация за утраченное имущество, на погребение умерших родственников), право бесплатного получения медицинских услуг, преимущества перед другими категориями населения в получении жилья и т. д. Несовершеннолетние дети, нетрудоспособные родители и супруг призванных в армию получали в течение всего срока службы ежемесячные пособия¹¹.

Помощь инвалидам войны, кроме НКССО, с 4 апреля 1921 г. оказывалась также Всероссийским комитетом помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне (Всерокомпом) при ВЦИК. Этой организацией с целью увеличения средств для обеспечения инвалидов войны с 9 по 16 апреля 1923 г. была проведена всероссийская неделя помощи инвалидам войны. Теми же соображениями было продиктовано освобождение производственных предприятий, учебно-производственных и вспомогательных мастерских, торговых предприятий, учреждений сферы обслуживания и культуры, находившихся в ведении Всерокомпома от местных налогов и сборов¹². Это позволило увеличить объемы оказываемой помощи. Так, в 1925–1926 гг. комитетом и его местными органами на эти цели было израсходовано 1400 тыс. руб.¹³. В начале 1925 г. к делу оказания помощи инвалидам войны из числа рабочих и служащих подключили органы социального страхования, которым ЦИК и Совнаркомом Союза СССР вменялось в обязанность обеспечить 20 тыс. человек по всему СССР¹⁴. В 1927 г. распоряжение правительства было практически выполнено: в 203 домах инвалидов содержалось 19658 человек¹⁵.

Государство проявляло заботу и о других категориях инвалидов. СНК своим постановлением от 8 декабря 1921 г. разделил их на шесть групп, однако государственным пенсионным обеспечением пользовались лишь инвалиды первых трех групп. Остальные получали только пособие по безработице¹⁶. В более привилегированном положении оказались лица, особо отличившиеся своей революционной деятельностью, а также имевшие выдающиеся заслуги в сфере науки, техники, искусства, литературы. С конца 1921 г. они стали получать увеличенные пенсии, а с 16 февраля 1923 г. также и пособия на лечение¹⁷. К 1927 г. количество персональных пенсионеров

в РСФСР составляло 7 тыс. человек, а средний размер пенсии – 55 руб. в месяц¹⁸. В новом положении ВЦИК и СНК (март 1928 г.) было упорядочено пенсионное обеспечение инвалидов труда и семей, потерявших кормильца. Размеры пенсий устанавливались в зависимости от группы и причины инвалидности, производственного стажа и размера заработной платы¹⁹.

Для обучения инвалидов рациональным способам ведения сельского хозяйства, ремеслам, подготовки специалистов низовой кооперации в начале 1926 г. СНК РСФСР были открыты профессионально-технические школы НКССО. Обучение и содержание их было бесплатным. Ежегодно в техникумах, вузах, на рабфаках обучалось 2500 инвалидов. В начале августа 1928 г. контингент обучающихся в профессионально-технических школах НКССО расширился за счет тех групп инвалидов, на которые ранее не распространялись законы о государственном обеспечении²⁰.

Соображениями улучшения социального обеспечения инвалидов было продиктовано создание кооперативных объединений и трудовых артелей. В июле 1926 г. был разработан соответствующий документ. Главной задачей создания таких объединений согласно этому документу являлось поднятие материального благосостояния инвалидов путем совместного труда в области производства, сельского хозяйства, торговли, оказания личных услуг, взаимопомощи, кредитования²¹. Эти же цели преследовали созданные ранее общественные организации инвалидов: Всероссийское общество слепых (1923 г.), Всероссийское объединение глухонемых (июнь 1926 г.) и некоторые другие. Они учреждали кассы взаимопомощи инвалидов, которые оказывали лечебную, протезную и курортно-санитарную помощь нуждающимся членам объединений. ВОГ в своей деятельности практиковало проведение трехдневников помощи слепым, во время которых проводились добровольные сборы, устраивались зрелищные предприятия, аукционы и т. д. в пользу общества. Собранные таким образом средства освобождались от налогообложения²². В целом к 1927 г. по всей стране система кооперации инвалидов охватывала 50 тыс. человек²³. В августе 1928 г. право вступления в кооперативные объединения получили не только инвалиды войны, но и другие инвалиды, относящиеся к трудовым слоям населения. В их числе были вдовы умерших инвалидов войны и лиц, убитых в борьбе с контрреволюцией. Вступив в инвалидную кооперацию, эти категории инвалидов автоматически получали право на получение пенсии или пособия, но только в течение первых трех месяцев²⁴. Те, кто не желал вступать в инвалидные кооперативные объединения, но имел право на получение пенсий, обеспечивались торговыми бесплатными патентами. Это давало им возможность вполне безбедно существовать²⁵. Кроме военнослужащих и инвалидов, государственная система социального обеспечения

распространялась на педагогов, работников просвещения, ученых, членов различных творческих союзов, их семьи, а также несовершеннолетних детей, школьников и студентов²⁶.

Одним из важных направлений деятельности государственных органов социального обеспечения в 1920-е гг. стала борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью. Для этого при ВЦИК была создана комиссия по улучшению жизни детей под руководством Ф. Дзержинского, которую именовали еще детской чрезвычайной комиссией (ДЧК)²⁷. В России начался массовый отлов беспризорников, которых направляли в детские дома. Осенью 1921 г. к этому процессу подключилась детская социальная инспекция. Социальные инспектора – братья и сестры социальной помощи, являвшиеся специальным педагогическим персоналом, – дежурили в общественных местах (на улицах, площадях, рынках, столовых, вокзалах и т. д.). Обнаруженные там несовершеннолетние доставлялись инспекторами в детские приемные пункты, создававшиеся параллельно с инспекцией. В своей деятельности социальная инспекция обязана была тесно контактировать с органами милиции. Кроме того, инспектора защищали права несовершеннолетних, если они нарушались в семье, на производстве и органами опеки²⁸.

В январе 1924 г. постановлением Президиума ЦИК СССР были образованы общесоюзный и местные фонды им. В. И. Ленина для организации помощи беспризорным детям. Объем общесоюзного фонда был определен в размере 100 млн руб., из которых половину вносило правительство из общесоюзных средств, а другая половина формировалась из добровольных 20% отчислений из местных фондов и других сборов. Распоряжалась этими средствами специальная центральная комиссия. Еще одним источником накопления средств в этом фонде являлась советская филантропическая ассоциация, созданная при этой комиссии осенью 1926 г.²⁹ Кроме того, в отдельных республиках в целях усиления борьбы с детской беспризорностью с разрешения центральных властей вводились надбавки (10%) к местным налогам на увеселения. В ликвидацию беспризорности включались и общественные организации, прежде всего общество «Друг детей» (ОДД), а также РКСМ³⁰.

Весной 1926 г. процесс борьбы с беспризорностью получил новое развитие. В положении «О борьбе с детской беспризорностью в РСФСР», принятом ВЦИК и СНК РСФСР 8 марта 1926 г., были четко определены категории беспризорных, нуждавшихся в полном и частичном обеспечении и воспитании, обозначены основные направления мероприятий по борьбе с беспризорностью. В частности, они предусматривали передачу беспризорных на попечение родственников, в семьи трудящихся, органам охраны материнства и младенчества, в детские учреждения различных типов, лечебные, медико-педагогические, производственные, промышленные, сельскохозяй-

ственные учреждения, трудовые дома и т. д. Их реализация возлагалась на Народный комиссариат просвещения и его местные органы. Для этого им в ведение передавалась детская социальная инспекция. В конце лета 1926 г. ЦИК и СНК СССР своим постановлением распространил на все учреждения и организации, ведущие борьбу с детской беспризорностью, налоговые льготы, создав тем самым им более благоприятные условия для деятельности³¹.

Состав созданной еще в начале 1921 г. Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК в 1926 г. был расширен, а принятое 27 июня 1927 г. Положение об этой комиссии более четко оговаривало цель ее деятельности, источники финансирования. Все учреждения и заведения этой Комиссии – колонии, санатории, дома отдыха, аптеки, столовые, чайные, молочные, производственные, торговые и зрелищные предприятия, учебно-производственные мастерские – освобождались от общегосударственных и местных налогов³². Улучшение жизненного уровня населения к тому времени несколько снизило и количество бездомных детей. Подводя итоги борьбы с детской беспризорностью за 1925–1927 гг., ВЦИК и СНК РСФСР констатировали увеличение числа подростков, занятых в мастерских и сельском хозяйстве, рост числа выпускников детских домов, направляемых на производство, отдаваемых в обучение кустарям, ремесленникам, в артели, в крестьянские семьи. В то же время в постановлении отмечалась тенденция роста беспризорников. Это потребовало создания органа, который объединил бы усилия по борьбе с беспризорностью в общесоюзном масштабе. Таким органом стала комиссия СНК СССР для объединения мероприятий по борьбе с детской беспризорностью, созданная летом 1928 г. Существование большого числа беспризорников во многом объяснялось жестоким обращением воспитателей и ужасающими условиями жизни в детских учреждениях, откуда ребята убегали буквально целыми толпами. Изменить эту негативную тенденцию были призваны меры, разработанные осенью 1928 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР, по увеличению финансирования, строительства и обустройства детских домов³³.

Проявлялась и забота об организации здорового отдыха подростков, для чего местные органы обязаны были открывать летние колонии и детские площадки, Наркомату просвещения возвращались ранее отобранные помещения для воспитательной работы. Создаваемые на их базе детские учреждения социального воспитания стремились привить несовершеннолетним любовь к труду, организуя подсобные мастерские. Понимая важность этого, СНК СССР осенью 1924 г. своим распоряжением освободил эти учреждения от государственного налогообложения³⁴. Все это, по мысли властей, должно было социально оздоровить молодежь. Важная роль в этом процессе отводилась и комсомолу, которому XIII съездом

РКП (б) (24–31 мая 1924 г.) рекомендовалось, в частности, организовывать лиги борьбы с алкоголизмом и табаком, развивать физкультурное движение³⁵. В июне 1927 г. СНК РСФСР был разработан комплекс мероприятий по борьбе с девиантными проявлениями (хулиганством) в молодежной среде, предусматривавший максимально возможное использование киноорганизаций, увеличение средств на развитие пионерского движения, туризма, экскурсионной работы среди детей, физической культуры, расширения сети библиотек, кружков, клубов и т. д. На закате эры НЭПа более четкие очертания приобрела деятельность органов опеки и попечительства над несовершеннолетними³⁶. Тем самым большевистское государство делало первые шаги в выработке молодежной политики. Еще одним компонентом этого процесса стало принятие 28 июня 1928 г. ЦК ВКП (б) специального постановления «О состоянии и ближайших задачах пионердвижения»³⁷.

Важным направлением социальной работы в годы НЭПа являлась борьба «с общественными ненормальностями»: взрослой беспризорностью и нищенством. Этими проблемами, в частности, занимались детская социальная инспекция, комитеты общественной взаимопомощи³⁸. Однако из-за скудности средств результативность этой работы оказалась незначительной. Народный комиссар социального обеспечения И. А. Наговицын в своем докладе приводит по этому поводу такие сведения: к 1927 г. в колонии для беспризорных и бездомных было помещено 12440 человек, на борьбу с нищенством по десяти губерниям израсходовано 407 тыс. руб. В некоторых городах беспризорным также выплачивались пенсии, размеры которых колебались от 8 до 12 руб. в месяц³⁹. Борьбой с проституцией кроме вышеперечисленных организаций занимались Центральный совет и Советы по борьбе с проституцией, с 1923–1925 гг. в СССР стали функционировать венерические диспансеры⁴⁰.

С переходом к НЭПу государственное обеспечение крестьянства было прекращено и начался переход к организации крестьянских обществ взаимопомощи (ККОВ). Социальным обеспечением продолжали пользоваться лишь крестьяне-участники войны, инвалиды и жертвы террора военного времени, которых было невозможно обеспечить посредством трудоустройства в артелях, кооперации инвалидов или крестьянской взаимопомощи. Общества по оказанию этой помощи согласно вышеупомянутому декрету СНК от 14 мая 1921 г. были призваны оказывать помощь в случае неурожая, пожаров и других стихийных бедствий, поражающих отдельные хозяйства, селения и волости путем внутреннего самообложения, распределения предоставляемых на эти цели государством денежных средств, продуктов питания и предметов первой необходимости, а также организации общественной трудовой помощи⁴¹. В утвержденном ВЦИК и Совнаркомом 25 сентября

1924 г. «Положении о крестьянских обществах взаимопомощи» функции ККОВ были расширены. У них появились обязанности по развитию трудовых объединений инвалидов, оказания помощи государству в содержании этих объединений, а также детских домов, яслей, бесплатных столовых; открытия их с разрешения властей на средства денежных и натуральных фондов взаимопомощи⁴². В своем постановлении от 2 июля 1927 г. СНК РСФСР, характеризуя деятельность этих обществ, отметил факт превращения ККОВ в массовую организацию на селе, стремившуюся оказывать помощь маломощным и всем нуждающимся деревенским жителям⁴³. Действительно, если в 1922 г. на территории республики имелось 16 тыс. ККОВ, то к 1928 г. их было уже 78 тыс., охватывая 50% крестьянского населения. Средства, которыми располагали комитеты для оказания помощи нуждавшимся, возросли с 5783 тыс. руб. в 1923–1924 гг. до 8746 тыс. руб. в 1927 г. Размер общественной запашки в 1926–1927 гг. достиг 218 тыс. десятин. На 1 октября 1927 г. крестьянскими обществами взаимопомощи было организовано 6500 коллективов и артелей, в которых числилось 155 тыс. человек. В то же время были и проблемы. Переложение обязанности по оказанию помощи инвалидам, проживавшим на селе, на плечи ККОВ не принесло ожидаемых результатов. Например, в 1925–1926 гг. безвозвратная помощь хозяйствам инвалидов, семьям красноармейцев и вдовам была оказана в 85327 случаях на сумму 467675 рублей, что дало в среднем по 4 руб. при общей средней помощи ККОВ 5 руб. на хозяйство. Такая помощь была не способна оказать существенной поддержки хозяйству инвалида. В ответ на возникавшее недовольство инвалидов своим положением ЦИК СССР в 1927 г. заявил о необходимости решения проблемы обеспечения стариков из семей маломощных крестьян⁴⁴.

Помимо помощи инвалидам, крестьянские общества взаимопомощи помогали населению, пострадавшему от неурожая 1920 г., 1924 г. и голода 1921–1922 гг. Вся помощь, поступавшая от государства и общественных организаций, распределялась, главным образом, через ККОВ⁴⁵. Основные же нити борьбы с этим бедствием были сконцентрированы с 17 февраля 1921 г. в Комиссии по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, а с 18 июля того же в Центральной комиссии ВЦИК помощи голодающим⁴⁶. В 1924 г. для борьбы с очередным неурожаем при СНК СССР была учреждена Комиссия по борьбе с его последствиями. Анализ советского законодательства позволяет выявить ряд направлений в их деятельности, которые можно охарактеризовать как одно из проявлений социальной работы. К ним нужно отнести создание продовольственных и семенных фондов помощи, введение общегражданского налога на эти же цели, освобождение от налогов поступавших из-за границы продуктов и предметов первой не-

обходимости в адрес голодающих. Оказывалась помощь и жертвам стихийных бедствий. Так, 3 млн руб. предписывалось СНК РСФСР выделить жертвам наводнения в Поволжье летом 1926 г.⁴⁷

В период НЭПа правительство вернулось к системе социального страхования рабочих в период неработоспособности. Органы социального страхования (соцстрах) были созданы декретом СНК «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом» от 15 ноября 1921 г. Их задачами являлось страхование лиц, занятых наемным трудом в государственных, кооперативных, общественных, концессионных, арендных, частных предприятиях, учреждениях и хозяйствах во всех случаях социального риска, в том числе при временной и постоянной утрате трудоспособности, безработице, смерти. Соцстрах находился в ведении НКСО. 19 декабря 1921 г. распоряжением правительства в обязанности соцстраха было добавлено и страхование выше перечисленных категорий населения в случае болезни. Застрахованные полностью освобождались от взносов на все виды социального страхования. Страховые взносы выплачивались администрацией или владельцами предприятий, учреждений и хозяйств без права какого-либо обложения страхуемых. По всем видам страхования страховые взносы уплачивались в размере 21–28% от выплачиваемой предприятиями общей суммы заработной платы. Эти же проблемы также решало Главное правление государственного страхования (Госстрах), учрежденное постановлением Наркомата финансов 27 ноября 1922 г.⁴⁸ Обеспечение по государственному социальному страхованию подразделялось на денежные выплаты (пенсии и пособия) и материальные блага и услуги (путевки в дома отдыха, пионерские лагеря, диетическое питание и т. п.)⁴⁹.

Государственная политика в области социального страхования и обеспечения получила дальнейшее развитие в специальных тезисах ЦК РКП (б) от 4 сентября 1922 г. В этом документе давалось обоснование новых подходов к организации социальной защиты трудящихся в условиях нэповской экономики: «... из современных отношений вытекает необходимость замены государственного социального страхования лиц, занятых наемным трудом, социальным страхованием их за счет предприятий, в которых они работают»⁵⁰. Введение социального страхования с учетом изменившихся социально-экономических отношений потребовало новых организационных форм этой системы обеспечения рабочих и служащих и соответствующих систем управления. Поэтому для осуществления социально-страховательной работы создавались кассы социального страхования. Комитеты этих касс формировались профсоюзами путем выборов на профсоюзных конференциях.

Подобные изменения стали основанием для постановления ВЦИК Совнаркома от 21 декабря 1922 г. о передаче дела социального страхования

лиц наемного труда в ведение Народного комиссариата труда и его местных органов. На них возлагалось руководство работами страховых касс по обеспечению рабочих и служащих пенсиями и пособиями по всем видам социального риска⁵¹. Тем самым стали складываться базовые элементы советской модели социального страхования в рамках союзного государства, что подтверждается принятием ВЦИК, Совнаркомом и другими руководящими органами РСФСР и СССР большого количества декретов, постановлений и других документов по этому вопросу⁵². Принятие нового Кодекса законов о труде (КЗОТ) 30 октября 1922 г. означало переход к полному социальному страхованию рабочих: а) для всех видов наемного труда; б) для всех видов потери трудоспособности: от болезней, увечья, инвалидности, старости, профессиональных болезней, материнства, вдовства и сиротства, а также безработицы⁵³. О высоких темпах формирования системы социального страхования свидетельствуют следующие факты: если к концу 1922 г. социальным страхованием было охвачено около 80% рабочих РСФСР, то уже к 1925 г. были застрахованы фактически все, работающие по найму. В 1927 г. в СССР были впервые введены государственные пенсии по старости⁵⁴.

Кроме социального страхования, являвшегося важнейшим положением в области охраны труда, в Кодексе законов о труде 1922 г. был закреплён и ряд других мер, направленных на охрану труда. К этому времени органы, отвечающие за эту сферу, были переданы в ведение Всероссийского центрального совета профессиональных союзов⁵⁵. Последний, кроме Кодекса, в своей деятельности руководствовался ещё рядом следующих нормативных актов, принятых в русле новой социально-защитной политики⁵⁶. Все хозяйственные учреждения и предприятия обязывались включать в планы своих работ различные мероприятия по охране труда, в том числе по промышленной санитарии и технике безопасности. Нарушение этих законодательных актов каралось денежными штрафами, трехмесячными принудительными работами и лишением свободы сроком на один год. Суммы, собранные в виде штрафов, следовало зачислять в фонд социального страхования⁵⁷. Принятые меры позволили уменьшить число нарушений в этой области и улучшить осуществление правовых норм законодательства.

Увеличивалось финансирование мероприятий по технике безопасности и промышленной санитарии. Совнарком в своем постановлении от 11 июня 1927 г. отмечал, что в 1924–1926 гг. на эти цели на предприятиях государственной промышленности РСФСР было израсходовано около 40 млн рублей, в 1926–1927 гг. выделено около 25 млн руб. В результате, констатировалось в документе, произошло улучшение санитарно-технических условий труда: почти вдвое по сравнению с 1917 г. возросло число вентиляционных установок, проведены заметные работы по уста-

новлению ограждений, осуществлен ряд мер по механизации вредных работ, оборудованы бани, души, раздевалки и т. д. Однако несчастные случаи, профессиональные отравления и заболевания продолжали сохраняться на достаточно высоком уровне. Преодолеть эту негативную тенденцию СНК предлагал путем увеличения финансирования, более тщательного расследования причин несчастных случаев, организации систематического обучения рабочих безопасным методам работы, усиления надзора за исполнением правил техники безопасности на каждом предприятии и т. д.⁵⁸

Новый КЗОТ содержал также и такие важные положения в области трудового законодательства и охраны труда, как восьмичасовой рабочий день, двухнедельный оплачиваемый отпуск. Этот свод законов закрепил за профсоюзами и Наркоматом труда дальнейшее регулирование трудового законодательства. Его содержание фиксировало и отказ от некоторых норм, провозглашенных ранее на самом высоком уровне: так, отсутствовало положение о предоставлении всем без исключения трудящимся месячного отпуска, обещанного второй программой РКП (б) после гражданской войны; не упоминались вопросы о социальном страховании временных и сезонных рабочих; ничего не говорилось о пенсиях по старости. Умеренность положений Кодекса 1922 г. отвечала существующему уровню экономики Советской России, но противоречила обещаниям правящей партии о быстром переходе к социализму. Изменения и дополнения статей Кодекса в течение 1923–1928 гг. носили фрагментарный характер. Более того, в ряде случаев просматривается некоторый откат в области страхового законодательства. Так, число особых дней отдыха, связанных с религиозными праздниками, было сокращено с 15 до шести в июле 1928 г., расширились возможности хозорганов увольнять рабочих за первое же нарушение и т. д. Вместе с тем законодательство 1920-х гг. местным органам труда разрешало вводить семь «особых» дней отдыха⁵⁹. В 1928 г. в стране начал вводиться семичасовой рабочий день. К концу года он был установлен для рабочих текстильной промышленности⁶⁰.

Необходимостью направления всех наличных средств государства на восстановление экономики было продиктовано снятие советской медицины с государственного снабжения и перевод ее на местное финансирование, медицинские услуги стали платными, появились частные лечебные учреждения и аптеки. Медицинская помощь рабочему классу оказывалась за счет средств, поступающих от органов социального страхования, дотаций из местных и государственного бюджета⁶¹. Переход к НЭПу, ожививший частную инициативу, дал возможность определенной части трудящихся масс самостоятельно обеспечивать себя продовольствием и предметами первой необходимости. Услугами же государственной системы продовольственного обеспечения (выдача трудового продо-

вольственного пайка) продолжали пользоваться лишь солдаты, матросы, рабочие и служащие действующих предприятий, учреждений, водного и железнодорожного транспорта и члены их семей, инвалиды, учащиеся⁶². С возрождением в 1922 г. товарно-денежных отношений Наркомпрод, осуществлявший общее руководство распределением заготовленных и произведенных в стране продуктов среди населения⁶³, был ликвидирован и с 15 мая 1924 г. передал свои функции Народному комиссариату внутренней торговли⁶⁴. В СССР стали возникать государственные, кооперативные торговые предприятия⁶⁵, продолжала разрастаться возрожденная в марте 1921 г. частная торговля. Благодаря функционированию этих трех субъектов рынка люди получили возможность лучше питаться: хлебом, картофелем, мясом, сахаром, иногда употреблять и экзотические товары, например лимоны. Стали возрождаться обильные застолья, особенно в дни крупных религиозных праздников. На столах появлялась колбаса, гуси, всевозможные закуски, на Пасху – куличи, «пасха», яйца и другие «культовые» продукты⁶⁶. Тем самым, НЭП дал новый импульс для развития сферы обслуживания в стране, к которой помимо торговли относились предприятия бытового обслуживания, гостиницы, общепит. К концу 1920-х гг. в СССР было уже более 28 тыс. заведений общественного питания, принадлежащих частным владельцам; только в РСФСР насчитывалось около 400 домов крестьянина⁶⁷.

После введения НЭПа власти вынуждены были отказаться от идеи тотальной муниципализации жилья и кардинально изменить жилищную политику. В декабре 1921 г. СНК РСФСР принял декрет «Об условиях демунципализации домов». И уже к середине 1920-х гг. в Ленинград, например, 5% всех жилых помещений находилось в частных руках. Однако большая часть муниципализированного жилья перешла в коллективную собственность жильцов, объединенных в жилищные товарищества. В Москве к весне 1923 г. было около 8 тыс. жилтовариществ. Одновременно власти продолжили начатую в первые годы советской власти политику принудительного уплотнения. Занимались этим жилищные подотделы коммунальных отделов городов⁶⁸, в подчинении которых находились созданные согласно декрету СНК РСФСР «Об управлении домами» (8 августа 1921 г.) домоуправления. Именно они и являлись непосредственными проводниками большевистской жилищной политики в условиях НЭПа⁶⁹. Эти структуры наряду с Центральной и местными комиссиями по улучшению быта рабочего населения следили за правильностью процедуры уплотнения всех советских учреждений и отведения освобожденных помещений под квартиры рабочим; занимались ремонтом домов и квартир рабочих, общежитий; организовывали дома-коммуны для рабочих, вырабатывали порядок вселения в них⁷⁰. Не могли быть выселены из занимаемых

помещений только командный состав армии и флота, служащие административных учреждений. В привилегированном положении находились также жильцы домов ВЦИК и ВЦСПС (члены и кандидаты в члены ВЦСПС, ВЦИК, ЦК РКП (б), наркомы, члены коллегий наркоматов, рабочие и ответственные работники вышестоящих органов), выселение которых было возможно только по решению указанных структур⁷¹. Для снижения остроты жилищного кризиса в столице в сентябре 1922 г. была создана специальная жилищная комиссия с чрезвычайными полномочиями. Она получила право осуществления процедуры уплотнения, ни останавливаясь ни перед какими формальными договорами⁷².

Параллельно процессу официального уплотнения в 1920-е гг. развивалось и самоуплотнение, т. е. осуществление заселения без участия властных инстанций. Например, научным работникам в 1922 г., а затем и в 1924 г. было предоставлено право самостоятельно занимать освободившиеся комнаты в квартирах, где они проживали наряду с другими жильцами⁷³. Кроме них право на дополнительную жилплощадь имели больные различными хроническими и психическими заболеваниями, работники государственных учреждений, ответственные работники военного и морского ведомств⁷⁴. Летом 1927 г. право самоуплотнения распространялось на все социальные слои населения. Владельцы или съемщики квартиры или комнаты могли вселять к себе на излишки площади⁷⁵ любого человека, даже не родственника. Право на самоуплотнение необходимо было реализовать в течение трех недель. Как только истек указанный срок, вопрос о вселении на излишки площади решали не ее съемщик или владелец, а домоуправление. Это означало фактически начало второго «жилищного передела» 1927 г. и являлось фактическим основанием существования и развития коммунальных квартир⁷⁶.

Восстановить жилищный фонд власти также пытались путем расширения индивидуального строительства. Одновременно развивался институт кооперативной собственности в виде жилищных кооперативов⁷⁷. Со второй половины 20-х гг. XX в. в стране разворачивается массовое жилищное строительство муниципального жилья, для чего в составе местных бюджетов образовывались специальные капиталы жилищного фонда⁷⁸. Экономическим совещанием РСФСР признавалось в Постановлении от 19 марта 1928 г. целесообразным строить многоквартирные дома (блочные и этажные) с квартирами в две или три комнаты с коллективным использованием кухонь, столовых, ванн, прачечных и проч. Для самих строителей жилых домов в последний год эры НЭПа Совнарком РСФСР предписывал приступить к сооружению капитальных домов постоянного типа⁷⁹. Оценивая результативность принятых мер по решению жилищного вопроса, ЦИК Совнарком СССР в своем постановлении

«О жилищной политике» от 4 января 1928 г. признал достижение за 1925–1927 гг. некоторого улучшения жилищного положения рабочих ряда крупных промышленных центров. В то же время в документе отмечалось сохранение тяжелого положения с жильем на всей территории СССР⁸⁰.

Одновременно с жилищным строительством в стране предпринимались первые шаги по восстановлению городского хозяйства. Центральными органами власти издавались различные постановления, например: «О порядке устройства и содержания мостовых и тротуаров в городских поселениях» (1 февраля 1926 г.); «Об образовании специального капитала Центрального банка Коммунального Хозяйства и Жилищного Строительства для целей кредитования коммунального хозяйства» (21 октября 1927 г.)⁸¹.

С окончанием гражданской войны и введением новой экономической политики советская социальная политика подверглась значительным корректировкам. В условиях общего экономического спада, хозяйственной разрухи, финансового кризиса, падения жизненного уровня населения социальное обеспечение требовало огромных расходов. Они ложились тяжелым бременем на экономику страны и становились совершенно непосильными для государства. Под влиянием этих и других факторов советское правительство пришло к выводу о необходимости возврата к социальной страхованию рабочих и служащих. Основной организацией социального обеспечения крестьян в 1921–1928 гг. стала крестьянская взаимопомощь. Государственное обеспечение в новых экономических условиях распространялось лишь на инвалидов и семьи военнослужащих. Другими важными направлениями социальной работы были: борьба с беспризорностью (детской и взрослой); искоренение проституции, помощь пострадавшим во время голода 1921–1922 гг., засухи 1924 г. и других стихийных бедствий. Важной вехой в социальном развитии страны стало принятие в 1922 г. нового Кодекса о труде, способствовавшего дальнейшему развитию социального страхования рабочих, совершенствованию системы охраны труда и в целом всего трудового законодательства.

Государственное страхование рабочих и служащих явилось основой и для оказания медицинской помощи нуждающимся. Население, особенно городское, получило возможность воспользоваться высококвалифицированной амбулаторной и зубоврачебной помощью, пройти профилактическое обследование в поликлиниках, подлечиться в санаториях. Достижения имелись и в деятельности санитарной службы, учреждений по охране материнства, детства и подростков. Велась борьба с девиантными проявлениями среди подрастающего поколения, организации его досуга. К тому же молодежная политика в государстве приобретала более четкие очертания. Переход к НЭПу стал важнейшим стимулом в

развитии сферы обслуживания: торговли, общественного питания, бытового обслуживания, гостиничного дела. Все эти учреждения, несомненно, способствовали подъему уровня жизни в стране. В то же время вышеперечисленные направления социального развития в годы НЭПа носили классовый характер, не распространяясь на представителей непролетарских слоев населения. Именно на этом принципе основывались такие направления жилищной политики, как принудительное уплотнение и самоуплотнение, демунICIPализация жилья, кооперативное, индивидуальное и муниципальное жилищное строительство. Решение жилищной проблемы сопровождалось и восстановлением коммунального хозяйства городов, преобразался их облик. Тем самым к концу 1928 г. в стране сформировалась основа той модели социального развития СССР, просуществовавшей с незначительными изменениями вплоть до 1991 г.

Примечания

- 1 См., например: Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1997. Т. 14. С. 298.
- 2 См.: Сухоруков М. Модели социальной деятельности в России в переходный период (февраль 1917–1921 гг.) // История социальной работы в России : хрестоматия / сост. Г. А. Кудрявцева. М., 2009. С. 332 ; *Он же*. Социальная работа в Советской России // Там же. С. 335.
- 3 См.: Декреты Советской власти. М., 1999. Т. 15. С. 147–148.
- 4 СУ. Собрание узаконений и распоряжений рабочекрестьянского правительства. 1921. № 68. Ст. 537. См. также: СУ РСФСР. 1927. Отдел первый. № 51. Ст. 337.
- 5 См.: СУ. 1922. Отдел первый. № 39. Ст. 456 ; СЗ СССР. 1924. Отдел первый. № 6. Ст. 69.
- 6 См.: Декреты Советской власти. Т. 14. С. 129 ; Т. 15 ; С. 83. М., 2004. Т. 16. С. 37 ; М., 2006. Т. 17. С. 92–93 ; СУ. 1921. № 60. Ст. 418 ; № 76. Ст. 622.
- 7 См.: Декреты Советской власти. Т. 15. С. 86 ; Т. 17. С. 70 ; СУ. 1922. Отдел первый. № 71. Ст. 904.
- 8 См.: Сухоруков М. Социальная работа в Советской России. С. 335 ; СЗ СССР. 1925. Отдел первый. № 23. Ст. 151.
- 9 См.: СЗ СССР. 1926. Отдел первый. № 20. Ст. 131.
- 10 См.: Декреты Советской власти. Т. 14. С. 38–39, 313–314 ; Т. 17. С. 387–389 ; СУ. 1921. № 60. Ст. 404 ; 1922. Отдел первый. № 11. Ст. 104. № 18. Ст. 187. № 51. Ст. 642.
- 11 См.: СЗ СССР. Отдел первый. 1924. № 21. Ст. 198 ; 1927. № 3. Ст. 30.
- 12 См.: Декреты Советской власти. Т. 14. С. 23 ; СУ. 1923. Отдел первый. № 15. Ст. 198 ; СУ РСФСР. 1928. Отдел первый. № 32. Ст. 234.
- 13 См.: Доклад Народного комиссара Социального обеспечения И. А. Наговицына (извлечения) // Антология социальной работы. Т. 3. Социальная политика и законодательство в социальной работе. М., 1995. С. 299.

- ¹⁴ См.: СЗ СССР. 1925. Отдел первый. № 7. Ст. 71. № 49. Ст. 367 ; № 84. Ст. 631.
- ¹⁵ Доклад Народного комиссара социального обеспечения И. А. Наговицына (извлечения). С. 288.
- ¹⁶ См.: СУ. 1921. № 79. Ст. 632 ; СУ РСФСР. 1928. Отдел первый. № 118. Ст. 740 ; *Сухоруков М.* Социальная работа в Советской России. С. 335.
- ¹⁷ См.: СУ. 1921. № 80. Ст. 697. 1923. Отдел первый. № 15. Ст. 198.
- ¹⁸ Доклад Народного комиссара Социального обеспечения И. А. Наговицына (извлечения). С. 287.
- ¹⁹ *Холостова Е. И.* Генезис социальной работы в России : учеб. пособие. М., 2010. С. 185.
- ²⁰ См.: СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 15. Ст. 7 ; № 8. Ст. 61 ; 1928. № 102. Ст. 647 ; *Сухоруков М.* Социальная работа в Советской России. С. 335.
- ²¹ См.: СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 41. Ст. 317.
- ²² См.: *Сухоруков М.* Социальная работа в Советской России. С. 335 ; СУ СССР. 1925. Отдел первый. № 79. Ст. 604 ; СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 37. Ст. 296. 1928 ; № 35. Ст. 257 ; № 62. Ст. 448.
- ²³ См.: Социальное обеспечение в РСФСР к десятой годовщине Октября // Антология социальной работы. Т. 1. М., 1994. С. 230.
- ²⁴ См.: СУ РСФСР. 1928. Отдел первый. № 118. Ст. 740, 741 ; СЗ СССР. 1928. № 54. Ст. 484.
- ²⁵ См.: *Ксенофонтов И.* Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР // Антология социальной работы. Т. 1. С. 213.
- ²⁶ См.: *Сухоруков М.* Модели социальной деятельности в России ... С. 333 ; Декреты Советской власти. Т. 15. С. 342 ; Т. 16. С. 239–240 ; СУ. 1921. № 57. Ст. 358. № 80. Ст. 686. 1922. Отдел первый. № 42. Ст. 498 ; № 66. Ст. 875.
- ²⁷ *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей : Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2008. С. 61–62.
- ²⁸ См.: СУ. 1921. № 66. Ст. 506 ; 1922. Отдел первый. № 59. Ст. 745.
- ²⁹ Там же. 1924. Отдел первый. № 29–30. Ст. 271 ; СЗ СССР. 1924. Отдел первый. № 3. Ст. 33 ; СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 70. Ст. 554 ; СУ СССР. 1928. Отдел первый. № 38. Ст. 347–348.
- ³⁰ См.: СУ. 1924. Отдел первый. № 44. Ст. 409 ; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 14 т. М., 1984. Т. 3. С. 278 ; *Лебина Н. Б.* Указ. соч. С. 62.
- ³¹ См.: СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 19. Ст. 143 ; № 56. Ст. 407 ; 1928. № 27. № 64. Ст. 462.
- ³² Там же. 1926. Отдел первый. № 19. Ст. 143 ; 1927. № 61. Ст. 422–423.
- ³³ Там же. 1927. Отдел первый. № 65. Ст. 446 ; 1928. Отдел первый. № 117. Ст. 734 ; СЗ СССР. 1928. Отдел первый. № 36. Ст. 326.
- ³⁴ См.: Декреты Советской власти. Т. 14. С. 288. Т. 15. С. 54–56 ; СУ. 1921. № 36. Ст. 189 ; СЗ СССР. 1924. Отдел первый. № 14. Ст. 140 ; СУ РСФСР. 1928. Отдел первый. № 44. Ст. 331.
- ³⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 281.
- ³⁶ См.: СУ РСФСР. 1927. Отдел первый. № 61. Ст. 424 ; СУ РСФСР. 1928. Отдел первый. № 49. Ст. 372. № 75. Ст. 524.
- ³⁷ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 343–347.
- ³⁸ См.: СУ. 1921. № 66. Ст. 506 ; 1924. Отдел первый. № 81. Ст. 813.
- ³⁹ См.: Доклад Народного комиссара Социального обеспечения И. А. Наговицына (извлечения). С. 289.
- ⁴⁰ Подробнее об этом сюжете см.: *Лебина Н. Б.* Указ. соч. С. 295–296.
- ⁴¹ Декреты Советской власти. Т. 15. С. 85.
- ⁴² СУ. 1924. Отдел первый. № 81. Ст. 813.
- ⁴³ См.: СУ РСФСР. 1927. Отдел первый. № 62. Ст. 429.
- ⁴⁴ См.: *Ксенофонтов И.* Указ. соч. С. 211 ; Доклад Народного комиссара Социального обеспечения И. А. Наговицына (извлечения). С. 219, 285, 295, 296–297.
- ⁴⁵ См.: Доклад Народного комиссара социального обеспечения И. А. Наговицына (извлечения). С. 284.
- ⁴⁶ См.: СУ. 1921. № 14. Ст. 92 ; Декреты Советской власти. Т. 17. С. 115–116.
- ⁴⁷ См.: СУ. 1922. Отдел первый. № 5. Ст. 51, № 16. Ст. 167, № 34. Ст. 409, № 76. Ст. 952 ; СЗ СССР. 1924. Отдел первый. № 1. Ст. 4, № 12. Ст. 116 ; СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 44. Ст. 336.
- ⁴⁸ СУ. 1921. № 76. Ст. 627. 1922. Отдел первый. № 1. Ст. 20, 23. № 2. Ст. 34. № 61. Ст. 775. № 80. Ст. 1000 ; СЗ СССР. 1925. Отдел первый. № 73. Ст. 537.
- ⁴⁹ *Сухоруков М.* Социальная работа в Советской России. С. 334.
- ⁵⁰ *Холостова Е. И.* Указ. соч. С. 180.
- ⁵¹ См.: СУ. 1922. Отдел первый. № 81. Ст. 1049 ; СЗ СССР. 1928. Отдел первый. № 62. Ст. 563.
- ⁵² См.: СУ. 1921. № 68. Ст. 536, № 79. Ст. 668–669. 1922. Отдел первый. № 1. Ст. 23 ; 1923. Отдел первый. № 31. Ст. 342 ; 1924. Отдел первый. № 16. Ст. 149, № 27. Ст. 262 ; № 77. Ст. 779 ; СЗ СССР. 1924. Отдел первый. № 27. Ст. 231 ; СЗ СССР. 1925. Отдел первый. № 14. Ст. 107. № 45. Ст. 336. № 66. Ст. 491. 1926. Отдел первый. № 19. Ст. 124 ; 1927. Отдел первый. № 10. Ст. 102, № 44. Ст. 451, № 56. Ст. 557, № 60. Ст. 605. СУ РСФСР ; 1928. Отдел первый. № 6. Ст. 57. № 17. Ст. 134 ; СЗ СССР. 1928. Отдел первый. № 3. Ст. 26, № 4. Ст. 32–33, № 17. Ст. 145–146.
- ⁵³ СУ. 1922. Отдел первый. № 70. Ст. 903. Об оказании помощи безработным подробнее см.: *Гуменюк А. А.* Социальная работа в России в 1921–1928 годах (по материалам Саратовской губернии) // НЭП в истории культуры : от центра к периферии. Саратов, 2010. С. 309–310.
- ⁵⁴ *Сухоруков М.* Становление и совершенствование советской модели социального обеспечения населения (1918–1991 годы) // Социальная защита. 1996. № 1. С. 126.
- ⁵⁵ См.: Декреты Советской власти. Т. 15. С. 51–55 ; СУ. 1922. Отдел первый. № 29. Ст. 338.
- ⁵⁶ Декретом СНК от 26 сентября 1922 г. «Об охране труда и обеспечении прав лиц, работающих в промышленных кооперативных предприятиях»; постановлением НКТ

- СССР от 29 января 1926 г. «Об устройстве и содержании промышленных заведений» (см.: СУ. 1922. Отдел первый. № 63. Ст. 810. Охрана труда. Сборник постановлений и правил. М., 1958. С. 330–333).
- ⁵⁷ См.: СУ. 1922. Отдел первый. № 30. Ст. 369; 1924. Отдел первый. № 12. Ст. 104; СЗ СССР. 1924. Отдел первый. № 41. Ст. 374; СЗ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 72. Ст. 572.
- ⁵⁸ СЗ РСФСР. 1928. Отдел первый. № 63. Ст. 434.
- ⁵⁹ См.: *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социкультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 39–40; СЗ СССР. 1927. Отдел первый. № 9. Ст. 80. № 60. Ст. 608.
- ⁶⁰ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 383–387.
- ⁶¹ Об этом направлении социальных преобразований подробнее см.: *Гуменюк А. А., Гуменюк О. И.* Развитие здравоохранения в Саратовской губернии в 1917–1928 гг. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2011. Вып. 5. С. 75–88.
- ⁶² СУ. 1921. № 62. Ст. 453.
- ⁶³ Там же. 1922. Отдел первый. № 31. Ст. 378.
- ⁶⁴ Там же. 1924. Отдел первый. № 50. Ст. 373.
- ⁶⁵ Там же. № 64. Ст. 645.
- ⁶⁶ См.: *Гуменюк А. А.* Повседневная жизнь городов Поволжья в годы НЭПа // Клио. 2007. №3 (38). С. 85.
- ⁶⁷ Об этом направлении социальных преобразований подробнее см.: *Лебина Н. Б.* Указ. соч. С. 128–129, 132, 248–249.
- ⁶⁸ В их ведении была почти четверть всех зданий в городах. Жилье в домах, находившихся в распоряжении губернских коммунальных отделов, предоставлялось по ордерам районных Советов и чаще всего в соответствии с жилищно-санитарной нормой. Официально «коммунальная площадь» считалась самой плохой.
- ⁶⁹ См.: Декреты Советской власти. Т. 15. С. 156–158, Т. 17. С. 170; СУ. 1921. № 57. Ст. 357; 1922. Отдел первый. № 30. Ст. 365; СЗ СССР; 1924. Отдел первый. № 8. Ст. 45; СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 53. Ст. 419, № 64. Ст. 497; 1927. № 36. Ст. 236; *Лебина Н. Б.* Указ. соч. С. 139, 147–148, 200.
- ⁷⁰ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 372–373; ГАРФ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 2. Л. 125, 127, 132–134.
- ⁷¹ См.: СУ. 1921. № 80. Ст. 629. 1922. Отдел первый. № 44. Ст. 546; Декреты Советской власти. Т. 15. С. 260–261.
- ⁷² СУ. 1922. Отдел первый. № 59. Ст. 752.
- ⁷³ Там же. № 6. Ст. 73. 1924. Отдел первый. № 68. Ст. 673.
- ⁷⁴ Там же. 1924. Отдел первый. № 81. Ст. 818. СУ РСФСР. 1927. Отдел первый. № 116. Ст. 783.
- ⁷⁵ Излишком считалось все, что превышало санитарную норму, к тому времени составлявшую 8 кв. м на человека.
- ⁷⁶ *Лебина Н. Б.* Указ. соч. С. 319.
- ⁷⁷ Об этих направлениях жилищной политики подробнее см.: *Чолахян В. А.* Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920–1930-х годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2009. Том 9, вып. 2. С. 65–66; *Лебина Н. Б.* Указ. соч. С. 148, 151–152.
- ⁷⁸ См.: СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 16. Ст. 131; 1928. Отдел первый. № 71. Ст. 504.
- ⁷⁹ Там же. 1928. Отдел первый. № 31. Ст. 211. № 112. Ст. 689.
- ⁸⁰ СЗ СССР. 1928. Отдел первый. № 6. Ст. 49.
- ⁸¹ См.: СУ РСФСР. 1926. Отдел первый. № 8. Ст. 56; СЗ СССР. 1927. Отдел первый. № 62. Ст. 628.

УДК 94(470.44/47).084.6

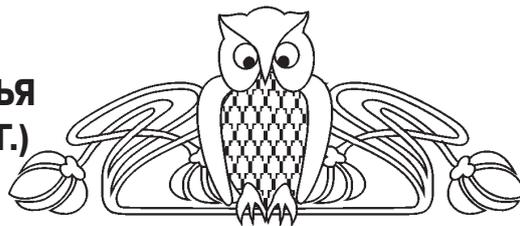
ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ КАДРОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1933–1937 ГГ.)

В. А. Чолахян

Саратовский государственный университет
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматриваются основные направления подготовки рабочих кадров в промышленности Нижнего Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.). Автор подчеркивает, что властям удалось привить обществу навыки индустриального труда, добиться формирования квалифицированных кадров различных специальностей, обеспечивших экономический рывок в 1930-х гг.

Ключевые слова: вербовка, отходничество, фабрично-заводское обучение (ФЗО), техминимум, государственный технический экзамен, нормы, соревнование.

Training of Workers in Industry of the Lower Volga Region During Second Five-year Plan (1933–1937)

V. A. Cholakhyan

The article deals with the main directions of the personnel training in the industry of the Lower Volga region during the Second Five-Year Plan (1933–1937). The author stresses that the authorities managed to instill public industrial labor skills, to achieve the formation of qualified personnel of various specialties, which provided economic breakthrough in the 1930s.

Key words: recruitment, seasonal work, factory training (FZO), technical minimum, state technical examination, standards, competition.

Реализуемый партийно-государственным руководством курс на форсированную индустриализацию привел к резкому изменению количественного и качественного состава рабочего класса, как в целом по стране, так и в Нижнем Поволжье. Вторая пятилетка пришлась на период, когда в регионе в строй действующих должны были войти большинство запланированных ранее объектов. При этом продолжался процесс переделки трудовых отношений на новый лад, начатый еще в годы первой пятилетки. Ввод в действие множества объектов сразу же обнажил центральную проблему – необходимость освоения новой техники. Вместо лозунга – «Техника решает все!» – в годы второй пятилетки появился другой – «Кадры решают все!». Между тем, «кадры» эти прибывали в города преимущественно из деревни, где происходила сплошная коллективизация. По оценке А. И. Вдовина и В. З. Дробужева, за весь период реконструкции народного хозяйства крестьяне дали 59,5% всех новых кадров рабочих и служащих, а городские жители – 40,5%¹.

Основными формами привлечения крестьянства на стройки пятилеток являлись организованные наборы и самостоятельное отходничество. Если в начале первой пятилетки, в связи со строительством СТЗ и СЗК, Нижне-Волжский регион еще принимал отходников из других регионов, то позднее он стал поставщиком рабочей силы. В первом полугодии 1933 г. по оргнабору было отправлено около 200 тыс. крестьян на работу как внутри края (стройки Сталинграда и Саратова, астраханские рыбные и соляные промыслы и т. д.), так и за его пределы². Под особым контролем Нижне-Волжского крайкома ВКП (б) находился вопрос о вербовке рабочей силы для Сталинградского тракторного завода. В течение августа 1933 г. бюро крайкома ВКП (б) дважды рассматривало этот вопрос, добиваясь от хозяйственных органов полного выполнения плана оргнабора для СТЗ³.

В 1936 г. Саратовская область отправила в другие районы страны по оргнабору 139200 чел., из них в Московскую область – 44000 чел., Ленинградскую – 31300 чел. Ежегодно по вербовке отправлялись в Астрахань десятки тысяч человек на рыбные и соляные промыслы⁴.

Еще более массовые масштабы приобрело стихийное самостоятельное отходничество крестьян, не желавших мириться с коллективизацией. Изменился характер традиционного отходничества: крестьяне навсегда уходили из села, пытаясь закрепиться в городах. По данным А. К. Соколова, за годы первых двух пятилеток из деревни в город перешли около 12 млн чел., а численность рабочих, занятых на стройках и предприятиях, увеличилась на 8 млн чел.⁵ Вследствие притока новых кадров быстро менялся социальный облик

рабочего класса, складывалась новая трудовая этика, в основе которой лежала традиционалистская крестьянская культура⁶.

Другим источником пополнения рабочих в реконструктивный период являлись женщины. По переписи 1939 г., они уже составляли 43 % всех рабочих страны⁷. Масштабы вовлечения женщин зависели от характера производства. Как правило, большинство из них были заняты на неквалифицированных работах. В промышленности Сталинграда их доля выросла с 12 % в 1926 г. до 38,2 % в 1939 г., Саратова – соответственно с 15 % до 43 %, Астрахани – с 19 % до 56,9 %⁸.

Значительное число нового пополнения рабочего класса составляла молодежь. Так, на строительстве Сталинградского тракторного завода ее доля превышала 45 %, Астраханского консервного завода – 44 %⁹. Многие из них не имели никаких навыков производственной деятельности, и потому по мере завершения строительства и ввода в эксплуатацию новых предприятий с особой остротой встала проблема подготовки квалифицированных кадров.

Одной из форм подготовки рабочих массовых профессий являлась система фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ее первичные звенья – фабрично-заводские училища (ФЗУ), в которых сочетались техническая подготовка и преподавание общеобразовательных дисциплин. За годы первой пятилетки число школ ФЗУ в Нижне-Волжском крае выросло с 24 в 1928 г. до 132 к концу 1932 г., а число учащихся в них достигло 29392 чел.¹⁰ Несмотря на широкое развитие системы профтехобразования, она явно не поспевала за темпами форсированной индустриализации. Во второй пятилетке ставилась задача подготовить 5 млн работников массовых квалификаций, в том числе 2,5 млн – в школах ФЗУ, свыше 1,5 млн – в стационарных школах, причем в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами¹¹.

В апреле 1933 г. нарком труда СССР Цихон в докладной записке «О школах ФЗУ» в ЦК ВКП (б) указывал, что «состояние подготовки отстает от требований производства, методы учебы устарели, стоимость обучения недопустимо высокая, и ФЗУ в значительной степени оторвано от предприятия»¹². Кроме того, власть не устраивало стремление значительной части оканчивавших школы ФЗУ не закрепляться на производстве, а, минуя его, уходить на рабфаки, техникумы и вузы¹³. В результате инициатив со стороны наркоматов тяжелой и легкой промышленности и путей сообщения, ЦИК и СНК СССР 15 сентября 1933 г. приняли постановление «О школах фабрично-заводского ученичества», по которому срок обучения сокращался с 2 лет до 6 месяцев в целях «резко выраженной профессиональной подготовки» и сокращения общей. Основным смыслом постановления сводился к тому, что школы ФЗУ должны были целиком сосредоточиться на подготовке рабочих, поэтому 80 % учебного

времени отводилось обучению непосредственно «у станка», а выпускники обязаны были проработать на производстве не менее 3 лет по своей специальности¹⁴.

По мнению Н. А. Болотова, реализация постановления правительства от 15 сентября 1933 г. «привела к ухудшению положения в деле подготовки рабочих кадров в целом по стране»¹⁵. Во-первых, разграничение функций различных школ и передача сети ФЗУ в ведение отдельных промышленных наркоматов привели и к децентрализации руководства и ослаблению твердого общегосударственного планирования в деле профессионального образования. Во-вторых, неоправданным оказалось сокращение перечня профессий, в котором из 1270 специальностей было исключено почти 750 низких и более 100 высоких квалификаций¹⁶. В-третьих, превращение ФЗУ в «цех завода» привело не только к уменьшению количества, но и к снижению качества подготовки специалистов. Об этом, в частности, говорилось на совещании Сталинградского ГК ВКП (б) 28 февраля 1934 г. по вопросам дальнейшего технического обучения рабочей молодежи. «Снижение качества подготовки молодых рабочих, – говорилось в резолюции совещания, – привело к громадному разрыву между теорией и практикой обучения, к переучиванию выпускников из-за слабой базы оборудования и коротких сроков обучения»¹⁷.

Негативные последствия постановления от 15 сентября 1933 г. непосредственно отразились на общем состоянии системы ФЗУ: если в 1933/34 учебном году имелось 2357 школ с 400 тыс. учащихся, то к 1938/39 учебному году их число сократилось до 1535, а учащихся – до 242 тыс.¹⁸ Только к 1939 г. были повсеместно восстановлены прежние сроки обучения: полутора-, двухгодичные школы составили 82,6 %, а шести-, десятимесячные – только 0,3 %¹⁹.

В предвоенные годы заметно ужесточилось законодательство в сфере трудовых отношений и, в частности, подготовки кадров. К концу 1930-х гг. стало очевидным отставание системы профессионально-технического образования от потребностей экстенсивно развивавшегося народного хозяйства. В третьей пятилетке через ФЗУ намечалось подготовить 1,1 млн рабочих, однако за два года, 1938 и 1939, было подготовлено лишь 169 тыс.²⁰ Одной из причин кризиса ФЗО являлось то, что она не привлекала молодое поколение. Тяжелый труд на заводах не особенно прельщал молодежь, которая, пытаясь «выбиться в люди», стремилась получить более высокое образование.

О необходимости реформирования системы ФЗО говорилось на июльском 1940 г. пленуме ЦК ВКП (б), а 2 октября того же года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР». Одновременно вышло два постановления СНК СССР, на основании которых было образовано Главное

управление трудовых резервов и узаконен призыв (мобилизация) городской и сельской молодежи в школы трудовых резервов. Создавались три типа учебных заведений: ремесленные и ремесленно-железнодорожные училища с двухгодичным сроком обучения, а также фабрично-заводские школы (ФЗО) с шестимесячным сроком обучения.

Государство взяло на себя полное материальное обеспечение всех учащихся, а время обязательной отработки после окончания учебы было увеличено до 4 лет²¹. В декабре 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР запрещалось самовольное оставление школы. За нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы) предусматривалось уголовное наказание²². Таким образом, главными целями реформирования системы ФЗО становились плановая массовая подготовка квалифицированных рабочих и организованное их распределение в соответствии с ростом промышленности.

В начале второй пятилетки основной формой повышения квалификации рабочих кадров оставались технические и рационализаторские кружки, различные массовые производственные и технические курсы, индивидуально-бригадное ударничество и т. д. Неблагополучное положение с освоением новой техники вызвало выход в свет постановления СТО от 30 июня 1932 г. «Об обязательном обучении рабочих, обслуживающих сложные агрегаты, установки и механизмы», в котором первоочередное внимание уделялось технике рабочих ведущих профессий²³. Одной из форм активизации этой работы стала инициатива комсомола по проведению общественно-технического экзамена. В октябре 1933 г. ЦК ВЛКСМ утвердил порядок организации и проведения Всесоюзного общественно-технического экзамена на предмет овладения молодежью производственно-техническими знаниями и на право работать на станках и агрегатах, а основной формой подготовки к нему была признана учеба в кружках техникума²⁴.

Особенность данной формы производственной работы заключалась в том, что комсомолу удалось привлечь к вопросам технического обучения всю заводскую общественность: в квалификационные комиссии входили представители партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, инженерно-технические работники, а итоги экзаменов обсуждались на общих собраниях с участием администрации. Столь гласная оценка производственно-технической подготовки молодых рабочих создавала благоприятные условия для повышения их квалификации.

Вопросы совершенствования технического обучения рабочей молодежи обсуждались в марте 1934 г. на IX пленуме ЦК ВЛКСМ. Призвав «охватить поголовно всех комсомольцев и рабочую молодежь различными формами массового технического обучения с привлечением в них взрослых рабочих», пленум объявил о начале похода за овладение техникой²⁵.

Реализация начинания комсомола в Нижнем Поволжье выразилась в развертывании широкой сети разнообразных технических курсов и кружков, организации вечеров техники, производственно-технических выставок и т. д. На предприятиях Сталинграда в период подготовки к экзамену в более чем 400 технических кружках обучалось свыше 9 тыс. чел.²⁶ К этой работе удалось привлечь 865 инженерно-технических работников, которые принимали активное участие как в разработке вопросников к экзаменам, так и в работе 308 квалифицированных комиссий²⁷. Среди них лучшие образцы работы показывали: на тракторном заводе – инженер Умыскин, техник Молчанов, мастер Чашев; на заводе «Баррикады» – техник Альпатов и мастера Колунов и Воробьев; на «Красном Октябре» – инженеры Пашенко, Силкин и другие²⁸. В результате на предприятиях города в январе 1934 г. сдали общественно-технический экзамен 15151 чел., в том числе 7595 комсомольцев и рабочей молодежи, из которых на «отлично» сдали 1716 чел., на «хорошо» – 4003, на «удовлетворительно» – 2716 чел.²⁹ Экзамен способствовал росту квалификации рабочих: более высокие разряды получили около 1000 чел., в том числе 868 из рабочей молодежи, а более 200 чел. были выдвинуты в мастера³⁰.

На Саратовском заводе им. Ленина, по приказу директора Никитина, в каждом цеху создавались квалификационные комиссии с участием представителей всех общественных организаций. «Если рабочий при сдаче экзамена, – говорилось в приказе, – выявит большие знания, нежели требует данное рабочее место и разряд, переводить его в высший разряд и передвигать по квалификации. В случае, если знания рабочего не будут соответствовать данному разряду и рабочему месту, установить срок, в который рабочий обязан освоить данное рабочее место...»³¹

По инициативе Сталинградского крайкома ВКП (б) в январе 1934 г. в Астрахань была направлена бригада для оказания помощи в проведении общественно-технического экзамена³².

В целях проведения итогов общественно-технического экзамена Сталинградский крайком ВЛКСМ созвал в марте 1934 г. комсомольскую конференцию. Отметив изменение отношения рабочей молодежи к профессиональному обучению, конференция рекомендовала провести повторный экзамен для сдавших его на «неудовлетворительно» и «слабо», а также развернуть техническую учебу повышенного типа для сдавших экзамен на «хорошо» и «отлично»³³.

Кампания по проведению общественно-технического экзамена на основе «добровольно-принудительного принципа» сыграла определенную роль в улучшении организации технической учебы рабочих, в повышении их культурно-технического уровня.

К 1935 г. на предприятиях Нижнего Поволжья свыше 75 тыс. рабочих успешно сдали

общественно-технический экзамен³⁴. В целом по стране их число достигало 1030 тыс. чел., что составляло 57,6 % от общего числа молодежи, занятой в ведущих профессиях³⁵. Это позволило перевести многих из них на более сложные станки и механизмы с повышением квалификационного разряда и заработной платы. Главной причиной массового характера технической учебы являлось не столько обязательность, сколько ее мотивационность. Наряду с необычайной тягой к знаниям, свойственной людям той эпохи, не последняя роль принадлежала четкому пониманию непосредственной связи между образованием и улучшением материального положения.

Такая приоритетная зависимость выстраивалась государством сознательно и нашла свое дальнейшее продолжение во введении в тяжелой промышленности с 1 февраля 1935 г. обязательного государственного технического экзамена для рабочих 255 специальностей. Экзамен проводился с целью проверки качества овладения рабочими определенного техминимума и принимался непосредственно у агрегатов и механизмов. Учитывая результаты проведенных общественно-технических экзаменов, устанавливались льготы для рабочих, сдавших экзамены на «отлично» и «хорошо»³⁶.

Вопросы организации труда и технической подготовки рабочих специально рассматривались на декабрьском 1935 г. пленуме ЦК ВКП (б). Решения пленума ЦК содержали контуры самой серьезной за 1920–1930-е гг. программы повышения культурно-технического уровня рабочих на основе строгой последовательности стадий обучения в сочетании с его обязательностью и жестким контролем государства. Совпадение интересов рабочих и администрации предприятий с объективными потребностями индустриальной модернизации и идеологическими установками партии предопределило ощутимый рост профессиональной подготовки кадров.

Безусловно, регулярное повышение квалификации поощрялось администрацией и общественными организациями как морально (грамоты, благодарности, доски почета), так и материально (перевод на более высокие разряд и должность, премии, первоочередное предоставление жилья). Обучение для рабочих было бесплатным, а в некоторых случаях им даже выплачивали стипендии, что служило важным мотивационным фактором к труду.

Помимо тарифной ставки и предоставления улучшенного снабжения отдельным категориям рабочих, важнейшим стимулом увеличения трудовой активности в годы второй пятилетки оставалось социалистическое соревнование, в котором оставались приоритетными моральные стимулы. Оно рассматривалось как средство воспитания нового отношения к труду, как инструмент классово-политической борьбы против старых традиций и навыков в работе, «мелкобуржуазной» психологии выходцев из деревни.

В годы второй пятилетки по всей стране заговорили о новаторах производства. Это был еще один, неведомый ранее источник сил на пути в будущее. Миллионы трудящихся, прежде всего молодежь, поверившие в коммунистические идеалы, были вовлечены в социалистическое соревнование. Они шли сознательно на трудовые подвиги, создавая в стране обстановку массового энтузиазма. И если в первой пятилетке это движение называлось ударничеством, то в середине 1930-х гг. оно получило название стахановского, по фамилии шахтера из Донбасса Алексея Стаханова, который 30 августа 1935 г. добыл за смену 102 т угля вместо 7 т по норме. Правда, для этого пришлось остановить все другие работы на целой шахте и всех работников использовать на вспомогательных операциях. Конечно, это был не стихийный, а организованный процесс. В декабре 1935 г. ЦК партии одобрил «инициативу трудящихся», и вскоре весь Советский Союз был охвачен пропагандистской кампанией по распространению стахановского движения. Почин Стаханова по перевыполнению норм выработки был подхвачен в других отраслях.

На основе этих рекордных достижений передовиков производства повсеместно были резко повышены нормы выработки в целом на 15–25 %. Примечательно, что пересмотр норм выработки отдельных групп рабочих начался еще весной 1935 г. в соответствии с решением Политбюро 5 марта 1935 г. и приказом по НКТП за № 311 от 13 марта и предполагал их закрепление сроком на один год³⁷. Весной 1936 г. отраслевые конференции утвердили новые нормы выработки и расценки для рабочих различных профессий, превышавшие прежние в среднем на 25 %³⁸.

На примере Сталинградского тракторного завода можно наглядно проиллюстрировать процесс утверждения новых норм выработки (табл. 1).

Из представленного отчета (см. табл. 1) видно, что 64,9 % рабочих СТЗ находилось на прогрессивно-сдельной форме оплаты труда, к тому же именно их коснулось повышение норм выработки (85,7 %). Это было самое массовое за всю историю завода повышение норм при одновременном снижении расценок. В результате этих мероприятий завод в 1937 г. получил 1368 тыс. руб. экономии³⁹. Эта экономия достигалась в основном за счет ограничения фонда заработной платы, что, в конечном итоге, сводило на нет мотивационный эффект стахановского движения.

По мнению В. С. Тяжелниковой и А. К. Соколова, «несмотря на высокие официальные цифры стахановцев, происходила постепенная маргинализация движения»⁴⁰. Закрепить «стахановские рекорды» и сделать их массовыми в 1937 г. не удалось. Уже с февраля 1936 г. тема стахановского движения и соревнования практически, пусть на время, исчезла со страниц газет и журналов. Это не осталось незамеченным в высших партийных кругах. Выступая на заседании

Политбюро 17 февраля 1936 г., Сталин заметил, что «в последнее время наша печать втихомолку пытается заменить выражение «соревнование» выражением «конкурс», «конкурс-соревнование». По его предложению, Политбюро приняло решение «обязать газеты поместить статьи, разъясняющие значение соревнования как коммунистического метода строительства социализма на основе максимальной активности трудящихся и поручить т. Талю предоставить проект решения с целью предотвратить изгнание из нашего обихода выражение “соревнование”»⁴¹.

Несмотря на столь категорическое требование, стахановское движение в 1937 и последующих годах было обречено. Система оплаты труда, предусмотренная стахановским движением, оказалась несовместимой с логикой утверждавшейся планово-распределительной системы и финансовой несамостоятельностью предприятий. Сама по себе рекордомания противоречила сути централизованной системы и вела к нарушению производственного процесса, штурмовщине, перерасходу сырья и материалов, повышению износа станков и оборудования и, как следствие, росту производственного травматизма (табл. 2).

Из данных этой таблицы видно, что в 1936 стахановском году количество производственных травм на СТЗ более чем в 2 раза превышало аналогичные показатели завода «Красный Октябрь», а в 1937 г., когда движение новаторов пошло на спад, их общее число сократилось на 56,8–71,5 %. В годовом отчете СТЗ за 1936 г. отмечается увеличение травматизма – «за год потеряно 39231 день по несчастным случаям». Среди причин такого состояния указывались поломки станков, «загрязненность цехов и рабочих мест, неудовлетворительное снабжение материалами и инструментами»⁴².

Примечательно, что российское общество 1930-х гг., преимущественно традиционное по своей культуре, в огромной степени люмпенизированное, сумело воспринять и освоить индустриальную технологию. Советская модель командной экономики в целом соответствовала как деспотической природе индустриального труда, так и уравнилельно-общинным традициям российского общества. Командно-административная хозяйственная система во многом отвечала объективным потребностям и природе индустриальных преобразований в стране. Модернизация экономики, преобразование аграрного общества в высокоиндустриальное представляло собой нелегкую и чрезвычайно трудную задачу, немислимую без строгой дисциплины и упорного напряжения всех сил общества. Начатый в годы первых пятилеток процесс форсированной индустриализации воспринимался многими людьми как воплощение их собственных мечтаний о новой жизни. С этим был связан массовый энтузиазм на промышленных стройках.

Таблица 1

Отчет о пересмотре норм выработки и сдельных расценок на СТЗ в 1936 г. по основным цехам

Наименование цеха	Рабочих в них	В том числе сдельщиков	Утверждено новых норм	Пересмотрено норм в сторону повышения		Пересмотрено в сторону занижения	Осталось без изменения	% повышения норм выработки	% снижения норм выработки
				абсолют.	в %				
Механосборочный цех № 1	3447	2622	10044	9300	92,6	4	740	20,7	16,8
Литейный № 1	1765	1272	4357	3586	82,3	20	751	19,6	15,7
Кузнечный	683	489	8987	8895	99,0	–	92	18,3	15,5
Инструментальный	995	611	22894	18080	79,0	501	4313	10,6	9,6
Ремонтный	409	237	2897	2624	90,6	23	250	5,3	4,5
Метизный	492	390	5128	4136	80,6	1	911	12,5	11,1
Всего	15234	9899	89790	76952	85,7	627	12211	15,6	13,2

Таблица сост. по: РГАЭ. Ф. 7622. Оп. 1. Д. 649. Л. 2–5.

Таблица 2

Производственный и бытовой травматизм за 1936–1937 гг. (по данным ВЦСПС)

Предприятие	Дата	Число травм на 1000 работников									
		В связи с производством					Вне связи с производством				
		в год	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	в год	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
«Красный Октябрь»	1936 г.	82,5	21,9	22,7	17,5	20,4	27,1	7,3	6,5	6,3	7,0
	1937 г.	59	16,6	15,3	13,2	13,9	23,1	4,8	6,1	6,8	5,4
	% изменения	-71,5	–	–	–	–	–	–	–	–	–
СТЗ	1936 г.	168,5	58,5	39,7	36,7	33,6	15,6	6,0	3,7	3,3	2,6
	1937 г.	95,8	23,3	23,8	25,5	23,2	12,5	2,6	4,7	2,6	2,6
	% изменения	-56,8	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица сост. по: РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 23. Д. 10. Л. 4.

Бурные перемены в области трудовых отношений на производстве свидетельствуют о широкой низовой поддержке курса на социалистическое строительство. Размах стахановского движения стал в какой-то мере ответом на изменения в трудовых отношениях: властям удалось привить обществу навыки индустриального труда, добиться формирования квалифицированных кадров различных специальностей, обеспечивших экономический рывок в 1930-х гг.

Примечания

- 1 См.: Вдовин А. И., Дробижев В. З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М., 1976. С. 116.
- 2 См.: Елисеева В. Н. К вопросу о периодизации истории рабочего класса. М., 1986. С. 76.
- 3 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 308. Л. 54, 62.
- 4 См.: Болотов Н. А. Социальная политика в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы. Волгоград, 2004. С. 76–77.
- 5 См.: Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917– середина 1930-х годов) // Экономическая история : Обзор. М., 2000. Вып. 4. С. 64.
- 6 См.: Тяжельникова В. С. повседневная жизнь москов-

ских рабочих в начале 1920-х годов // Россия в XX веке : Люди, идеи, власть. М., 2002. С. 195.

- 7 См.: Тяжельникова В. С., Соколов А. К. Отношение к труду : факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 97.
- 8 См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 322. Л. 15 ; Д. 323. Л. 10; Д. 327. Л. 9 ; Д. 1266. Л. 72, 131, 157.
- 9 См.: Краткий статистический справочник. М., 1936. С. 136–137.
- 10 Статистический сборник Нижней Волги 1929–1933. Сталинград, 1934. С. 432.
- 11 См.: XVII съезд ВКП(б) : Стенографический отчет. М., 1934. С. 665.
- 12 ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 1. Д. 621. Л. 87.
- 13 Сборник законов СССР. 1933. № 59. С. 357.
- 14 Там же.
- 15 Болотов Н. А. Указ. соч. С. 122.
- 16 См.: Оссовский Е. Г. Основные этапы развития ФЗУ (1918–1940 гг.) // Новые исследования в педагогических науках. М., 1966. Вып. 8. С. 17.
- 17 ГАНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 110. Л. 31.
- 18 Культурное строительство СССР : стат. сб. М. ; Л., 1940. С. 107.

- ¹⁹ Культурное строительство СССР. С. 135.
- ²⁰ Индустриализация СССР. 1938–1941. М., 1973. С. 424.
- ²¹ См.: Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–июнь 1944 г. М., 1944. С. 130–131.
- ²² Там же. С. 228.
- ²³ Труд. 1932. 14 июля.
- ²⁴ См.: Товарищ комсомол : 1918–1968 : Документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ. Т. 1. М., 1969. С. 516.
- ²⁵ За Сталинградские снаряды. 1934. № 3–4. С. 5.
- ²⁶ Молодой ленинец. 1934. 15 января ; Поволжская правда. 1934. 6 марта.
- ²⁷ Молодой ленинец. 1934. 15 января.
- ²⁸ Индустриализация СССР. 1933–1937. Документы и материалы. М., 1938. С. 546.
- ²⁹ Молодой ленинец. 1934. 15 января.
- ³⁰ Поволжская правда. 1934. 23 марта.
- ³¹ ГАСО. Ф. Р–274. Оп. 1. Д. 407. Л. 182–183.
- ³² ГАНИВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ³³ Там же. Л. 20.
- ³⁴ См.: Славный путь ленинского комсомола. История ВЛКСМ. М., 1978. С. 243.
- ³⁵ См.: ГАНИВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4. Л. 110 ; ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 2. Д. 22. Л. 17–18.
- ³⁶ См.: Машиностроитель. 1935. 5 апреля.
- ³⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 961. Л. 14–15 ; РГАЭ. Ф. 7622. Оп. 1. Д. 451. Л. 2.
- ³⁸ Основные итоги отраслевых конференций тяжелой промышленности. М., 1936. С. 26–27.
- ³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7622. Оп. 1. Д. 649. Л. 3.
- ⁴⁰ Тяжельникова В. С., Соколов А. К. Отношение к труду : факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 114.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 934. Л. 24, 46–47.
- ⁴² РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 23. Д. 10. Л. 4.

УДК 621.396.982.6:621.396.683

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА СЕВЕРНОМ КAVКАЗЕ

В. З. Акопян

Пятигорский государственный лингвистический университет
E-mail: zaven2005@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты национально-государственного строительства в Северо-Кавказском регионе в 30-е годы XX века. Автор подчеркивает, что на этом этапе народы в полной мере стали объектом в политике бюрократического государства.

Ключевые слова: автономия, автономная республика, край, нация, национально-государственное строительство, национальный округ, национальный район, самоопределение.

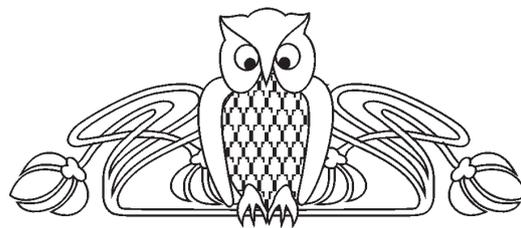
«Great Turning Point» in Nation-building in the North Caucasus

V. Z. Akopyan

The article considers some aspects of national-state building in the North Caucasus region in 30-s years of the XX century. The author emphasizes that at this stage of the Nations to the full extent become a subject in the policy of the bureaucratic state.

Key words: autonomy, autonomous republic, region, nation, nation-building, national district, national district, self-determination.

В последние годы вновь возрос интерес к истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в первые десятилетия советской власти. Целостное представление о происходивших в российском обществе в те годы процессах могут дать региональные исследования, которые эмпирически привязаны к

конкретному месту и времени и позволяют понять и объяснить основные тенденции национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг.

Краткий историографический обзор проблемы показывает, что, несмотря на значительное увеличение числа доступных архивных источников, сложившиеся в советские годы представления о происходивших в тот период процессах национально-государственного строительства, по существу, остаются прежними¹.

Национально-государственное строительство среди коренных народов Северного Кавказа и административно-территориальное строительство в масштабах всего региона в 20–30-е гг. XX в., включая русские регионы (Кубань, Ставрополье, отделы Терской области), условно можно разделить на несколько этапов. Первый датируется 1920–1924 гг. В этот период в процессе так называемой «автономизации» оформлялись национально-территориальные образования горских народов, и начиналось административно-территориальное строительство (так называемое «районирование») в русских регионах.

Следующий этап (вторая половина 1920-х – 1934 гг.) характеризует продолжение национально-государственного и административно-территориального строительства в рамках единого Северо-Кавказского края, куда вошли автономии и русские регионы (вначале разделенные на округа, а с 1930 г. – на районы). На третьем этапе (вторая половина 1930-х гг. – начало Великой Отечествен-

ной войны) произошло упразднение единой территориальной организации, формально повысился статус большинства автономий (АССР), а русские регионы приобрели конфигурацию, сохранившуюся в основном до наших дней.

Национальные лозунги большевиков диктовались исключительно тактическими задачами революции. В своей реальной национальной политике они не могли не использовать многовекового опыта Римской, Византийской, Османской и других империй, в которых целью создания единой нации была этническая миксация. Правительству большевиков также не была чужда идея создания единой «супернации» (название не имело значения). Ей только надо было придать «революционную упаковку» пролетарского интернационализма.

Однако продолжателем политики Ленина в национальном вопросе оказался Сталин, внешне позиционировавший себя как революционный державник. Но это одна сторона медали. Другая – Сталин как сын своего народа не собирался включать грузинскую нацию в единую советскую. Наоборот, он всячески содействовал формированию единого грузинского народа (этот процесс не был завершен) путем слияния всех картвелоязычных этносов (менгрелов, сванов, аджарцев, месхов и др.) с картлийцами. Более того, он организовывал включение в состав грузинского этнического сообщества иноязычных национальных групп Грузии – абхазов, осетин, армян и др. Иными словами, Сталин пошел по пути создания не одной «супернации», а нескольких – по числу союзных и ряда автономных республик. Реализация «грузинской национальной задачи» совпадала с такими же устремлениями национальных элит других союзных республик.

В первое десятилетие советской власти в национальном вопросе из тактических соображений все же сохранялся определенный консенсус. До конца 1920-х гг., осуществляя национально-государственное строительство, власть пыталась, насколько это было возможно, при утвердившейся модели общества и как это понималось идеологами того времени реализовать принцип «национального самоопределения». При установлении границ национальных автономий учитывалась территория этнического расселения. При этом провозглашенное право нациям самим определять свою судьбу исключало их отделение от единого государства с целью достижения полного суверенитета или присоединения к другим государствам (например, к Турции), к чему призывали пантюркисты и панисламисты, находившиеся после Гражданской войны за границей или перешедшие на подпольное положение. Наоборот, против отделения выступала вся советская национальная элита, которую интересовала лишь национальная автономия с максимально возможной территорией.

Таким образом, самоопределение в рассматриваемый период могло осуществиться

или в форме создания национальной автономии преимущественно горских народов (для компактно проживавших национальных меньшинств предусматривались «малая» и низовая формы территориальной автономии), или в форме интеграции всех (или нескольких) регионов в рамках единой территориальной организации. Такую центростремительную тенденцию поддерживали Центр и его властные и общественные структуры в регионах Северного Кавказа.

С конца 1920-х гг. начался «великий перелом», укрепивший тоталитарные основы советского общества. В связи с утверждением единоличной власти Сталина в национально-территориальном строительстве явно присутствует его почерк, хотя и до этого времени во многих мероприятиях звучал «акцент» наркома по делам национальностей. Правда, его можно было спутать с «акцентом» Орджоникидзе, Микояна, Калмыкова или «говором» Кирова, Позерна, Гикало и других деятелей центра и региона. Однако в 1930-е гг. посягать на авторские права «этнического инженера» уже никто не мог. Национальное строительство Сталиным осуществлялось так же масштабно, как и темпы индустриализации, строительства колхозов, преодоления неграмотности, ликвидации «врагов народа».

Первым отражением коллективизации и индустриализации в национально-государственном строительстве стала ликвидация округов в русских регионах и «вхождение» ряда городов и районов, в основном населенных русскими, в состав горских автономий. В соответствии с решениями XVI съезда ВКП (б), 17 августа 1930 г. Президиум исполкома Северо-Кавказского края принял постановление о ликвидации округов. Вместо них создавались 87 сельских районов и 10 городов. При этом количество районов сокращалось в 2 раза². Они стали напрямую подчиняться краевым ведомствам. Время проведения этого переустройства совпало с осуществлением сплошной коллективизации и, по всей видимости, объясняется стремлением рационализировать деятельность бюрократического аппарата. Юг России стал экспериментальным не только в районировании, но и должен был максимально быстро показать всей стране успешный опыт «социалистического переустройства деревни». В 1932–1933 гг. этот опыт был продемонстрирован катастрофическим голодом, охватившим зерновые районы страны и унесшим миллионы жизней.

Ликвидация «среднего звена» в лице округов отрывала район от краевого управления, так как образовывалась огромная дистанция между властными структурами. Выход был либо в поиске абсолютно новой модели территориальной организации, призванной обеспечить успешную реализацию задач «великого перелома» (на что времени у власти не было), либо в воссоздании старой, досоветской территориальной структуры, бесхитростно ориентировавшейся на геопо-

литическую устойчивость империи. Последнее обстоятельство отвечало и новым реальностям – приближалась война. Однако возвращение к ней стало бы признанием несостоятельности всего предшествующего советского административно-территориального строительства. Поэтому советская власть на Кавказе продолжала поиск оптимальной модели устройства в контексте названных парадигм. Большая роль здесь отводилась изменению названий регионов, призванных скрыть возвращение к модели старого территориального устройства.

Упразднение округов и укрупнение районов являлись лишь подготовительной мерой, направленной к ликвидации огромного края. В 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в г. Пятигорске. Параллельно происходило разукрупнение районов. В состав Азово-Черноморского края, состоявшего из 139 районов и 1212 сельсоветов, вошли Дон, Кубань и Адыгея. Территория в 180 тыс. кв. км и с населением около 6 млн чел. по-прежнему управлялась малоэффективно. В связи с этим в сентябре 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Ростовскую область с центром в Ростове-на-Дону и Краснодарский край с центром в г. Краснодаре. Границы Краснодарского края практически совпадали с историческими границами казачьего края, за исключением некоторых территорий, отошедших еще в начале 1920-х гг. к Ставрополью, и районов, переданных автономиям карачаевцев и черкесов. Край объединял 13 городов и 71 район с населением 2,9 млн чел. В его состав вошла Адыгейская АО, в 1936 г. увеличившаяся за счет присоединения к ней Гиагинского и Майкопского районов. Административным центром автономии стал г. Майкоп. Территория «нового» Северо-Кавказского края сократилась до пределов Ставрополья и горских автономных областей. Административным центром края в начале был определен г. Пятигорск, в 1936 г. – г. Орджоникидзе, а с декабря 1936 г. – г. Ставрополь, переименованный в Ворошиловск³.

В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. (на ее основе в 1937 г. была принята Конституция РСФСР) произошло формальное повышение статуса горских автономий – Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской в автономные республики. Они вместе с Дагестанской АССР были выведены из состава Северо-Кавказского края, с марта 1937 г. переименованного в Орджоникидзевский. Этот край теперь включал территорию Ставрополья, три района упраздненного Терского округа (включая курорты Кавказских Минеральных Вод), Карачаевскую и Черкесскую АО⁴.

Переход от автономной области к автономной республике означал для северокавказских автономий восхождение к более высокой форме национальной государственности: от админи-

стративно-политической к государственно-политической. Как государственные образования они формировали Верховный Совет и Президиум Верховного Совета, правительство – СНК, наркоматы и другие органы государственного управления, Верховный суд.

В каждой автономной республике состоялось «всенародное обсуждение» и, как правило, единогласное принятие проекта Конституции. Так, например, X Чрезвычайный съезд Советов Кабардино-Балкарской АССР 24 июня 1937 г. утвердил Конституцию республики, а 26 июня 1938 г. состоялись выборы в представительные органы РСФСР. 2 июня 1940 г. Конституция КБАССР, как и других автономий, была утверждена Верховным Советом РСФСР⁵. Все республиканские конституции закрепили произошедшие территориальные изменения, оговорив невозможность изменения их границ без согласия самой республики. Таким образом, новый статус автономий в форме АССР, пусть даже абсолютно формально, предоставлял северокавказским народам более высокий уровень государственности внутри федеративного (тоже только по форме) государства.

Другой новацией рубежа 1920 – 1930-х гг. стало включение ряда городов и районов, в основном населенных русскими, в состав горских автономий. Проекты подобных территориальных изменений возникали еще в нэповский период, однако тогда в определенной степени учитывалось настроение населения, и от реализации этих планов отказались или они были отложены «до лучших времен». Указанные изменения начались в 1928 г. присоединением многонационального, но главным образом населенного русскими г. Грозного со всеми богатейшими нефтепромыслами к Чеченской АО. Объединение Грозного с Чечней мотивировалось «усилением политического влияния грозненского пролетариата на чеченские крестьянские массы»⁶.

В том же году Чечня получила еще одно приращение – населенный русскими Сунженский округ. Первый подарок – Грозный (второй по значимости в промышленном отношении центр на Юге России, после Ростова) – призван был символизировать успех национальной автономии в начавшейся индустриализации, а второй (Сунжа) – показать успешную борьбу с кулаками и продемонстрировать успехи уже запланированной «сплошной» коллективизации, опять же на примере чеченской автономии⁷. Однако за всем этим, на наш взгляд, проглядывалось стремление упредить возможный сепаратизм до того мононациональной автономии, где проживал второй по численности этнос Северного Кавказа. В то же время земли, населенные чеченцами-аккинцами в западной части Хасавюртовского района, остались в Дагестане.

Такие же мотивы присутствовали при передаче Кабардино-Балкарии в 1932 г. большей части Прохладненского района с одноименным городом;

в 1933 г. Владикавказ (в 1931 г. переименованного в Орджоникидзе) в состав Северо-Осетинской АО⁸. Еще раньше, в 1930–1931 гг., русские селения и станицы Баталпашинского и Зеленчукского районов, упраздненного Армавирского округа были поделены между Карачаем и Черкесией. Это решение демагогически мотивировалось территориальной отдаленностью от окружного центра (г. Армавира) и традиционным экономическим тяготением казачьего населения к горцам. Все указанные и другие территории передавались автономиям волевым методом, без какого-либо учета мнения населения. В то же время внешне все обстояло демократично: проводились собрания, принимавшие заранее подготовленные решения, в которых объявлялось, что предпринимаемые меры осуществляются в интересах всех народов. Если где-либо возникали протесты (например, представители казачьих станиц Баталпашинского и Зеленчукского районов неоднократно поднимали вопрос об ущемлении интересов населения), активные представители общественности объявлялись «неблагонадежными», а то и кулацкими агитаторами, и подвергались репрессиям⁹.

Объединительные эксперименты продолжались и в последующие годы. Например, на завершающем этапе Великой Отечественной войны Моздокский район все же был включен в состав Северо-Осетинской АССР¹⁰.

В этом ряду перекройки границ 1930-х гг. своеобразной кульминацией стало объединение двух родственных народов – чеченцев и ингушей в одну общекавказскую автономию – Чечено-Ингушскую. С этнической точки зрения это объединение было более логичным по сравнению с объединением в либеральные 1920-е гг. алтайских (по языку) карачаевцев и балкарцев (в досоветский период их называли «горские татары») с адыгами – соответственно черкесами и кабардинцами.

Объединение Ингушетии с Чечней, в состав которой уже вошли город Грозный и Сунженский округ, открывало большие перспективы для хозяйственного и культурного развития Ингушетии, хотя и должно было снять претензии последней к Северной Осетии. В процессе объединения соблюдались все формальности: создана специальная комиссия из представителей двух автономий, проводились собрания, на которых «трудящиеся» вполне искренне и единодушно принимали положительные решения. В постановлении ВЦИК от 15 января 1934 г. отмечалось: «В согласии с выраженной волей трудящегося населения Чеченской и Ингушской автономных областей Президиум ВЦИК постановляет: “Автономную область Ингушетии объединить с Чеченской автономной областью, образовав Чечено-Ингушскую автономную область с центром в городе Грозном”»¹¹. Город нефтяников стал административным центром и Ингушетии, руководство которой ранее находилось во Владикавказе.

Во всех этих присоединениях прослеживалась определенная закономерность «сталинской

этноинженерии». Если в 1920-е гг. административно-территориальное деление Северного Кавказа более или менее полно учитывало ареалы этнического расселения, то в 1930-е гг. произошел отход от национального принципа в территориальной организации края. Административные «конструирования» приводили к сокращению доли титульных групп в составе их населения. Например, до 1936 г. на территории Адыгейской АО адыгейцы составляли около 56%, а после включения Майкопа и ряда других земель титульная нация, то есть этнос, давший название автономии, сократилась в 2,5 раза. В почти моноэтнической Чеченской АО после включения г. Грозного и Сунжи доля титульной нации составила 64%. В Северной Осетии эти данные соответственно характеризовались – 84,2% в 1926 г. и 50,3% в 1934 г.¹²

Эти ничем не ограниченные этнические объединения, проводившиеся во всех империях, могли породить иллюзию об абсолютной самостоятельности в действиях Сталина. Однако «отец всех народов» объективно выполнял запросы бюрократии как центральной, так и региональной. Хотя в 1930-е гг. местная национальная элита и стала «подчиненным объектом» (в предшествующем десятилетии ее роль была более значительной) и в случае недовольства могла быть обвинена в «национал-уклонизме», она могла теми или иными способами проявить недовольство сокращением доли титульной нации в автономиях.

Однако местная партийно-государственная бюрократия в своей массе не посылала в Центр такие отрицательные «сигналы». И не только из опасения быть репрессированной. Она могла быть удовлетворенной целым рядом обстоятельств. Во-первых, территориальные приращения за счет богатых русских территорий (плодородные земли, нефть, промышленность, квалифицированные кадры) делали автономии более значимыми и открывали новые перспективы для национальных элит и административных бюрократий¹³.

Во-вторых, при значительном сокращении доли этноса, давшего название автономии, сохранялся статус титульной нации, следовательно, национальной бюрократии гарантировались самые престижные места во власти. Наконец, автономии, как уже отмечалось выше, формально стали «политико-государственными» образованиями, что позволяло местным чиновникам носить более высокие титулы наркомов, верховных судей, депутатов Верховного Совета и т. д., пусть даже в крошечных республиках.

Из всего сказанного может сложиться впечатление, что проигравшей стороной выступало русское население Северного Кавказа. Однако за всеми формальными границами между союзными и автономными республиками, федеративной формой объединения Союза и РСФСР, выступало единое, унитарное государство, где сами русские должны были ощущать себя «титульной, державной нацией», а свой национальный язык государ-

ственным. Сам Сталин себя позиционировал (чем ближе назревала война, тем больше) как вождь великого русского народа, а следовательно, национальный чиновник должен был мечтать стать как можно больше русским. Уже одни эти обстоятельства позволяли русскому населению и бюрократии русского происхождения рассматривать происходящие изменения в административно-территориальном и национально-государственном строительстве как отражающие их интересы и выполнять тяжелую, но ответственную роль «старшего брата».

Другой «новацией» 1930-х гг. стало наступление против национальных меньшинств. В национальной политике Сталина явно прослеживались две составляющие: «державная» – он как руководитель огромной страны упрощал этническую карту, соединяя этносы; и «местечковая» – как грузин-патриот (внешнее позиционирование в качестве только лидера «великого русского народа» не должно обманывать). В национально-государственном строительстве как в Закавказье, так и на Северном Кавказе, вождь проводил политику, учитывающую интересы «исторической родины»: присоединение к Грузии договорной Республики Абхазии, а вместе с ней части Сочинского района, выдавливание и ассимиляция южных осетин и других национальных меньшинств, включение в состав Грузии территорий почти всех депортированных народов и т. д. Позволив властям Грузии масштабное ассимилировать национальные меньшинства, он такое право предоставил и другим республикам. Ной Жордания и другие лидеры-националисты буржуазной Грузинской Республики, так же как и некоторые современные лидеры независимой Грузии (например, Звиад Гамсахурдия), и не могли мечтать о такой маленькой региональной империи.

В условиях жесткого централизма в контексте рассматриваемой темы малые и низовые формы автономии – национальные районы и сельсоветы – с каждым годом все больше и больше теряли свой статус, а потом и вовсе были упразднены. 20 февраля 1939 г. было принято решение ЦК ВКП (б) о ликвидации и преобразовании, как отмечалось там, «искусственно» созданных национальных районов и сельских советов»¹⁴.

Краснодарский крайком ВКП (б), руководствуясь вышеупомянутым решением ЦК, 6 марта 1939 г. принял постановление преобразовать в обычные национальные районы края. В первую очередь был ликвидирован немецкий (Ванновский) национальный район¹⁵. Нападение гитлеровцев на Советский Союз предопределило судьбу этнических немцев, которые первыми из представителей национальных меньшинств подверглись депортации из европейской части страны в восточные районы (Казахстан и Новосибирскую область). В сентябре председатели исполкомов райсоветов, секретари райкомов ВКП (б) получили предписание: «На основании постановления

Госкомитета обороны (ГКО) от 21 сентября 1941 г. в срок с 25 сентября по 10 октября 1941 года из вашего района должны быть выселены все без исключения лица немецкой национальности»¹⁶.

Аналогичное решение было принято и в отношении Греческого района и национальных сельсоветов. Руководителей и интеллигенцию района обвинили в принадлежности к так называемой «Греческой контрреволюционной националистической диверсионно-шпионской и террористической организации» и уже в начальный период Великой Отечественной войны тысячи греков Краснодарского края были переселены в восточные районы страны. По мнению Сталина, прямым доказательством ориентации греков в пользу Германии являлся сам факт установления фашистского режима на их исторической родине¹⁷. И хотя такой повод невозможно было применить к русско-казачьему населению автономий, армянам, шапсугам и др., тем не менее, были ликвидированы и их национальные районы и сельсоветы.

В 1930-е гг. изменилось и отношение к украинизации. Национальный украинский фактор стал еще более нежелательным, чем казачий. В 1920-е гг. ситуация была иная. Казаки, изрядно поредевшие в ходе раскулачивания, коллективизации, в связи с трагическими последствиями голода 1932–1933 гг., уже не представляли сколько-нибудь существенной угрозы для режима. Украинская альтернатива теряла свое значение. Последующие всесоюзные переписи населения (в отличие от относительно объективной 1926 г.) показали многократное уменьшение численности украинцев. В результате ассимиляции происходило сокращение численности и других дисперсных и малочисленных этнических групп¹⁸. В этом факте было много объективного и закономерного, но в то же время наглядно проявилось желание жесткими административными мерами форсировать преодоление каких-либо этнических и социальных различий. Они, по мнению властей, выступали тормозом в деле строительства социализма¹⁹.

В целом, в предвоенные десятилетия XX столетия при всей противоречивости и декларативности политики большевистского государства в национально-территориальном строительстве, если исходить из того, в каком политическом положении многие северокавказские народы находились в царской России, в их социально-экономическом, культурном и политическом развитии был сделан серьезный цивилизационный прорыв. Увы, из двух тенденций: позитивной, учитывавшей интересы народов и конкретного человека-гражданина, и негативной, когда народы и конкретный человек играли роль «винтика» в бюрократическом механизме, в 1930-е и последующие годы предпочтение отдавалось второй тенденции.

Становление новой российской государственности имело одним из важных последствий пре-

вращение автономий, краев и областей Северного Кавказа в субъекты Российской Федерации. В то же время, пользуясь слабостью федерального центра, республики принимали собственные конституции, во многом нарушающие федеральное законодательство. Данную ситуацию попытались изменить лишь в начале XXI в., когда начался целенаправленный процесс укрепления Федерации и формирования в стране единого правового пространства.

Предпринятые федеральной властью меры способствовали укреплению российской государственности. На наш взгляд, важно, чтобы все слои общества были вовлечены в сложную работу по гармонизации межнациональных отношений и, в частности, совершенствованию национально-государственного и административного устройства, призванного удовлетворить интересы всех групп населения. От эффективности государственной политики в этом регионе во многом зависит настоящее и будущее всей страны. Именно здесь проверяются на прочность Российское государство, жизнеспособность современной модели его развития.

Примечания

- 1 См.: Хлынина Т. П. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы : проблемы современной историографии // Отечественная история. 2005. № 1 ; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ : границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов н/Д, 1997 ; Тютюнина Е. С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе // Национально-государственное строительство в Российской Федерации : Северный Кавказ. 1917–1941 гг. Майкоп : Меоты, 1995 ; Шнайдер В. Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917– кон. 1950-х гг.) : закономерности и противоречия. Армавир, 2007 и др.
- 2 См.: Национально-государственное строительство в Российской Федерации... С. 235.
- 3 Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2007. С. 74.
- 4 Шнайдер В. Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе... С. 55–56.
- 5 См.: История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978 гг. : в 2 т. Т. 1. М., 1979. ; Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность : сб. документов. Нальчик, 2000 ; Унежев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик : Эль Фа, 2005 и др.
- 6 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р. –7. Оп. 21. Д. 3265. Л. 70 ; Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. М., 2006.
- 7 РГАСПИ. Ф. Р. –17. Оп. 67. Д. 462. Л. 10.
- 8 См.: СУ РСФСР. 1933. № 40. С. 156 ; Сланов И. А. Национально-государственное строительство в Северной Осетии // Национально-государственное строительство в Российской Федерации : Северный Кавказ. 1917–1941 гг. Майкоп : Меоты, 1995.
- 9 Скорик А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы : грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д, 2009. С. 108–280 ; Тикиджян Р. Г. Административно-территориальная реформа на Дону и Северном Кавказе и политика Советского государства в отношении казачества 1920–1930-е годы XX века // Казачья государственность : исторические, правовые и культурные аспекты : материалы междунар. науч. конф. Краснодар, 2011. С. 197–205.
- 10 Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р. –639. Оп. 2. Д. 857. Л. 9 ; Город Моздок : Исторический очерк. Владикавказ, 1995. С. 164.
- 11 Государственный архив Чеченской Республики (ГАЧР). Ф. Р. –268. Оп. 1. Д. 274. Л. 60.
- 12 См.: Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. Нация и культура. Новые исследования. Социальная география. М. : Оги, 2005. С. 24.
- 13 Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа... С. 13–20.
- 14 РГАСПИ. Ф. Р. –17. Оп. 114. Д. 637. Л. 7.
- 15 Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. Р. –493. Оп. 1. Д. 101. Л. 67.
- 16 Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. Р. –1. Оп. 85. Д. 13. Л. 5.
- 17 Игнатова М. Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
- 18 Всесоюзная перепись населения 1939 г. Россия. СПб., 1999. С. 18–21.
- 19 См.: Акоюн В. З. Северный Кавказ : история и современность. Пятигорск, 2007 ; Северный Кавказ : государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940. Ростов н/Д, 2010. С. 27.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ГЕРОИ И НЕДРУГИ: САРАТОВСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВОЙН РОССИИ С НАПОЛЕОНОМ, 1805–1815 ГОДЫ

Рецензия на книгу В. П. Тотфалушина «Саратовский край и Наполеоновские войны: К 200-летию Отечественной войны 1812 года». Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 216 с.

Э. М. Вовси

Университет Флориды, США
E-mail: emv04@fsu.edu

**Heroes and Foes:
Saratov's Region during the Napoleonic Wars, 1805–1815**

E. M. Vovsi

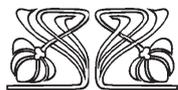
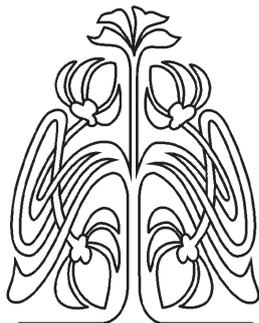
Book review: Victor Totfalushin. Saratov's region and the Napoleonic Wars: in commemoration to bicentennial of the 1812 Russian Patriotic War. (Saratov, ed. Saratov State University, 2011); p. 216.

Имя Виктора Петровича Тотфалушина – автора, педагога со стажем, опытного исследователя и моего коллеги – хорошо знакомо любителям истории наполеоновской эпохи в России и за рубежом. На счету доцента Тотфалушина, преподавателя кафедры истории России Института истории и международных отношений СГУ имеется около 300 публикаций, включая, ставшей уже классикой, монографию «М. Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года» (Саратов, 1991), а также учебно-методические издания по истории России, статьи в энциклопедиях, посвященных Отечественной войне 1812 года и заграничным походам российской армии в 1813–1815 гг., и многие другие.

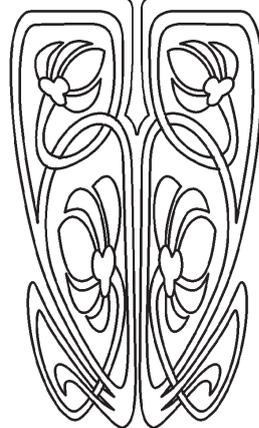
Однако наибольшую известность в последние годы В. П. Тотфалушин снискал благодаря своим емким, тщательно выверенным по первоисточникам, публикациям по истории своего родного Саратовского края в эпоху Наполеоновских войн, в которых равным образом отражены письма, реляции, государственные акты и мемуары современников, наряду со взглядом со стороны – воспоминаниями пленных Великой армии, волею судьбы оказавшихся в этом отдаленном от основного театра военных действий, российском регионе.

Не стала исключением в этом плане и новая работа Тотфалушина «Саратовский край и Наполеоновские войны» (Саратов, 2011). Данное исследование, которое, без сомнения, вобрало в себя лучшие наработки автора за 20 последних лет – призвано познакомить современного читателя со всеми достижениями и неудачами, которые выпали на долю различных сословий и групп, населявших Волжский регион и специфически Саратовскую губернию, в годину тяжелых испытаний Отечественной войны 1812 г.

Книгу предваряет введение, в котором автор анализирует историографию темы, берущей свои истоки с конца 1830-х гг. Он подробно рассматривает исследования российских дореволюционных и советских историков, так или иначе затрагивающих в своих работах Саратовский край: биографии именитых государственных и военных деятелей, вопросы ополчения, формирование воинских частей, масонство среди саратовцев и, конечно же, пребывание в Саратовском крае

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

военнопленных, оставивших спектр мемуарного и эпистолярного наследия по истории региона.

Основная часть исследования доцента Тотфалушина состоит из двенадцати глав, выдержанных в хронологическом порядке. В первой главе – «Волжская губерния» – автор повествует о Саратовской губернии как составной части Российской империи. Весьма интересен обработанный автором статистический материал: развитие сельского хозяйства и промышленности в регионе, внутренний рынок, общее описание Саратова, казачьи и военные учреждения края и пр. Интересен также и губернаторский отчет, составленный, правда, в 1858 г. (с. 38), что не совсем имеет отношение к заявленной теме исследования, так как, собственно, Наполеоновские войны (о терминологии см. ниже) традиционно охватывают период с 1805 по 1815 г.

Главы «Прелюдия к двенадцатому году» и «Загитишь перед бурей» исследования В. П. Тотфалушина посвящены подготовке Саратовского края к грозному испытанию – участию России в коалиционных войнах 1805–1807 гг. и Отечественной войне 1812 г. Весьма интересны, но мало знакомы современному читателю, приведенные автором данные о рекрутских наборах и о связанных с ними проблемами как для государства, так и самих рекрутов. Немаловажен и анализ пожертвований, проведенный мещанским и купеческим сословиями в годину тяжелых испытаний. В дополнение не лишним было бы указать и на вклад духовенства в общее дело (если информация на этот счет имеется), чтобы составить всю полноту картины.

Глава четвертая – «Собрать новые силы» – повествует о попытке комплектования ополчения уже во время нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. Чрезвычайно интересным является обзор доцента Тотфалушина, посвященный судьбе поволжских колонистов (в основном немцев, с. 84–85), пожелавших вступить в ополчение, однако проследить их дальнейшую судьбу оказалось довольно трудно, ввиду отсутствия исчерпывающей историко-экономической базы. В целом, как заключает автор, Саратовского края коснулись многие проблемы местного характера, доселе не нашедших широкого анализа в «традиционной» исторической науке: малочисленность добровольцев, отсутствие патриотического порыва в среде дворянских семей, увеличение количества беглых крестьян, скрывающихся от ненавистной рекрутчины, а также нарушение существующего законодательства властью предрежущими (с. 100). Проведенные доцентом Тотфалушиным исследования ставят под сомнение устоявшийся стереотип всеобщности «народной» войны и указывают на глубокий аналитический характер работы с первоисточниками – этой основы исторического знания.

Следующие главы – «Мы более имеем нужду в лошадях...» и наиболее динамичная «Цена победы» – продолжают повествование о вкладе саратовцев в общее дело победы над врагом. Наиболее образовательным в этой части (например,

для студента или иностранного преподавателя, специализирующего на истории России) является анализ трех основных видов земских повинностей (рекрутской, подводной / тягловой и квартирной), ложившихся тяжелым бременем на податные сословия. Исчисляя общую сумму пожертвований, доцент Тотфалушин привлек новый спектр источников, показав, что общий вклад саратовского общества в победу над врагом в 1812 г. составил около 900 тыс. рублей – сумма по тем временам небывалая. Не остались без внимания автора и формы общественной благотворительности, основой которой был патриотизм и чувство гражданского долга, в основном проистекающий из дворянской среды (с. 134).

Впрочем, для современного читателя, в большинстве своем незнакомого с денежной системой императорской России начала XIX в., могут остаться в тайне многочисленные финансовые исчисления, раскладки и подсчеты, используемые Тотфалушиным для подкрепления своих тезисов. Несомненно, понятие «рубли» той поры отличалось от современного; так, по Монетному уставу 1810 г. в рубле содержалось 18 гр. чистого серебра. Впрочем, в 1812 г. речь шла, скорее всего, об ассигнационном рубле, за который давали не более 25 копеек серебром¹. Разъяснительная информация такого рода послужила бы приятным дополнением к излагаемому материалу и еще более приблизила бы любознательного читателя к эпохе 200-летней давности.

Наиболее интересными в работе саратовского историка являются три последующие главы о пребывании в Поволжском крае иностранцев, включая и сосланных в Саратовский край «неблагонадежных» лиц Российской империи, и, разумеется, многочисленных пленных Великой армии всевозможных национальностей, вероисповеданий, манер воспитания и поведения. Если число первых было минимальным (не более трех десятков), то число военнопленных установлено доцентом Тотфалушиным в количестве более 5 тыс. человек (включая двух генералов), что является наивысшим показателем по российским губерниям (с. 157–158). На основе фактического материала автор широко освещает ту печальную картину – сбор, препровождение пленных по различным этапам, снабжение, болезни и смертельные случаи, во многом обусловленные низким уровнем медицинского обслуживания той эпохи. С другой стороны, вместе с необходимостью репатриации пленных по окончании военных действий в 1814 г. российское правительство было также заинтересовано и в том, чтобы некоторые из них остались в России, в основном для обработки земельных наделов (с. 177). Здесь доцент Тотфалушин вновь привлекает внимание читателей к легендарной фигуре Н. Савена, во многом сочинившим свою «каноническую» биографию. К сожалению, вне оценки автора остался анализ значительного корпуса эпистолярной и мемуарной

литературы, оставленной саратовскими военнопленными, хотя общий обзор данного наследия присутствует во введении (с. 27, 29–32) и в главе «Волжская губерния» (см., например, с. 48, где речь идет о воспоминаниях Ж. – В. Понселе). Завершает книгу краткое исследование о сохранении памяти об эпохе 1812 г. в сердцах саратовцев – потомков той военной поры.

В целом исследование В. П. Тотфалушина написано ровно, с соблюдением академических канонов, и является удобным инструментом для восприятия, как подготовленным специалистом, так и тем, кто только начинает свой путь на поприще исторической науки. Не являясь знатоком в области тылового обеспечения, проблем внутренней российской финансовой и административной структуры, делопроизводства и «разбора» пленного периода Наполеоновских войн, затронувших Саратовский край, автору настоящей рецензии хотелось бы заострить внимание на некоторых «технических» вопросах и проблемах издательского характера.

Так, автор оперирует одновременно понятиями «коалиционные войны XIX в.» (например, на с. 50, 66) и «Наполеоновские войны» (например, на с. 26, 35, 115), хотя с исторической точки зрения более правомерным является первое определение². Что касается воинских званий и должностей Великой армии, то необходимо отметить, что звание «шеф батальона» (*chef de bataillon*; с. 27) целесообразнее переводить все же, как «командир батальона», так как по реформе армии от 21 февраля 1793 г. данное звание несло вполне прямую командную нагрузку³.

Упомянув о попавшем в плен «графе Сегюре» (с. 30), необходимо было пояснить, что речь в данном случае идет о капитане Октаве-Габриеле де Сегюре, дальнем родственнике знаменитого генерал-адъютанта императора Наполеона и впоследствии мемуаристе, графе Филиппе Поле де Сегюре⁴. Не совсем верно доцент Тотфалушин именуется «маршалом» графа Красицкого (с. 146): тот, скорее всего, занимал должность предводителя дворянства (*маршалак земски*) на литовской территории Великого Герцогства Варшавского.

Наконец, несколько необычным видится использование автором «старого», юлианского, стиля летоисчисления (например, переправа че-

рез Неман – 12 июня; день Лейпцигской битвы – 6 октября; вступление союзных войск в Париж – 19 марта), что несколько затрудняет слежение за повествованием тех, кто привык к «новому», грегорианскому, стилю. Вероятно, целесообразней было бы использовать разделитель (*solidus*), указывающий на старый / новый стиль, например, «12/24 июня 1812 г.».

В заключение скажем, что досадным упущением книги является, на наш взгляд, отсутствие как списка источников и литературы, так и указателя географических названий и имен собственных, обычно помещаемых в конце подобного рода изданий. Там же было бы неплохо поместить карты, иконографический материал и небольшой глоссарий, где современный читатель – не всегда знакомый, скажем, с российской дореволюционной системой мер, весов и административных терминов, – мог бы найти объяснение и толкование значений таких старорусских понятий, как «десятины земли», «прогонные деньги», «оберфорштегер» и т. д.

Впрочем, исследование Виктора Петровича Тотфалушина об истории Саратовского края в период Наполеоновских войн, которое развенчивает ряд дотоле устоявшихся мифов и стереотипов, является ценным пополнением к уже существующему сонму литературы, созданной к 200-летию юбилею, и, безусловно, найдет во многом благодарного читателя.

Примечания

- ¹ Информация любезно предоставлена автору рецензии Николаем Трошиным, служащим Центрального банка России.
- ² Например, о «коалиционных войнах» говорит император Наполеон в своем обращении к армии от 29 сентября 1805 г. (см.: *Correspondance de Napoléon I. Vol. 11*). Термин «Наполеоновские войны» прочно вошел в историографию в 1860-е гг., после перевода на английский язык работ А.-А. Жомини.
- ³ *Décret généraux sur l'armée. Des 21, 23–25 février 1793 // Journal Militaire. 1793. Vol. 6. P. 137–149.*
- ⁴ *Campardon Émile. Liste des Membres de la Noblesse Impériale, dressée d'après les registres de lettres patentes. Paris, 1889. P. 171.*

ХРОНИКА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ: ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В. А. Чолахян

Саратовский государственный университет
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

V. A. Cholakhyan

Current Problems of Russian Civilization and Methods of Teaching History: Russian Nation-wide Scientific Conference

15–16 февраля 2013 г. в Институте истории и международных отношений (ИИ и МО) СГУ проходила VI Всероссийская межвузовская научная конференция «Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории».

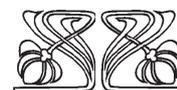
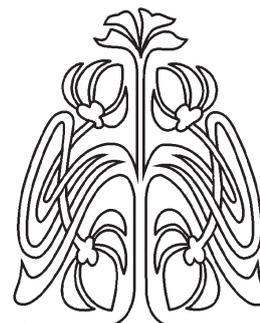
В работе конференции приняли ученые и аспиранты из Волгограда, Красноярска, Махачкалы, Москвы и Санкт-Петербурга, а также из различных вузов Саратова. Свои статьи направили ученые из дальнего зарубежья – ФРГ и США. Это свидетельствует о растущем интересе научного сообщества к рассматриваемым на конференции проблемам. Формат конференции завоевывает все большую популярность, а сам научный форум приобретает известность, выйдя и на международный уровень.

Пленарное заседание конференции открыл зав. кафедрой российской цивилизации и методики преподавания истории, доктор исторических наук, профессор В. А. Чолахян, осветивший историю становления кафедры и приоритетные направления научно-исследовательской деятельности ее сотрудников.

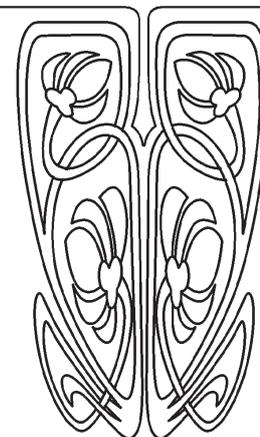
С приветственным словом к участникам конференции выступила директор ИИиМО, доктор экономических наук, профессор Т. В. Черевичко, отметившая актуальность широкого круга представленных на конференции проблем отечественной и региональной истории, а также методики ее преподавания.

На пленарном заседании с докладом «Некоторые тенденции современной российской историографии» выступил доктор исторических наук, профессор, главный редактор исторического журнала «Клио», президент Международной ассоциации исторической психологии С. Н. Полторак (Санкт-Петербург). Как исследователь и издатель, он отметил непрерывность исторического процесса и преемственность советской и российской историографии. По его мнению, общее историографическое русло, несмотря на влившиеся в него потоки, в начале XXI в. остается прежним, и в авангарде идут те исследователи, которые и раньше создавали свои труды, стремясь к объективности и глубокому анализу источников.

В настоящее время в отечественной исторической литературе появился такой феномен, как «folk history», представляющий собой популяризаторское, фальсификаторское направление в исторической науке, лидерам которого стали математик, академик РАН А. Т. Фоменко и кандидат исторических наук Г. В. Носовский, а также В. М. Кандыба и П. Н. Золин и др. В то время как значительные научные труды по истории выходят из печати мизерными тиражами, опусы этих авторов издаются десятками тысяч экземпляров, прививая дурновкусие не

ПРИЛОЖЕНИЯ

только широким слоям населения, но и влияя на часть профессиональных историков.

Выступление доктора исторических наук, профессора ИИиМО СГУ А. И. Авруса «История спорта России: состояние, проблемы, перспективы» было посвящено состоянию исторических исследований по истории спорта в России. В настоящее время спорт не только является составной частью массовой культуры общества, но и важнейшим фактором международных отношений. По мнению ученого, основной задачей развития изучения спорта должны стать рассмотрение проблематики не только в ее прикладном значении, но и в социокультурном аспекте, а также координация историков, исследующих историю спорта, в том числе и через создание специализированного журнала. Профессор А. И. Аврус высказал ряд конкретных предложений как по созданию научных исследований по истории спорта, так и по превращению занятий спортом в одну из национальных идей России.

Завершилось пленарное заседание докладом кандидата исторических наук, доцента С. В. Удалова (Саратов) «Историческая культура русского общества первой половины XIX века: к постановке проблемы». В своем выступлении автор подчеркнул важность исследования исторической культуры русского общества первой половины XIX в. именно как сложной системы взаимосвязей профессиональной историографии и массовых обыденных представлений о прошлом. В центре внимания историка, по мнению докладчика, должно находиться комплексное исследование по двум направлениям: изучение контекста, внутри которого происходила смена парадигм исторического мышления и, по сути, закладывались основы совершенно новой исторической культуры, а также анализ внутренней структуры исторической памяти русского общества, наполнявших ее образцов прошлого и их эволюции.

На секциях «История дореволюционной России», «Проблемы изучения Отечественной истории в новейшее время» и «Теория и методика преподавания истории» прозвучало 57 докладов.

В секции «История дореволюционной России» (руководитель доктор исторических наук, доцент С. А. Кочуков) интерес присутствующих вызвал доклад кандидата исторических наук, доцента Д. С. Артамонова (Саратов) «Образ Вадима Новгородского в сочинениях Екатерины II» о мифическом предводителе новгородцев, восставших в 864 г. против князя Рюрика. Предание о Вадиме привлекало внимание многих русских писателей и нашло отражение в драматическом произведении Екатерины II «Историческое представление из жизни Рюрика». Д. С. Артамонов показал, как с лёгкой руки просвещённой императрицы началась жизнь Вадима Храброго в русской литературе.

Доцент кафедры истории России СГУ, кандидат исторических наук О. В. Кочукова в своем выступлении проанализировала письма В. П. Ме-

щерского великому князю Александру Александровичу, написанные в 60-е гг. XIX в. Особое внимание она уделила путешествию Мещерского по России и показала, что российские травелоги общественных деятелей сыграли немаловажную роль в становлении консервативной версии оценки «Великих реформ».

В докладе С. А. Кочукова рассматривалась деятельность русского генералитета в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он показал, что в нем были представлены и «никлаевские служаки», хлебнувшие горечь поражения еще в ходе Крымской войны, за которыми укрепилась репутация неудачников, и «теоретики» генералы, как правило, проходившие по службе в штабах, и «Суворовы XIX века», проявившие большой интерес к суворовской тактике и старавшиеся ее в ряде случаев, иногда с успехом, иногда без, применить в войне против Турции.

В докладе «Кризис идей восточничества» кандидат исторических наук В. В. Суворов (Саратов) пришел к выводу о том, что идейное течение находилось на пересечении двух традиций в общественной мысли – славянофильских идей самобытности русского пути развития и идей восточной природы российского народа, культуры и государственности.

Доклад кандидата исторических наук, доцента Э. В. Костяева (Саратов) был посвящен деятельности меньшевиков-оборонцев в заключительном периоде Первой мировой войны. Автор показал эволюцию оборонческой позиции РСДРП (м) в ходе войны в соответствии с историческим реалиям времени.

В секции «Проблемы изучения отечественной истории в новейшее время» (рук. доктор исторических наук, профессор В. А. Чолахян) интересное обсуждение состоялось после доклада доктора исторических наук, профессора В. А. Митрохина (Саратов) «Россия и Запад в воззрениях первой волны эмиграции (1920 – 1930-е гг.)».

Выступление кандидата исторических наук, доцента А. В. Лучникова было посвящено сравнительному анализу социально-классового состава чиновничье-бюрократического аппарата Советской России и Веймарской республики в 1918–1922 гг.

На актуальность правильного применения военной терминологии в исторических трудах (на примере Гражданской войны в России) указал в своем выступлении кандидат исторических наук, доцент А. А. Симонов (Саратов).

В докладе А. А. Гуменюка (Саратов) об охране здоровья рабочих СССР в 1965–1985 гг. (по материалам Саратовской области) раскрывается состояние здравоохранения в условиях «развитого социализма».

Профессор В. А. Чолахян посвятил свое выступление истории армян на Саратовской земле. Появление и расселение армян на юге-востоке Руси тесно связано с историей Нижнего Повол-

жья. Армяне принадлежат к числу древнейших жителей этого региона. Уже в 1262 г., вскоре после появления монголов в Закавказье, многие армяне были вынуждены переселиться в Нижнее Поволжье. С конца XVII в. армянские купцы Джульфийской кампании вели интенсивную торговлю в Поволжье, осуществляя экономическую связь России с Персией, странами Ближнего Востока и Кавказа.

В секции «Проблемы теории и методики преподавания истории» (руководитель кандидат политических наук, доцент И. В. Ястер) принимали участие как преподаватели ИИиМО СГУ, так и учителя школ Саратова, Энгельса и Энгельского района, а также доцент Волгоградского государственного университета Н. А. Арчебасова.

Наибольший интерес вызвали доклады М. В. Сергеевой, зам. директора по учебно-воспитательной работе лицея № 15 г. Саратова, и С. А. Плакуненко, учителя школы ЗАТО Светлый, посвященные обсуждению новых федеральных государственных образовательных стандартов по истории. В сообщении кандидата политических наук, доцента И. В. Ястер освещался опыт реализации новых ФГОС.

Методист управления образования Заводского района г. Саратова Е. В. Аристархова в своем выступлении проанализировала итоги государственной аттестации учителей.

Гостя из Волгоградского государственного университета Н. А. Арчебасова сделала ретроспективный анализ преподавания истории в гимназиях XIX века. Она экстраполировала проблемы методики дореволюционной России на современность.

В докладе кандидата философских наук, доцента Н. В. Попковой (Саратов) изучался первый опыт использования электронных учебных пособий в СГУ, а кандидат психологических наук, доцент Т. С. Великая (Саратов) рассмотрела перспективы использования метода проектирования в преподавании истории в школе.

О большом интересе свидетельствует значительное количество вопросов, заданных их авторам, и разгоревшиеся на секционных заседаниях дискуссии.

В рамках научной конференции состоялось заседание «круглого стола», посвященное презентации исторического журнала «Клио» с участием его главного редактора доктора исторических наук, профессора С. Н. Полторака. Модератором заседания выступил доктор исторических наук, профессор В. А. Чолахян.

В дискуссии приняли участие член редакционной коллегии журнала «Клио», доктор исторических наук, профессор А. И. Аврус, председатель диссертационного совета ИИиМО СГУ, доктор исторических наук, профессор В. Н. Данилов, доктор исторических наук, профессор А. А. Герман, доктор исторических наук, профессор С. А. Мезин, руководитель региональной отделения международной ассоциации по исторической психологии, доктор исторических наук, профессор СГТУ Г. В. Лобачева, доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления А. В. Посадский, а также преподаватели ИИиМО и других вузов Саратова.

В ходе обсуждения участники заседания выработали некоторые рекомендации по расширению тематических разделов журнала, в частности, включение таких рубрик, как археология, новости из диссертационных советов, история российского спорта, образцы отзывов ведущих организаций при защите диссертаций.

В целом разговор получился полезным и конструктивным. Заседание круглого стола стало еще одним важным шагом на пути укрепления творческих связей историков разных городов. Участники круглого стола подчеркнули, что историческая наука, как и любая другая наука, может развиваться только тогда, когда между учеными существует обмен – находками, мыслями, гипотезами, концепциями.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопян Виктор Завернович, кандидат исторических наук, доцент Пятигорского государственного лингвистического университета. E-mail: zaven2005@yandex.ru

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: baranovav@mail.ru

Белевцева Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Курского государственного университета. E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

Васильченко Максим Анатольевич, аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: maks-vasilchenko@mail.ru

Вовси, Э. М., доктор истории факультета международных отношений Университета Флорида, (США). E-mail: emv04@fsu.edu

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Galyamichev57@mail.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Колесникова Светлана Юрьевна, аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: April.88@inbox.ru

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Левин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского института Саратовского государственного университета. E-mail: serg.lewin@yandex.ru

Маврина Юлия Валерьевна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института исто-

рии и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: mavrinajv@mail.ru

Макарова Дарья Юрьевна, соискатель кафедры теологии и религиоведения Курского государственного университета. E-mail: veter-s-gor@yandex.ru

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Петрыкина Дарья Владимировна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: dariadecember@mail.ru

Помоголова Оксана Игоревна, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ksy2093@mail.ru

Спикина Елена Эдуардовна, соискатель учёной степени кандидата исторических наук кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: smi@mse.istnet.ru

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: shenins@yahoo.com

Шереметьев Александр Григорьевич, аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: alexandrsheremetev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Акopian Viktor Zavenovich, candidate of historical sciences, senior lecturer Pyatigorsk state linguistic University. E-mail: zaven2005@yandex.ru

Baranov Alexey Vladimirovich, History PhD, assistant professor of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of history and international relations of Saratov State University. E-mail: baranovav@mail.ru

Belevtseva Svetlana Nikolaevna, candidate of the Historical Science, associate Professor of the Department of General History, Kursk State University. E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

Cholakhyan Vachagan Albertovich, doctor of historical sciences, professor, head of department of the Russian civilization, and methods of teaching history of the Saratov State University. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Vovsi M. Eman, Ph.D., adjunct-professor at the Department of International Affairs, Florida State University, USA. e-mail: emv04@fsu.edu

Galyamichev Alexandr Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the Medieval History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Galyamichev57@mail.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, History PhD, Assistant Professor of the chair of Historiography, Regional history and archaeology in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Kochukova Olga Viktorovna, History PhD, assistant professor of the chair of cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Kolesnikova Svetlana Yurievna, a postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: April.88@inbox.ru

Lyovin Sergey Vladimirovich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of History in the Balashov Institute of Saratov State University. E-mail: Serg.Lewin@yandex.ru

Makarova Darja Yurjevna, post-graduate student faculty of

theology and religions of the Kursk State University. E-mail: veter-sgor@yandex.ru

Mavrina Yulia Valerievna, a postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mavrinajv@mail.ru

Mosolkina Tatyana Valentinovna, the doctor of historical sciences, the professor of chair of history of the Middle Ages of Institute of history and the international relations of the Saratov state university. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Petrykina Daria Vladimirovna, Postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: dariadecember@mail.ru

Pomogalova Oxana Igorevna, a postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ksy2093@mail.ru

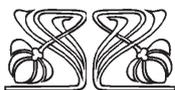
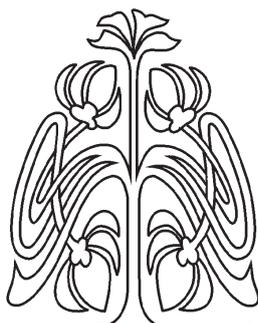
Shenin Sergey Yuryevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of International Relations and Russian Foreign Policy in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: shenins@yahoo.com

Sheremetev Alexander Grigoryevich, a postgraduate student of the Chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations Saratov State University. E-mail: alexandrsheremetev@yandex.ru

Spikina Elena Eduardovna, an applicant for the degree of a candidate of historical Sciences of the Chair of the History of Russia Saratov State University. E-mail: smi@mse.istnet.ru

Totfalusin Viktor Petrovich, a History PhD, a senior lecturer of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: TotfalusinVP@info.sgu.ru

Vasilchenko Maxim Anatolevich, a postgraduate student of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: maks-vasilchenko@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на I полугодие 2014 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.